

ФРАНСУА РАБЛЕ

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ

ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ КЛАССИКИ

Франсуа Рабле

Гаргантюа и Пантагрюэль

«ФТМ»
1532-1552

Рабле Ф.

Гаргантюа и Пантагрюэль / Ф. Рабле — «ФТМ», 1532-1552

Роман великого французского писателя Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» – крупнейший памятник эпохи французского Ренессанса. Книга построена на широкой фольклорной основе, в ней содержится сатира на фантастику и авантюрную героику старых рыцарских романов.

© Рабле Ф., 1532-1552

© ФТМ, 1532-1552

Содержание

«Гаргантюа и Пантагрюэль»: хроника, роман, книга?	6
Гаргантюа и Пантагрюэль	14
Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца	14
Пантагрюэля, некогда сочиненная магистром Алькофрибасом	
Назье, извлекателем квинтэссенции	
К читателям	14
От автора	14
Глава I	16
Глава II	18
Глава III	20
Глава IV	22
Глава V	22
Глава VI	26
Глава VII	27
Глава VIII	28
Глава IX	30
Глава X	32
Глава XI	34
Глава XII	35
Глава XIII	37
Глава XIV	39
Глава XV	41
Глава XVI	42
Глава XVII	43
Глава XVIII	44
Глава XIX	45
Глава XX	47
Глава XXI	48
Глава XXII	50
Глава XXIII	54
Глава XXIV	58
Глава XXV	59
Глава XXVI	60
Глава XXVII	61
Глава XXVIII	64
Глава XXIX	65
Глава XXX	66
Глава XXXI	66
Глава XXXII	68
Глава XXXIII	69
Глава XXXIV	72
Глава XXXV	73
Глава XXXVI	74
Глава XXXVII	76
Глава XXXVIII	77
Глава XXXIX	78

Глава XL	80
Глава XLI	82
Глава XLII	83
Глава XLIII	84
Глава XLIV	86
Глава XLV	87
Глава XLVI	89
Глава XLVII	90
Глава XLVIII	92
Глава XLIX	93
Глава L	94
Глава LI	96
Глава LII	97
Глава LIII	98
Глава LIV	99
Глава LV	101
Глава LVI	102
Глава LVII	103
Глава LVIII	104
Пантагрюэль, король дипсодов, показанный в его доподлинном виде со всеми его ужасающими деяниями и подвигами	108
Десятистишие мэтра Гюга Салеля[259],	108
От автора	108
Глава I	110
Глава II	113
Глава III	115
Глава IV	116
Глава V	118
Глава VI	120
Глава VII	122
Глава VIII	127
Глава IX	130
Глава X	133
Глава XI	136
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Франсуа Рабле

Гаргантюа и Пантагрюэль

«Гаргантюа и Пантагрюэль»: хроника, роман, книга?

«С великою досадою принужден я поместить в сию Библиотеку многих сочинителей, из коих одни писали скверно, иные бесстыдно и без всякого приличия, другие как еретики, и всех хуже некий, именуемый Франсуа Рабле, насмешник над Богом и миром...» Так извинялся перед ценителями словесности Антуан Дювердьё, автор «Библиотеки» (1585), одного из первых во Франции каталогов печатных книг. В 1623 году ревностный поборник католицизма иезуит Франсуа Гарасс (или, в латинском варианте, Гарассус), обрушиваясь на щеголей-либертенов в памфлете «Занятное учение нынешних остроумцев, либо себя таковыми полагающих», не находит более убедительного доказательства их нравственного падения, нежели описание их идеальной библиотеки, где, наряду с творениями Помпонации, Парацельса, Макиавелли, выделяется главная книга – «анти-Библия»: «...У либертенов всегда в руках книга Рабле, наставление в разврате».

Слава Рабле на протяжении столетий была неотделима от яростных нападок на него. Но уже в XVI веке произведения этого писателя стали почти обязательной принадлежностью библиотек. Примерно в каждой третьей личной библиотеке во Франции на излете Возрождения имелись издания «мэтра Франсуа» (Библия была в каждой второй) – при том, что «Гаргантюа и Пантагрюэль» регулярно вносился во все Индексы запрещенных книг. Читать Рабле и владеть его книгой считалось грехом. Но – не согрешишь, не покаешься: вот, например, что писал другу в начале XVII века один образованный человек: «У меня долго находилась книга Рабле, но не моя: мне дал ее прочесть г-н Гийе. Каждый год он каялся на исповеди, что имеет книгу Рабле, но не в доме, а я – что у меня она есть, но чужая...»

В отличие от подавляющего числа своих современников, Рабле не переживал периодов забвения и, более того, не превратился в «музейного» классика, интересного лишь историкам литературы. До сих пор споры вокруг его романа и во Франции, и за ее пределами нередко выходят за рамки чистой науки. Достаточно вспомнить, какой эффект произвела и у нас в стране, и за рубежом знаменитая книга М. М. Бахтина¹, или какую откровенную неприязнь питал к создателю «Пантагрюэля» А.Ф. Лосев. Мировая известность врача из Шинона привела к не вполне адекватному его восприятию. Уже либертены, почитавшие Рабле, видели в его сочинении своего рода «энциклопедию французской жизни» Возрождения, исчерпывающее воплощение его духа и культуры. Подход этот, во многом справедливый, привел тем не менее к смещению исторической перспективы: громадная фигура Рабле, разрастаясь до размеров всей ренессансной культуры Франции, заслонила собой подавляющее большинство современников. «Мэтр Франсуа», наподобие своих великанов, одиноко вознесся над толпой безликих, полузабытых теней и над бесцветным морем книжной продукции XVI века. Поэтому до сих пор не утратили актуальности слова, написанные четыре столетия назад врачом Жаном Беркье: «Имя Рабле всем известно, всяк о нем говорит, но по большей части не вполне понимая, что это такое». Смысл же «Гаргантюа и Пантагрюэля» невозможно понять, изолировав его от самого широкого исторического и литературного контекста его эпохи.

Маленький томик ин-кварти под названием «Ужасные и устрашающие деяния и подвиги знаменитейшего Пантагрюэля, короля дипсодов, сына громадного великана Гаргантюа, написанные недавно мэтром Алькофрибасом Назье» появился в ноябре 1532 году, накануне тра-

¹ Бахтин М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1965.

диционной лионской ярмарки. Выпустивший его печатник Клод Нурри специализировался на рыцарских романах, «пастушеских календарях» и прочих сочинениях того рода, который впоследствии получил название «ярмарочной» литературы. И рассказчик его новой книжки, «мэтр Алькофрибас», обращался к читателям в точности как ярмарочный зазывала, нахваливая свой товар со всеми проклятиями и божбой, предусмотренными средневековым жанром «крика разносчика». Что заставило Рабле, чье имя скрывалось за прозрачной анаграммой, создать подобную книгу? Ведь шинонский врач, в отличие, скажем, от Клемана Маро, дурно знавшего латынь и вовсе не знавшего греческий, обладал обширной гуманистической образованностью. Монах-францисканец, он принадлежал в юности в Пуату к кружку эллинистов; затем, перейдя на службу к епископу Жоффруа д'Эстиссаку, увлекся медициной, оставил орден (подобные штудии были запрещены уставом францисканцев) и снискал успех своими лекциями в Монпелье, где получил в 1530 году звание бакалавра медицины; в 1532-м он практиковал в Лионе. В том же году у одного из крупнейших лионских либрариев и печатников, Себастьяна Грифиуса, вышли подготовленные Рабле издания «Афоризмов» Гиппократов и латинских посланий итальянского врача Манарди, в посвящении которых, обращаясь к своему другу, юристу из Пуату Андре Тирако, ученый-гуманист негодовал на людей, «что не могут и не хотят избавиться от плотного и едва ли не киммерийского тумана готической эпохи и обратить взоры к сияющему светочу солнца» – знания.

Конечно, отчасти обращение Рабле к народной традиции объясняется самим характером французского гуманизма, который в значительно большей мере, нежели итальянский, проявлял интерес к национальной литературе и проблемам национального языка. Становление абсолютизма стало одним из важных факторов, повышающих статус народного наречия: «королевское знание» было знанием французским *par excellence*. Кроме того, соперничество с Италией, обострившееся на рубеже XV—XVI веков, заставляло искать в средневековом наследии образцы, доказывающие превосходство французской культуры над заальпийской. Возник целый пантеон средневековых авторов – «аналогов» великих писателей древнего Рима и Италии: считалось, например, что Кретьен де Труа или Гильом де Лоррис и Жан де Мен, создатели «Романа о Розе», прославили национальный язык и словесность не менее, нежели Овидий или Вергилий словесность латинскую, а Данте, Петрарка и Боккаччо итальянскую. Однако «ярмарочная» литература отнюдь не принадлежала к этому пантеону. Обращение к ней Рабле стало блестящим экспериментом – возможно, навеянным аналогичными опытами современных итальянских писателей, в частности Боярдо и Ариосто, однако совершенно новым по духу: его роман стал гигантским тиглем, где сплелись воедино едва ли не все средневековые жанры, приемы, стили и типы персонажей.

Каждая из четырех первых книг романа (атрибуция пятой книги, изданной в окончательном виде лишь в 1564 году, спустя 11 лет после смерти Рабле, во многом проблематична) в самом общем виде ориентируется на определенный жанр, а нормы ее восприятия сформулированы Рабле в его знаменитых прологах. В «Пантагрюэле», обращаясь к читателю, мэтр Алькофрибас называет своим источником и образцом «Великие и бесподобные хроники об огромном великане Гаргантюа», «книгу в своем роде единственную, равных себе не имеющую и беспримерную». Первая (хронологически) книга подчиняется канонам хроники – жанра, который еще в конце XV века был одним из ведущих в национальной словесности: недаром свод «Великих французских хроник» стал первым сочинением на народном языке, отпечатанным французскими типографами. Вершины своего развития хроника достигла при дворе герцогов Бургундских, хронистами которых были такие крупные поэты «осени средневековья», как Жорж Шатлен, Жан Молине или Жан Лемер де Бельж. Должность придворного хрониста, или, как его называли в Бургундии, инцидиария, означала не только приближенность к государю, но и высочайшее признание литературных заслуг.

Свой рассказ хронист мыслил как часть общей истории христианского мира, отрывок из бесконечной «книги» божеских и человеческих дел, а потому непременно обозначал, хотя бы кратко, предшествующие события начиная с библейских времен, а также историю династии, на службе которой он состоял. В полном соответствии с канонem Алькофрибас помещает в первой главе книги обстоятельную генеалогию Пантагрюэля и описание чудес, предшествующих его рождению. «...Ибо, – пишет он, – ведомо мне, что все добрые историографы так именно и составляли свои хроники». В прологе он не забывает уточнить, что состоял при Пантагрюэле и «у него прослужил от молодых ногтей до самых последних дней», иными словами, оговаривает свою роль придворного хрониста. И наконец, он истово клянется, что его творение отвечает главному принципу хроникальной поэтики – правдивости, исторической достоверности: «Готов прозаложить всем чертям на свете тело свое и душу, всего себя со всеми потрохами, если на протяжении этой истории хоть раз прилгну», а заодно призывает на головы читателей все возможные напасти, если им вдруг вздумается усомниться в правдивости его рассказа, то есть нарушить законы восприятия жанра.

Итак, «Пантагрюэль» задуман в продолжение «Великих хроник», назван автором «хроникой» и ориентирован, пусть и пародийно, на поэтику этого жанра. Однако его, как и последующие книги, принято называть «романом». Не ошибка ли это?

Безусловно, произведение Рабле обладает всеми внешними признаками романа в современном понимании, от объема до единства героя. Его принадлежность к романному жанру доказывается и в известных работах М.М. Бахтина. Однако современники также считали «Пантагрюэля» романом – вкладывая в это обозначение несколько иной смысл. Так, в 1533 году некий парижанин по имени Жак Легро составил для себя список книг, который собирался в ближайшее время прочесть. В этом своеобразном каталоге (известном как «опись Жака Легро») содержится более 30 рыцарских романов – и среди них «Пантагрюэль», который в глазах горожанина, по-видимому, ничем принципиально не отличался от «Роберта Дьявола», «Фьерабраса» и «Гюона Бордоского», в свою очередь, упомянутых в «хроникальном» прологе мэтра Алькофрибаса. В один ряд с «Ланселотом» и «Ожье Датчанином» ставит книги Рабле и автор написанного 15 лет спустя трактата «Теотим» – доктор богословия и «гроза еретиков» Габриель де Пуи-Эрбо (в латинском варианте Путербий), тот самый «бесноватый путербей», которого за его нападки походя, в числе других порождений Антифизиса, уничтожил Рабле в «Четвертой книге». В 1552 году протестант Пьер Дюваль издает стихотворный трактат «Триумф правды», в котором, помимо прочего, содержится перечень «пустых и никчемных» книг, выпускаемых французскими печатниками; среди них – те же «Фьерабрас» и «Ожье Датчанин», «Амадис Галльский», «Рено де Монтобан», а также, выделенный особо, «Пантагрюэль, что превзошел их всех».

Таким образом, «Пантагрюэль» воспринимался во времена своего создания как рыцарский роман. Этот средневековый жанр в эпоху Возрождения не только превратился в одну из самых популярных разновидностей «народных» книг, но и послужил материалом для целого ряда шедевров, от «Неистового Роланда» Ариосто до «Дон Кихота» Сервантеса. Однако в период позднего средневековья законы романа совпадали с канонами хроники: уже в XIII веке, когда появились первые прозаические обработки старинного эпоса и рыцарского романа, принцип исторической достоверности распространился практически на всю сферу повествовательной прозы: «истории» для того и перелагались прозой, чтобы их «правдивость» не искажалась более в угоду стихотворному метру и рифме. И к началу XVI века, когда и хроника, и рыцарский роман утратили свои высокие позиции в культуре, перешли в сферу «народной» литературы, риторика исторической достоверности пышным цветом расцвела в различных смеховых жанрах, оформляя рассказы о невероятных приключениях либо волшебников и великанов, либо плутов типа Тиля Уленшпигеля – рассказы, которые в народной среде, впрочем, нередко воспринимались всерьез.

«Гаргантюа», вышедший два года спустя (1534) и ставший в последующих изданиях первой книгой романа, внешне развивает успех «Пантагрюэля»: он остается в русле народных хроник, причем Рабле использует «родственный» принцип циклизации, который был характерен для позднесредневековых романов сводов, – история сына дополняется историей отца. Но поэтические установки, изложенные в его прологе, меняются: если в «Пантагрюэле» рассказчик клянется, что его история в высшей степени правдива, то в «Гаргантюа» мэтр Алькофрибас настаивает на том, что его творение имеет не только буквальный смысл. Силены, Сократ, откупоренная бутылка, мозговая кость – все это изобилие метафор предостерегает читателя от «скороспелого вывода», что книга содержит одни лишь «нелепости, дурачества и разные уморительные небывальщины». Под их оболочкой скрывается ценнейшая «мозговая субстанция», которую можно извлечь «после прилежного чтения и долгих размышлений». «Пантагрюэль» требует веры, «Гаргантюа» – истолкования: поэтика хроники сменяется поэтикой *аллегории*.

Аллегорическая интерпретация в культуре средних веков и раннего Возрождения была неотъемлемой принадлежностью «поэзии» в широком смысле – тех «басен поэтов», которые еще Боккаччо в трактате «Генеалогия языческих богов», популярном и во Франции, защищал от невежественных нападок. Такой подход к литературе, в том числе и античной (здесь пальма первенства по праву принадлежит «Метаморфозам» Овидия – «Библии поэтов», как они были названы в одном из изданий XV века), стал необходимым связующим звеном между средневековой дидактикой и современным пониманием литературы как художественного вымысла. Еще в 1526 году Клеман Маро, подготовивший для печати «Роман о Розе», снабдил его «Моральным толкованием», в котором писал: «Если мы в понимании своем продвинемся не далее оболочки буквального смысла, то лишь получим удовольствие от вымыслов и историй, не постигнув особенной пользы, которую в моральном разумении приносит сердцевина духовная, то есть происходящая из внушения Святого Духа». Если вынести за скобки разницу интонаций, то «серцевина духовная», которую обнаруживает Маро в романе Гильома де Лорриса и Жана де Мена, – это та же «мозговая субстанция», которую призывает «высосать» из своей книги Алькофрибас.

Таким образом, призывая читателей последовать примеру собаки, «самого философского животного в мире», и насладиться «высоким» смыслом, заложенным в его произведении, Рабле определяет его уже не как историю, но как вымысел: две части и два пролога одного и того же повествования включаются в разные и отчасти даже противоположные поэтические системы.

Однако эти системы обладали, бесспорно, одной общей чертой. Обе они получили развитие в эпоху «осени средневековья» и к 30-м годам XVI века во многом устарели. Алькофрибасовы прологи – это смеховая игра с канонами и приемами средневековой словесности. И если Рабле поминает скрытые в его книге «величайшие таинства и страшные тайны, касающиеся нашей религии, равно как политики и домоводства», то лишь затем, чтобы *обозначить* один из прежних принципов восприятия литературы, немедленно оставляя его на долю «дураков» и «межеумков» (в число которых, между прочим, попадают у него Плутарх и Полициано). Автор стремится как можно точнее указать предмет своей пародии – сугубо *средневековое* понимание словесности и книги. В прологе «Пантагрюэля» Алькофрибас расхваливает читателям не только содержание своей истории, но и «целебные» свойства собственной книги и ее образца – народных хроник, чтение которых помогает подагрикам и венерикам, подобно тому как житие св. Маргариты помогает роженицам. Но восприятие книги (в первую очередь, конечно, Библии) как сакрального предмета, обладающего магической силой и способного избавлять от хворей, – характерная черта народной, по преимуществу бесписьменной культуры средних веков. Заявляя, что и его творение того же сорта, Алькофрибас пародийно задает для нее средневековые правила восприятия.

Во многом поэтому Рабле в дальнейшем объединял «Гаргантюа и Пантагрюэля» – отчасти в противовес паре Третья – Четвертая книга. Больше того, он самым внимательным образом следил, чтобы две первые части романа имели одинаковый внешний вид. После смерти Клода Нурри, последовавшей в 1533 году, шинонский врач сотрудничал с лионским печатником Франсуа Жюстом, одним из крупнейших издателей литературы на народном языке, близким к протестантским кругам, другом Маро, Мориса Сэва и многих других современных авторов. Все издания «Пантагрюэля» (1532, 1533, 1534, 1537 и 1542) и «Гаргантюа» (1534, 1535, 1537 и 1542), подготовленные самим Рабле, сошли именно с его печатного станка. И все они имели две внешние особенности – формат ин-октаво и готический шрифт, использовавшийся к тому времени только для печатания «народных» книг.

Насколько важны были эти внешние признаки для шинонского гуманиста, показывает скандал, разгоревшийся в 1542 году, когда гуманист Этьен Доле, выхлопотавший себе в 1537 году у короля привилегию издателя (а в 1546-м сожженный как еретик по доносу своих коллег), выпустил обе книги без ведома автора. Реакция Рабле была немедленной и необычайно резкой. Сам по себе факт пиратства в эпоху, когда система привилегий на печатание книг была крайне запутанной и несовершенной, вряд ли мог побудить создателя «Гаргантюа и Пантагрюэля» назвать бывшего друга «плагиатором и человеком, склонным ко всяческому злу». Негодование автора вызвало в первую очередь то, что Доле отпечатал «Забавную и веселую историю огромного великана Гаргантюа» и «Пантагрюэля, короля Дипсодов, восстановленного в его первоначальном виде» не готикой, а гуманистической антиквой. Смена шрифта автоматически лишала книги Рабле их «низкого» статуса, неотделимого от налета старины.

Культурную границу между готикой и антиквой недвусмысленно обозначил сам Рабле, описывая в «Гаргантюа» процесс воспитания юного великана. Пока Гаргантюа обучался премудрости у «великого богослова, магистра Тубала Олоферна», тот, среди прочего, учил его «писать готическими буквами»; когда же юноша попал к Понократу (доказав своими успехами преимущества гуманистической системы обучения перед схоластической), он постиг науку «красиво и правильно писать буквы античные и новые римские». Две первые свои книги Рабле явно числил по ведомству Тубала Олоферна. К концу того же 1542 года он выпустил у преемника Жюста Пьера де Тура свое издание, объединяющее «Гаргантюа» и «Пантагрюэля», – готическое.

Роман Рабле точно вписан в традицию «народных» книг; если сам он заимствует ряд мотивов из «Великих хроник» (например, историю о колоколах собора Парижской Богоматери или подробный реестр тканей, что пошли на одеяние Гаргантюа, с их цветовой символикой), то и некоторые его эпизоды – такие, например, как знаменитый каталог книг аббатства Св. Виктора, – в свою очередь, переходят в последующие их издания. Еще в конце XIX века историки считали шинонского врача если не автором «Хроник», то по крайней мере «редактором», подготовившим их к печати. С другой стороны, сразу после появления «Пантагрюэля» этот персонаж приобрел невиданную популярность: имя его, прежде встречавшееся в мистериях (так звали бесенка, насылающего жажду), замелькало на обложках самых разных по жанру произведений для привлечения читателей. Более того, персонаж Пантагрюэль подвергся своего рода «вторичной мифологизации», превратившись в элемент карнавалов и иных празднеств. Сохранились, например, свидетельства о празднестве «дурацкого аббатства», организованном в Руане в 1541 году и содержавшем многочисленные отсылки к «Пантагрюэлю». Для французской культуры середины XVI века Пантагрюэль стал во многом фигурой эмблематической – чему способствовал и сам Рабле, выпустивший в 1533-м у Жюста пародийный астрологический прогноз, озаглавленный «Пантагрюэлево предсказание, верное, истинное и непреложное на всякий год, сочиненное недавно на пользу и употребление природным сумасбродам и бездельникам мэтром Алькофрибасом, главным стольником сказанного Пантагрюэля».

Но в сферу игры у Рабле попадают не только средневековые жанровые каноны и персонажи. Прежде всего игровым объектом у шинонского врача оказывается сам национальный язык, его законы и культурная стратификация. Языковую игру традиционно принято считать проявлением духа ренессансной свободы, отличающей «Гаргантюа и Пантагрюэля». Однако Рабле и здесь сохраняет (пародийную) верность традиции. Вот только один пример. В главе VI «Пантагрюэля» Рабле вкладывает в уста лимузенского школяра почти дословную цитату из трактата печатника-гуманиста Жоффруа Тори «Цветущий луг», вышедшего в 1529 году. Тори придумал этот образчик «неестественного» французского наречия, дабы высмеять тех, кого он называл «грабителями» (или «обдирателями», как именует школяра Пантагрюэль) латыни, — одну из разновидностей людей, калечащих национальный язык. Но наряду с «грабителями» он называет и других: «шутников» (между прочим, эпитет *Plaisantin*, «шутник», впоследствии прочно пристал к самому Рабле), «жаргонеров» и, что особенно интересно, «изобретателей новых слов», «каковые после выпивки говорят, что голова у них совсем замудрявая и переконфуженная и полна всякой куролеси и обалдистики, всякой мусорени и рассупотины...».

Сходство с языком Рабле (включая мотив выпивки) настолько разительно, что некоторые историки даже полагали, будто именно из трактата Тори шинонский врач почерпнул общий принцип своей стилистики. Но смысл отсылки у Рабле явно сложнее. Его книга пропитана атмосферой той полемики о народном языке, самым знаменитым памятником которой станет «Защита и прославление французского языка» Жоашена Дю Белле, но чьи истоки восходят еще по крайней мере к XV веку. Многие неологизмы, традиционно считающиеся «раблезинскими», изобретены на самом деле французскими поэтами рубежа XV—XVI веков, известными как «великие риторики» и прославившимися своим языковым новаторством, — Жаном Молине, Жаном Лемером де Бельж и их современниками. С некоторыми из них (например, с Жаном Буше) Рабле состоял в дружеских отношениях. Крупнейшие поэты этой школы в свое время, как мы уже говорили, состояли хронистами при дворе герцогов Бургундских. И именно для творчества «риториков» была в высшей степени характерна та идея «скрытого», аллегорического смысла поэзии, на которой строится пролог к «Гаргантюа». Рабле четко обозначает традицию, в рамках которой следует читать его творение. Но эта традиция, определяющая для французской словесности начала XVI века, в 30-х годах постепенно стала сменяться новыми поэтическими установками, которые получают законченное воплощение полтора десятилетия спустя в творчестве «Плеяды». Вполне вероятно, что неологизмы у Рабле, наряду с оформлением двух его первых книг, служат своего рода знаком уходящей эпохи, архаизирующим стилистическим приемом.

Жизнь Гаргантюа и Пантагрюэля протекает в определенный историко-культурный период: это «осень средневековья», время становления гуманизма во Франции, долгое время считавшейся на родине Ренессанса, в Италии, страной неотесанных рыцарей, превыше всего почитающих ратное искусство и доблесть. Дистанция между юностью отца и юностью сына подчеркнута симметрией родительских писем, которые оба они получают, обучаясь в Париже. Грангузье пишет Гаргантюа, дабы, хоть и не без сожаления, вывести его из состояния «философического покоя» и призвать на войну с Пикрохолом. Впоследствии сам Гаргантюа в своем знаменитом послании скажет: «То было темное время, тогда еще чувствовалось пагубное и зло-вредное влияние готов, истреблявших всю изящную словесность», — и повелит Пантагрюэлю «употребить свою молодость на усовершенствование в науках и добродетелях», лично определив круг дисциплин, которые тому следует превзойти. Лишь позднее, когда юноша превратится в зрелого мужа, ему предстоит научиться владеть оружием, дабы защищать себя и друзей от происков неприятеля. Послание Гаргантюа — программа гуманистического воспитания молодого короля, написанная по всем правилам риторики и с использованием топики, восходящей еще к Петrarке. Однако было бы неосторожно считать этот набор общих мест гуманистического эпистолярного жанра (очень напоминающий послания французских гуманистов

XV века – Фише или Гагена) изложением взглядов самого Рабле. Ибо уже в следующей главе романа эта программа обретает воплощение: Пантагрюэль встречается Панурга.

Центральный персонаж повествования о Пантагрюэле возникает в нем как антипод лимузенского школяра: в отличие от незадачливого студюзуса, он отвечает на вопрос великана не на исковерканном французском, а на доброй дюжине различных языков (как реальных, так и вымышленных). Рабле не скрывает своего источника – Панург изъясняется на манер адвоката Патлена, героя знаменитого цикла фарсов. Гуманизм сталкивается со стихией балагана, образуя с нею «такую же неразлучную пару, как Эней и Ахат». Результат следует незамедлительно: Пантагрюэль триумфально разрешает тяжбу между сеньорами Лижизад и Пейвино, прибегнув к «кок-а-ляну», излюбленному приему ярмарочного театра (и реализуя тем самым наказ отца изучить «прекрасные тексты гражданского права»), а чуть позднее Панург от его лица посрамляет ученого англичанина Таумаста с помощью жестикуляции, не оставляющей сомнений в своем театральном происхождении. Истинная мудрость в романе Рабле имеет мало общего с гуманистической образованностью. Ее средоточием оказываются не книги (перед диспутом Панург решительно советует своему господину выкинуть их из головы), но стихия ярмарочной игры, вовлекающей в себя все области знания, жанры и стили современной культуры.

Именно книжная наука выступает в «Гаргантюа и Пантагрюэле» излюбленным предметом пародии. Любопытно, что в знаменитом Телемском аббатстве (устройство которого обычно считают воплощением гуманистических идеалов Рабле) библиотека хотя и присутствует, но упомянута мимоходом, лишь как элемент архитектуры здания, но не уклада жизни телемитов. Автор не упоминает ни одного заглавия содержащихся в ней книг – в отличие от библиотеки аббатства Св. Виктора, каталог которой занимает несколько страниц.

Хотя телемиты и говорят на пяти-шести языках и на каждом из них умеют сочинять стихи и прозу, этот «культурный пласт» никак не отражается на их существовании. Совершенные кавалеры и прелестные дамы охотятся, играют, пьют вино; одним их модам посвящена целая глава, подобно тому как целая глава (текстуально близкая народным хроникам) отведена одеянию Гаргантюа. Жизнь телемитов, исполненных столь обширных познаний, протекает между «ристалищем, ипподромом, театром, бассейном для плавания и изумительными трехъярусными банями»; чтение среди их занятий не фигурирует ни разу. Аббатство напоминает одновременно как стихотворные «Храмы» (Любви, Чести, Добродетели, Купидона и пр.), создававшиеся «риториками», так и топику «просвещенного кружка», на которой строилось еще обрамление «Декамерона» Боккаччо и которая активно разрабатывалась в итальянской новеллистике и трактатах-диалогах начала века (у Бембо, Кастильоне, Фиренцуолы). Однако у Рабле отсутствует главная составляющая этой топики – идеализация определенного типа красноречия и социального поведения. Его юноши и девушки не проводят время в рассуждениях, не обмениваются новеллами и даже шутками. Вряд ли случайно «пророческая загадка», завершающая рассказ о Телеме, согласно истолкованию брата Жана, заключает в себе всего лишь описание игры в мяч. Социальная же функция новой обители сводится, судя по всему, к устройству семейной жизни «монахов» – каждый из них, покидая «монастырь», увозит с собой любимую девушку, с которой затем живет долго и счастливо. Смеховая игра, «пантагрюэлизм», которым, по утверждению Рабле, полна его книга, не признает позитивного, то есть «серьезного», идеала.

В «Третьей книге героических деяний и речений доброго Пантагрюэля», вышедшей в 1546 году у парижского издателя Кретьена Вешеля, игра, не меняя своей сути, получает иную направленность. Если в первых двух частях «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле ориентировался на нормы изживающей себя культуры, то новое его творение вписывается в контекст современных поэтических дебатов. В 40-х годах XVI века во Франции разгорелся так называемый «спор о возлюбленных», первоотличком к которому послужил перевод трактата Бальдассаре

Кастильоне «Придворный». Содержавшаяся в трактате проповедь возвышенной любви в духе платонизма Фичино породила целую волну произведений разных жанров, обострив не утихавшую с начала прошлого столетия дискуссию о природе женщины (кто она: сосуд греха или средоточие божественной красоты и добродетели?) и любовного чувства. В «споре» приняли участие практически все крупные поэты эпохи: Маро, Сен-Желе, Доле, Коррозе, Маргарита Наваррская. Своеобразным отражением его стала и «Третья книга» Рабле: намерение Панурга (придворного!) вступить в брак служит поводом для бесконечных дебатов – остающихся, в соответствии с логикой смеховой игры, без какого-либо положительного разрешения. Фарсово сниженная (до проблемы рогов), проблематика «спора» обретает поистине вселенский масштаб: Панург обращается за советом не только к своему господину и к его окружению (брату Жану, Эпистемону), но и к богослову, поэту, лекарю, законоведу, философу и даже к панзуйской сивилле, испробует всевозможные виды гадания. Матримониальный вопрос постепенно превращается в поиски некоей единой, непреложной – и недостижимой – истины.

Стихия игры в «Третьей книге» абсолютна: девиз телемитов «Делай что хочешь» словно распространяется на весь романский мир, придавая ему качественно иной по сравнению с предыдущими книгами смысл. Именно в этой части романа получает законченное выражение та философия ничем не ограниченной (а потому и трагической) свободы человека, которая вызвала столь яростное неприятие со стороны Церкви и которая была столь характерна для эпохи позднего Возрождения. Главным героем Рабле становится Слово, самодостаточное, не нуждающееся в оправдании какой-либо внешней, высшей истины; его эмблемой выступают гомерические глагольные перечни из «Предисловия автора». Уподобляя себя Диогену, «безумствующему» с бочкой, автор погружает персонажей в бесконечный поток словесных форм и знаков, обнимающий все сферы знания и деятельности. В «Четвертой книге» (1547), где Рабле, используя сюжетную схему средневековых видений (вроде «Плавания святого Брендана»), отправляет Пантагрюэля с друзьями искать истину в далеких странах, поток этот захватывает уже всю землю, порождает причудливые, фантастические создания, словно сошедшие с полотен Босха, и создает ту не столько веселую, сколько жутковатую картину мира, которую по традиции принято считать сатирической и которая отчасти предвосхищает мизантропический шедевр Свифта. Слово в буквальном смысле становится стихией, оно звучит даже в открытом море – как в знаменитом эпизоде с оттаявшими словами, почерпнутом Рабле у того же Кастильоне. Именно оно превращается в «мозговую субстанцию» романа, обретая плотность материального объекта, наподобие того, как «пантагрюэлизм» двух первых книг романа претворяется в волшебное растение пантагрюэлион, которым нагружены трюмы кораблей Пантагрюэля.

Средоточием и пространством подобного Слова служит книга – Книга как таковая, утрачивающая свою роль носительницы законченной истины и не требующая больше особых жанровых обозначений и вымышленной фигуры рассказчика. Получив в 1545 году привилегию на издание всех своих произведений, Рабле выпустил третью и четвертую книги под собственным именем (и уже не прибегая к готическому шрифту). Если «Пантагрюэль» и «Гаргантюа» – это смеховое прощание с культурой уходящей эпохи, книги, отрицающие сами себя в своей средневековой ипостаси, то в их продолжении воплотилось новое, подлинно ренессансное в своем величии и трагической противоречивости понимание книги как «утопии языка». Не нужно забывать, что Пантагрюэль, помимо прочего, был королем Утопии...

Роман шинонского врача, созданный в один из переломных периодов французской культуры, также переходен. Меняясь вместе с современностью, он намечает пути развития литературы – и ни на одном не останавливается окончательно. Поэтому каждое столетие стремилось (и будет стремиться впредь) разрешить для себя загадку Рабле, прочесть его по-своему.

И.К. Стаф

Гаргантюа и Пантагрюэль

Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, некогда сочиненная магистром Алькофрибасом Назье, извлекателем квинтэссенции *Книга, полная пантагрюэлизма*

К читателям

Читатель, друг! За эту книгу сев,
Пристрастия свои преодолей.
Да не введет она тебя во гнев;
В ней нет ни злобы, ни пустых затей.
Пусть далеко до совершенства ей,
Но посмешит она тебя с успехом.
Раз ты тоскуешь, раз ты чужд утехам,
Я за иной предмет не в силах взяться:
Милей писать не с плачем, а со смехом, —
Ведь человеку свойственно смеяться.²

От автора

Достославные пьяницы и вы, досточтимые венерики (ибо вам, а не кому другому, посвящены мои писания)! В диалоге Платона под названием *Пир* Алкивиад, восхваляя своего наставника Сократа, поистине всем философам философа, сравнил его, между прочим, с силенами³. Силенами прежде назывались ларчики вроде тех, какие бывают теперь у аптекарей; сверху на них нарисованы смешные и забавные фигурки, как, например, гарпии, сатиры, взнузданные гуси, рогатые зайцы, утки под выючным седлом, крылатые козлы, олени в упряжке и разные другие занятные картинки, вызывающие у людей смех, — этим именно свойством и обладал Силен, учитель доброго Бахуса, — а внутри хранились редкостные снадобья, как-то: меккский бальзам, амбра, амом, мускус, цибет, порошки из драгоценных камней и прочее тому подобное. Таков, по словам Алкивиада, и был Сократ: если бы вы обратили внимание только на его наружность и стали судить о нем по внешнему виду, вы не дали бы за него и ломаного гроша — до того он был некрасив и до того смешная была у него повадка: нос у него был курносый, глядел он исподлобья, выражение лица у него было тупое, нрав простой, одежда грубая, жил он в бедности, на женщин ему не везло, не был он способен ни к какому роду государственной службы, любил посмеяться, не дурак был выпить, любил подтрунить, скрывая за этим боже-

² Стихотворные переводы, отмеченные звездочкой, выполнены Ю. Корнеевым.

³ ...сравнил его, между прочим, с силенами. — Сравнение древнегреческого философа с этими мифологическими существами (силен — человек с лошадиным хвостом, ушами и копытами) нередко встречается у гуманистов. В данном случае Рабле скорее всего опирался на одну из глав составленного Эразмом Роттердамским (1469—1536) обширного сборника пословиц и поговорок «Адагии», вышедшего в 1515 г. (глава именуется «Силены Алкивиада»). Рабле и далее будет не раз обращаться к «Адагиям».

ственную свою мудрость. Но откройте этот ларец – и вы найдете внутри дивное, бесценное снадобье: живость мысли сверхъестественную, добродетель изумительную, мужество неодолимое, трезвость беспримерную, жизнерадостность неизменную, твердость духа несокрушимую и презрение необычайное ко всему, из-за чего смертные так много хлопочут, суетятся, трудятся, путешествуют и воюют.

К чему же, вы думаете, клонится это мое предисловие и предуведомление? А вот к чему, добрые мои ученики и прочие шалопаи. Читая потешные заглавия некоторых книг моего сочинения⁴, как, например, *Гаргантюа, Пантагрюэль, Феспент, О достоинствах гульфики, Горох в сале сит комменто*⁵ и т. п., вы делаете слишком скороспелый вывод, будто в этих книгах речь идет только о нелепостях, дурачествах и разных уморительных небывальщинах; иными словами, вы, обратив внимание только на внешний признак (то есть на заглавие) и не вникнув в суть дела, обыкновенно уже начинаете смеяться и веселиться. Но к творениям рук человеческих так легкомысленно относиться нельзя. Вы же сами говорите, что монаха узнают не по одежде, что иной, мол, и одет монахом, а сам-то он совсем не монах, и что на ином хоть и испанский плащ, а храбрости испанской в нем вот настолько нет. А посему раскройте мою книгу и вдумайтесь хорошенько, о чем в ней говорится. Тогда вы уразумеете, что снадобье, в ней заключенное, совсем не похоже на то, какое сулил ларец; я хочу сказать, что предметы, о которых она толкует, вовсе не так нелепы, как можно было подумать, прочитав заглавие.

Положим даже, вы там найдете вещи довольно забавные, если понимать их буквально, вещи, вполне соответствующие заглавию, и все же не заслушивайтесь вы пенья сирен, а лучше истолкуйте в более высоком смысле все то, что, как вам могло случайно показаться, автор сказал спроста.

Вам когда-нибудь приходилось откупоривать бутылку? Дьявольщина! Вспомните, как это было приятно. А случалось ли вам видеть собаку, нашедшую мозговую кость⁶? (Платон во II кн. *De rep.*⁷ утверждает, что собака – самое философское животное в мире.) Если видели, то могли заметить, с каким благоговением она сторожит эту кость, как ревниво ее охраняет, как крепко держит, как осторожно берет в рот, с каким смаком разгрызает, как старательно высасывает. Что ее к этому понуждает? На что она надеется? Каких благ себе ожидает? Решительно никаких, кроме капельки мозгу. Правда, эта «капелька» слаще многого другого, ибо, как говорит Гален в III кн. *Facu. natural.*⁸ и в XI *De usu parti.*⁹, мозг – это совершеннейший род пищи, какою нас наделяет природа.

По примеру вышеупомянутой собаки вам надлежит быть мудрыми, дабы унюхать, почуять и оценить эти превосходные, эти лакомые книги, быть стремительными в гоне и бесстрашными в хватке. Затем, после прилежного чтения и долгих размышлений, вам надлежит разгрызть кость и высосать оттуда мозговую субстанцию, то есть то, что я разумею под этим пифагорейским символом, и вы можете быть совершенно уверены, что станете от этого чтения и отважнее и умнее, ибо в книге моей вы обнаружите совсем особый дух и некое, доступное лишь избранным, учение, которое откроет вам величайшие таинства и страшные тайны, касающиеся нашей религии, равно как политики и домоводства.

⁴ ...потешные заглавия некоторых книг моего сочинения... – Кроме «Гаргантюа» и «Пантагрюэля», а также, возможно, «Феспента», все остальные упомянутые здесь названия вымышленны.

⁵ С комментариями (лат.).

⁶ А случалось ли вам видеть собаку, нашедшую мозговую кость? – Уподобление содержания книги костному мозгу встречалось у алхимиков. Тем самым Рабле призывает к аллегорической интерпретации книги; однако ближе к финалу пролога он фактически опровергает подобный подход.

⁷ О государстве (лат.).

⁸ О природных силах (лат.).

⁹ О назначении частей тела (лат.).

Неужто вы в самом деле придерживаетесь того мнения, что Гомер, когда писал *Илиаду* и *Одиссею*, помышлял о тех аллегориях, которые ему приписали Плутарх, Гераклид Понтийский, Евстафий¹⁰, Корнут¹¹ и которые впоследствии у них же выкрал Полициано¹²? Если вы придерживаетесь этого мнения, значит, мне с вами не по пути, ибо я полагаю, что Гомер так же мало думал об этих аллегориях, как Овидий в своих *Метаморфозах*¹³ о христианских святынях, а между тем один пустоголовый монах, подхалим, каких мало, тщился доказать обратное, однако ж другого такого дурака, который был бы ему, как говорится, под стать, не нашлось.

Если же вы смотрите иначе, то все-таки отчего бы вам и почему бы вам не сделать того же с моими занятыми и необыкновенными повестями, хотя, когда я их сочинял, я думал о таких вещах столько же, сколько вы, а ведь вы, уж верно, насчет того, чтобы выпить, от меня не отстанете? Должно заметить, что на сочинение этой бесподобной книги я потратил и употребил как раз то время, которое я себе отвел для поддержания телесных сил, а именно – для еды и питья. Время это самое подходящее для того, чтобы писать о таких высоких материях и о таких важных предметах, что уже прекрасно понимали Гомер, образец для всех филологов, и отец поэтов латинских Энний¹⁴, о чем у нас есть свидетельство Горация, хотя какой-то межеумок и объявил, что от его стихов пахнет не столько елеем, сколько вином.

То же самое один паршивец сказал и о моих книгах, – а, да ну его в задницу! Насколько же запах вина соблазнительнее, пленительнее, восхитительнее, животворнее и тоньше, чем запах елея! И если про меня станут говорить, что на вино я трачу больше, чем на масло, я возгоржусь так же, как Демосфен, когда про него говорили, что на масло он тратит больше, чем на вино. Когда обо мне толкуют и говорят, что я выпить горазд и бутылке не враг, – это для меня наивысшая похвала; благодаря этой славе я желанный гость в любой приятной компании пантагрюэлистов. Демосфена один брюзга упрекнул в том, что от его речей пахнет, как от фартука грязного и замызганного маслобойщика. Ну, а уж вы толкуйте мои слова и поступки в самую что ни на есть лучшую сторону, относитесь с уважением к моему творогообразному мозгу, забавляющему вас этими рассказами, и по мере сил ваших поддерживайте во мне веселое расположение духа.

Итак, мои милые, развлекайтесь и – телу во здравие, почкам на пользу – веселитесь, читая мою книгу. Только вот что, балбесы, чума вас возьми: смотрите не забудьте за меня выпить, а уж за мной дело не станет!

Глава I О генеалогии и древности рода Гаргантюа

Желающих установить генеалогию Гаргантюа и древность его рода я отсылаю к великой Пантагрюэльской хронике¹⁵. Она более обстоятельно расскажет вам о том, как появились на свете первые великаны и как по прямой линии произошел от них Гаргантюа, отец Пантагрюэля. И вы уж на меня не пеняйте за то, что сейчас я не буду на этом останавливаться, хотя история эта сама по себе такова, что чем чаще о ней вспоминать, тем больше бы она пришлась вашим милостям по вкусу, и в доказательство я сошлюсь на *Филеба* и *Горгия* Платона, а также на

¹⁰ Гераклид Понтийский (IV в. до н. э.) – греческий философ, астроном и грамматик. Евстафий (XII в.) – архиепископ Фессалоникийский.

¹¹ Корнут, Луций Анней (I в.) – греческий философ-стоик, автор трактата «О происхождении богов».

¹² Полициано, Аньоло (1454–1494) – итальянский гуманист, поэт и филолог, автор «Сказания об Орфее».

¹³ ...Овидий в своих «Метаморфозах»... – В средние века в книге Овидия обнаруживали тайный эзотерический смысл. Скорее всего здесь содержится аллюзия на популярного во времена Рабле «Морализированного Овидия», где к тексту римского писателя прилагался обширный комментарий, доказывавший предвосхищение Овидием Нового завета.

¹⁴ Энний, Квинт (239–169 до н. э.) – римский поэт.

¹⁵ ...отсылаю к великой Пантагрюэльской хронике. – Имеется в виду вторая часть романа, опубликованная раньше первой.

Флакка¹⁶, который утверждает, что чем чаще повторять иные речи (а мои речи, разумеется, именно таковы), тем они приятнее.

Дай Бог, чтоб каждому была столь же доподлинно известна его родословная от Ноева ковчега и до наших дней! Я полагаю, что многие из нынешних императоров, королей, герцогов, князей и пап произошли от каких-нибудь мелких торговцев реликвиями или же корзинщиков и, наоборот, немало жалких и убогих побирушек из богаделен являются прямыми потомками великих королей и императоров, – достаточно вспомнить, как поразительно быстро сменили ассириян – мидяне,

мидян – персы,
персов – македоняне,
македонян – римляне,
римлян – греки,
греков – французы.

Что касается меня, то я, уж верно, происхожу от какого-нибудь богатого короля или владетельного князя, жившего в незапамятные времена, ибо не родился еще на свет такой человек, который сильнее меня желал бы стать королем и разбогатеть, – для того чтобы пировать, ничего не делать, ни о чем не заботиться и щедрой рукой одарять своих приятелей и всех порядочных и просвещенных людей. Однако ж я себя утешаю, что в ином мире я непременно буду королем, да еще столь великим, что сейчас и помыслить о том не смею. Придумайте же и вы себе такое или даже еще лучшее утешение в несчастье и пейте на здоровье, коли есть охота.

Возвращаясь к нашим баранам, я должен сказать, что по великой милости Божьей родословная Гаргантюа с древнейших времен дошла до нас в более полном виде, чем какая-либо еще, не считая родословной Мессии, но о ней я говорить не намерен, ибо это меня не касается, тем более что этому противятся черти (то есть, я хотел сказать, клеветники и лицемеры). Сия родословная была найдена Жаном Одо на его собственном лугу близ Голо, пониже Олив, в той стороне, где Нарсе, при следующих обстоятельствах. Землекопы, которым он велел выгрести ил из канав, обнаружили, что их заступы упираются в огромный бронзовый склеп длины невероятной, ибо конца его так и не нашли, – склеп уходил куда-то далеко за вьеннские шлюзы. В том самом месте, над которым был изображен кубок, а вокруг кубка этрусскими буквами написано: *Hic bibitur*¹⁷, склеп решились вскрыть и обнаружили девять фляг в таком порядке, в каком гасконцы расставляют кегли, а под средней флягой оказалась громадная, громоздкая, грязная, грузная, красивая, малюсенькая, заплесневелая книжица, пахнувшая сильнее, но, увы, не слаще роз.

Вот эта книжица и заключала в себе вышеупомянутую родословную, всю целиком написанную курсивным письмом, но не на пергаменте, не на воощенной табличке, а на коре вяза, столь, однако, обветшавшей, что на ней почти ничего нельзя было разобрать.

Аз многогрешный был туда зван и, прибегнув к помощи очков, применив тот способ чтения стершихся букв, коему нас научил Аристотель¹⁸, разобрал их все, в чем вы и удостоверитесь, как скоро начнете пантагрюэльствовать, то есть потягивать из бутылочки, потягивать да почитывать о престрашных деяниях Пантагрюэля.

В конце книги был обнаружен небольшой трактат под названием *Целительные безделки*¹⁹. Начало этой истории погрызли крысы, тараканы и, чтобы сказать – не соврать, другие вредные твари. Остальное я из уважения к древности найденного творения при сем прилагаю.

¹⁶ ...сошлюсь... на Флакка... – цитата из «Поэтического искусства» римского поэта Квинта Горация Флакка (65—8 до н. э.).

¹⁷ Здесь пьют (лат.).

¹⁸ ...коему нас научил Аристотель... – мистификация; ничего подобного греческий философ не писал.

¹⁹ Стихотворение «Целительные безделки» относится к чрезвычайно популярному в XVI в. жанру. Это «загадки», про- странские иносказания вокруг зашифрованного предмета. Финальная часть «Целительных безделок» принадлежит перу фран-

Глава II

Целительные безделки, отысканные в древних развалинах

Вон тот герой, кем были кимвры биты,
боясь росы, по воздуху летит.
зрев его, народ во все корыта
В ть бочки масла свежего спешит.
дна лишь старушонка голосит:
«Ох, судари мои, его ловите, —
Ведь он до самых пят дерьмом покрыт, —
Иль лесенку ему сюда несите».

Иной предполагал, что, лобызая
Его туфлю, спасти он душу мог.
Но тут явился некий плут из края,
Где ловят в озере плотву, и рек:

«От этого да сохранит вас Бог!
В сей лавочке нечистое творится.
Не худо б вам заметить, что порок
Под клобуком приказчика гнездится».

Тогда прочли главу, но смысла было
В ней столько ж, сколько у овцы рогов.
А он сказал: «Тиара так застыла,
Что мозг во мне заоченеть готов».
Но у плиты, где пахло из котлов
Душистой брюквой, он согрелся скоро,
Возликовав, что вновь на дураков
И полоумных надевают шоры.

Речь шла о щели Патрика Святого,
О Гибралтаре и щелях иных.
Когда б они зарубцевались снова,
Умолк бы кашель в толще недр земных.
Зиянье этих дыр для глаз людских
Всегда казалось наглостью безбожной.
Вот если б удалось захлопнуть их,
То и в аренду сдать их было б можно.
Затем пришел и оципал ворону
Геракл, забыв ливийские края.
«Увы! – Минос воскликнул разъяренно. —
Всех пригласили, обойден лишь я!
Они еще хотят, чтоб длань моя
Лягушками их не снабжала боле!

Пусть дьявола возьму я в кумовья,
Коль пряжею им торговать позволю».

Хромой К. Б. пришел и усмирил их.
Он пропуск от скворцов принес с собой.
Свояк Циклопа, гнев сдержать не в силах,
Убил их. Каждый вытер нос рукой.
Бывал осмеян содомит любой
В дубильне, что стоит на поле этом.
Тревогу поднимайте всей толпой:
Там будет больше их, чем прошлым летом.

Затем орел Юпитера решился
Побиться об заклад и сверху – шась,
Но, видя их досаду, устранился,
Что рай от их бесчинства может пасть,
И предпочел огонь небес украсть
Из рощи, где торговцы сельдью жили,
И захватить над всей лазурью власть,
Как масореты в старину учили.

Все подписали сделку, не робея
Пред Атою, бросавшей злобный взгляд,
И показалась им Пенфесиля
Старухой, продающей кресс-салат.
Кричал ей каждый: «Уходи назад,
Уродина, чье тело тоще тени!
Тобой обманно был у римлян взят
Их стяг великолепный из веления!»

Одна Юнона с манною совою
Из туч на птиц стремилась алчный взор.
С ней пошутили шуткою такою,
Что был совсем изъят ее убор.
Она могла – таков был уговор —
Лишь два яйца отнять у Прозерпины,
Не то ее привяжут к гребню гор,
Подсунув ей боярышник под спину.

Через пятнадцать месяцев тот воин,
Кем был когда-то Карфаген снесен,
Вошел в их круг, где, вежлив и спокоен,
Потребовал вернуть наследство он
Иль разделить, как требует закон,
Ровнее, чем стежки во шву сапожном,
Чем суп, который в полдень разделен
У грузчиков по котелкам порожним.

Но самострелом, дном котла пустого

И прялками отмечен будет год,
Когда все тело короля дурного
Под горностаем люэс изгрызет.
Ужель из-за одной ханжи пойдет
Такое множество арпанов прахом?
Оставьте! Маска вам не пристает,
От брата змей бегите прочь со страхом.

Когда сей год свершит свое течение,
На землю снидут мир и тишина.
Исчезнут грубость, злость и оскорбленья,
А честность будет вознаграждена,
И радость, что была возвещена
Насельникам небес, взойдет на башню,
И волей царственного скакуна
Восторжествует мученик вчерашний.

И будет продолжаться это время,
Покуда Марс останется в цепях.
Затем придет прекраснейший меж всеми
Великий муж с веселием в очах.
Друзья мои, ликуйте на пирах,
Раз человек, отдавший душу Богу,
Как ни жалеет он о прошлых днях,
Назад не может отыскать дорогу.

В конце концов того, кто был из воска,
Удастся к жакемару приковать,
И государем даже подголоски
Не станут звонаря с кастрюлей звать.
Эх, если б саблю у него отнять,
Не нужны б стали хитрость и уловки
И можно было б накрепко связать
Все горести концом одной веревки*.

Глава III

О том, как Гаргантюа одиннадцать месяцев пребывал во чреве матери

Грангузь²⁰ был в свое время большой шутник, по тогдашнему обычаю пил непременно до дна и любил закусить соленьким. На сей предмет он постоянно держал основательный запас майнцской и байоннской ветчины, немало копченых бычьих языков, в зимнее время уйму колбас, изрядное количество солонины с горчицей, на крайний же случай у него была еще икра и сосиски, но не болонские²¹ (он боялся ломбардской отравы), а бигоррские, лонгонейские, бреннские и руаргские.

²⁰ Грангузь — от фр. grand gosier – большая глотка.

²¹ ...но не болонские... – Болонья (Ломбардия) истари считалась центром по производству колбас.

Уже в зрелом возрасте он женился на Гаргамелле²², дочери короля мотылькотов, девице из себя видной и пригожей, и частенько составляли они вместе животное о двух спинах и весело терлись друг о друга своими телесами, вследствие чего Гаргамелла зачала хорошего сына и проносила его одиннадцать месяцев.

Должно заметить, что женщины вполне могут столько носить, и даже еще больше, особенно если это кто-нибудь из ряда вон выходящий, кому назначены в удел великие подвиги. Так, Гомер говорит, что младенец, коего нимфа понесла от Нептуна, родился через год, то есть спустя двенадцать месяцев. Между тем, как указывает в книге III Авл Геллий²³, длительный этот срок в точности соответствовал величии Нептуна, ибо Нептунов младенец только за такой промежуток времени и мог окончательно сформироваться. По той же причине Юпитер продлил ночь, проведенную им с Алкменой, до сорока восьми часов, а ведь в меньший срок ему бы не удалось выковать Геркулеса, избавившего мир от чудищ и тиранов.

Господа древние пантагрюэлисты подтверждают сказанное мною и объявляют, что ребенок вполне может родиться от женщины спустя одиннадцать месяцев после смерти своего отца и что его, разумеется, должно признать законнорожденным:

Гиппократ, *De alimento*²⁴,

Плиний, кн. VII, гл. V,

Плавт, *Cistellaria*²⁵,

Марк Варрон в сатире *Завещание* с соответствующей ссылкой на Аристотеля,

Цензорин, *De die natali*²⁶,

Аристотель, *Da nat. animalium*²⁷,

Гелий, кн. III, гл. XVI,

Сервий в *Комментариях к Экл.*, толкуя стих Вергилия:

*Matri longa decem*²⁸ и т. д. —

и многие другие безумцы, число коих умножится, если мы к ним присовокупим еще и законоведов: ff. *De suis et legit., l. Intestato*²⁹, §13, а также: *Autent., De restitut. et ea que parit in undecimo mense*³⁰. Наконец был состряпан по этому поводу крючкотворительный закон: *Gallus ff. De lib. et posthu. et l. septimo ff. De stat. homin.*³¹, и еще я мог бы сослаться на некоторые законы, да только пока не решаюсь. Благодаря таким законам вдовы смело могут пускаться во все тяжкие целых два месяца после кончины супруга.

Милые вы мои сукины дети, покорнейше вас прошу: ежели попадутся вам такие вдовушки, с которыми приятно было бы иметь дело, то валяйте-ка сами, а потом приводите их ко мне. Ведь если они и забеременеют на третий месяц, то ребенок все равно будет признан наследником покойного, а как скоро они забеременеют, то уж потом действуют без всякой опаски: пузо нагуляла – поехали дальше! Вот, например, Юлия, дочь императора Октавиана:

²² Гаргамелла — от лангедок. gargamello — глотка.

²³ Авл Геллий (II в.) — римский писатель. Имеется в виду его компендиум разнообразных познаний в двадцати книгах под названием «Аттические ночи». Оттуда же позаимствована большая часть перечня «древних пантагрюэлистов». В дальнейшем Рабле чрезвычайно часто черпает из этого источника.

²⁴ «О пище» (лат.).

²⁵ «Комедия о ларчике» (лат.).

²⁶ «О дне рождения» (лат.).

²⁷ «О прир(оде) животных» (лат.).

²⁸ Матери долгие десять... (лат.).

²⁹ (Дигесты), О своих и закон(ных), з(акон) «Не оставившему завещания» (лат.).

³⁰ Новеллы, О восстановл(ении в правах) и о той, что родит на одиннадцатом месяце (лат.).

³¹ Галл, (Дигесты), О детях и посмерт(ных наследниках) и (Дигесты), О состоянии людей, з(акон) «На седьмом (месяце)» (лат.).

она отдавалась своим любезникам, только когда чувствовала себя непорочной, подобно тому как судну требуется лоцман не прежде, чем оно проконопачено и нагружено. Если же кто-нибудь осудит их за то, что они дают себя латать во время беременности, и укажет им, что брюхатые самки животных ни за что не подпустят к себе самцов, они могут ответить, что одно дело – самки, а другое, мол, женщины, которые отлично знают, что суперфетация таит в себе особую прелесть, а ведь именно в этом роде и ответила некогда Популия во II кн. Макробиевых *Сатурналий*.

Если же диавол так подстроит, что нарвешься не на беременную, то надобно только поглубже ввинтить затычку – и никому ни гугу!

Глава IV

О том, как Гаргамелла, носившая в своем чреве Гаргантюа, объелась требухой

Вот при каких обстоятельствах и каким образом родила Гаргамелла; если же вы этому не поверите, то пусть у вас выпадет кишка!

А у Гаргамеллы кишка выпала третьего февраля³², после обеда, оттого что она съела слишком много *годбийю*. *Годбийю* – это внутренности жирных *куаро*. *Куаро* – это волы, которых откармливают в хлеву и на *гимо*. *Гимо* – это луга, которые косят два раза в лето. Так вот, зарезали триста шестьдесят семь тысяч четырнадцать таких жирных волов, и решено было на масляной их засолить – с таким расчетом, чтобы к весеннему сезону мяса оказалось вдоволь и чтобы перед обедом всегда можно было приложиться к соленью, а как приложишься, то уж тут вина только подавай.

Требухи, сами понимаете, получилось предостаточно, да еще такой вкусной, что все ели и пальчики облизывали. Но вот в чем закорючка: ее нельзя долго хранить, она начала портиться, а уж это на что же хуже! Ну и решили все сразу слопать, чтобы ничего зря не пропадало. Того ради созвали всех обитателей Сине, Сейи, Ларош-Клермо, Вогодри, Кудре-Монпансье, Ведского брода³³, а равно и других соседей, и все они, как на подбор, были славные кутилы, славные ребята и женскому полу спуску не давали.

Добряк Грангузье разыграл духом и распорядился, чтобы угощение было на славу. Жене он все-таки сказал, чтобы она не очень налегала, потому что она уже на сносях, а потроха – пища тяжелая. «Кишок без дерьма не бывает», – примолвил он. Однако ж, невзирая на предостережения, Гаргамелла съела этих самых кишок шестнадцать бочек, два бочонка и шесть горшков. Ну и раздуло же ее от аппетитного содержимого этих кишок!

После обеда все повалили гурьбой в Сосе и там, на густой траве, под звуки разымчивых флажолетов и нежных волюнок пустились в пляс, и такое пошло у них веселье, что любо-дорого было смотреть.

Глава V

Беседа во хмелю

Потом рассудили за благо подзакусить прямо на свежем воздухе. Тут бутылочки взад-вперед заходили, окорока заплясали, стаканчики запорхали, кувшинчики зазвенели.

– Наливай!

– Подавай!

³² ...у Гаргамеллы кишка выпала третьего февраля... – У беременных подобное действительно возможно при диарее.

³³ *Сине, Сейи, Ларош-Клермо, Вогодри, Кудре-Монпансье, Ведский брод* – населенные пункты близ Шинона, в большинстве из которых семья Рабле имела владения.

- Не зевай!
- Разбавляй!
- Э, нет, мне без воды! Спасибо, приятель!
- А ну-ка, единым духом!
- Сообрази-ка мне стаканчик кларету, да гляди, чтобы с верхом!
- Зальем жажду!
- Теперь ты от меня отстанешь, лихоманка проклятая!
- Поверите ли, душенька, что-то мне нынче не пьется!
- Вам, верно, нездоровится, милочка?
- Да, нехорошо что-то мне.
- Трах-тарарах-тарарах, поговорим о вине!
- Я, как папский мул, пью в определенные часы.
- А я, как монах, на все руки мастер: и пить, и гулять, и часы читать.
- Что раньше появилось: жажда или напитки?
- Жажда, ибо кому бы пришлось в голову ни с того ни с сего начать пить, когда люди были еще невинны, как дети?
- Напитки, ибо *privatio presupponit habitum*³⁴. Я – духовная особа.

Foecundi calices quem non fecere disertum.³⁵

- Мы, невинные детки, и без жажды пьем лихо.
- А я хоть и грешник, да без жажды не пью. Когда я, Господи благослови, начинаю, ее еще может и не быть, но потом она приходит сама, – я ее только опережаю, понятно? Я пью под будущую жажду. Вот почему я пью вечно. Вечная жизнь для меня в вине, вино – вот моя вечная жизнь.
- Давайте пить! Давайте петь! Псалмы тянуть!
- А кто это у меня стакан стянул?
- А мне без всякого законного основания не подливают!
- Вы промачиваете горло для того, чтобы оно потом пересохло, или, наоборот, сперва сушите, чтобы потом промочить?
- Я в теориях не разбираюсь, вот насчет практики – это еще туда-сюда.
- Живей, живей!
- Я промачиваю, я спрыскиваю, я пью – и все оттого, что боюсь умереть.
- Пейте всегда – и вы никогда не умрете.
- Если я перестану пить, я весь высохну и умру. Моя душа улетит от меня туда, где посуше. В сухом месте душа не живет.
- А ну-ка, виночерпии, создатели новых форм, сотворите из непьющего пьющего!
- Надо хорошенько полить эти жесткие, сухие внутренности!
- Кто пьет без всякого удовольствия, тому вино – не в коня корм.
- Вино все в кровь поступает – нужнику ничего не достается.
- Я себе нынче утром кишочки очистил, теперь нужно их сполоснуть.
- Уж я себе пузо набил!
- Если бы бумага, на которой я пишу векселя, пила так же, как я, то, когда бы их подали ко взысканию, оказалось бы, что все буквы пьяным-пьяны, все – в лежку, и суд, ничего не разобрав, не мог бы начать разбирательство.
- Смотрите за своей рукой: ее так и тянет к вину, оттого у вас нос краснеет.

³⁴ Лишение уже предполагает обладание (лат.).

³⁵ Чаше к вину прибегай – и будешь вития отменный (лат.). – цитата из «Послания к Пизонам» Горация.

- Пока это вино выйдет, сколько еще успеет войти!
- Пить такими наперсточками – это все равно что воробья причащать.
- Это называется охота с бутылочками.
- Есть разница между бутылочкой и миловочкой?
- Разница большая: бутылочку затыкают пробочкой, а миловочку живчиком.
- Здорово сказано!
- А предки наши вмиг выцеживали бочку.
- Славные певуны-п...уны! Выпьем!
- Зачем ходить на реку? Это лучше кишки промывает.
- Я пью, как губка.
- А я – как тамплиер.
- А я – *tanquam sponsus*.³⁶
- А я – *sicut terra sine aqua*.³⁷
- Что такое ветчина?
- Требование на попойку, лесенка вроде той, по которой бочки с вином спускают в погребок; ну, а по этой – вино спускают в желудок.
- А посему выпьем, а посему выпьем! Я еще не нагрузился. *Respice personam; pone pro duos; bus non est in usu*.³⁸
- Если б я так же умел ржать, как жрать, из меня вышел бы славный жеребчик.
- Богач Жак Кёр пивал не раз.
- Вот так поили бы и нас.
- Вакх под хмельком дошел до Инда.
- В подпитии взята Мелинда.³⁹
- От мелкого дождя прекращается сильный ветер. От долгих возлияний стихает гром.
- Эй, паж, налей-ка мне еще! Теперь и я вчиню тебе иск!
- Всем хватит вина, лишь бы пили до дна!
- Я подаю жалобу на свою жажду. Паж, дай законный ход моей жалобе!
- Мне бы остатки вон с того блюда!
- Прежде я имел обыкновение пить до дна, а теперь я пью все до капельки.
- Нам спешить некуда, давайте все подьем!
- Уж и кишки у этого бычка, рыжего с черными полосками, – все отдай, да мало! А ну, давайте мы их подчистую!
- Пейте, иначе я...
- Нет, нет!
- Пейте, я вас прошу!
- Птицы начинают есть только после того, как их по хвосту легонечко хлопнут, а я начинаю пить только после того, как меня хорошенько попросят.
- *Lagona edatera*⁴⁰. Во всем моем теле норки такой не сыщешь, где бы жажда могла укрыться от вина.
- У меня от этого вина жажда только сильнее.
- А мою жажду это вино прогонит.

³⁶ Как жених (лат.).

³⁷ Подобно земле безводной (лат.).

³⁸ Не забывай, с кем дело имеешь; лей на двоих; «bus» из употребления вышло (лат.). *bus* из употребления вышло... – Имеется в виду допущенная говорящим ошибка в употреблении латинской формы (duos вместо duobus).

³⁹ Мелинда – открытый Васко да Гамой в 1498 г. город на восточном побережье Африки, который считался благословенным краем.

⁴⁰ Приятель, выпьем! (баск.)

– Объявим во всеуслышание под звон бутылок и фляг: коли ты потерял свою жажду, то уж внутри себя ее не ищи, – частые винные клистиры ее извергли.

– Господь Бог сотворил твердь, а вот мы уже на ногах не тверды.

– У меня на устах слово Господа: *Sitio*.⁴¹

– Не столь несокрушим камень, асбестом именуемый, сколь неутолима жажда, которую сейчас испытывает мое высокопреподобие.

– «Аппетит приходит во время еды», сказал Анже Манский⁴²; жажда проходит во время питья.

– Есть средство от жажды?

– Есть, но только противоположное тому, какое помогает от укуса собаки: если вы будете бежать позади собаки, она вас никогда не укусит; если вы будете пить до жажды, она у вас никогда не появится.

– Ловлю тебя на слове, виночерпий! Будь же неисчерпаем! Еще черепушечку! Проворней, не будь черепахой! Аргусу, чтобы видеть, нужно было сто глаз, а виночерпию, как Бриарею, нужно сто рук, чтобы все подливать да подливать.

– Чем лучше вымокнем, тем лучше подсохнем!

– Мне белого! Лей все, сколько там есть, лей, черт побери! Полней, полней, у меня все горит!

– Хлопнем, служивый?

– Давай, давай! За твое здоровье, дружище!

– Ну и ну! Столько слопали, что чуть не лопнули!

– О, *lacrima Christi*!⁴³

– Это из Девиньеры, это пино!

– Славное белое винцо!

– Бархат, да и только, честное слово!

– Ах, что за вино! Карнаухое, чисто сработанное, из лучшей шерсти!

– А ну-ка, с новыми силами, приятель!

– Нам только выставь – мы все ставки уьем.

– *Ex hoc in hoc*!⁴⁴ И никакого мошенничества. Все тому были свидетели. Я всех нынче перепил.

– Ты перепил, а я перепел.

– О пьянствующие! О жаждущие!

– Паж, дружок, пополней, чтоб сверху коронка была!

– Красная, как кардинальская мантия!

– *Natura abhorret vacuum*.⁴⁵

– После меня будет тут чем мухе напиться?

– Будем пить по-бретонски!⁴⁶

– Залпом, залпом!

– Пейте, пейте этот целебный бальзам!

⁴¹ Жажду (лат.).

⁴² Анже Манский – Иероним Анже, епископ Манский, автор книги «О причинах» (1515).

⁴³ Слеза Христова (лат.). – мускат с таким названием изготавливают в Италии, близ Везувия.

⁴⁴ Отсюда – сюда! (лат.)

⁴⁵ Природа не терпит пустоты (лат.).

⁴⁶ Будем пить по-бретонски! – Считалось, что бретонцы мастера по этой части.

Глава VI

О том, каким весьма странным образом появился на свет Гаргантюа

Пьяная болтовня все еще продолжалась, как вдруг Гаргамелла почувствовала резь в животе. Тогда Грангузье поднялся и, полагая, что это предродовые схватки, в самых учтивых выражениях начал ее успокаивать; он посоветовал ей прилечь на травку под ивами, – у нее, мол, отрастут вскорости новые ножки, только для этого перед появлением новорожденной малютки ей нужен новый запас душевных сил; правда, боль ей предстоит довольно мучительная, но она скоро пройдет, зато радость, которая за этим последует, все искупит, и о былых страданиях Гаргамелла и думать забудет.

– Я тебе это докажу, – объявил он. – В Евангелии от Иоанна, глава шестнадцатая, наш Спаситель говорит: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, но когда родит младенца, уже не помнит скорби».

– Ишь как это у тебя складно выходит, – заметила она. – Я больше люблю слушать Евангелие, чем житие святой Маргариты или что-нибудь еще в таком же ханжеском роде, да и пользы мне от него больше.

– Ты ведь у меня храбрая, как овечка, – сказал он, – вот и разрешайся скорее, а там, глядишь, мы с тобой и другого сделаем.

– Ну, ну! Вам, мужчинам, легко говорить! – сказала она. – Уж я с Божьей помощью для тебя постараюсь. А все-таки лучше, если б тебе его отрезали!

– Что отрезали? – спросил Грангузье.

– Ну, ну, полно дурака валять! – сказала она. – Сам знаешь что.

– Ах, это! – сказал он. – Да пес с ним совсем! Коли уж он так тебе досадил, вели хоть сейчас принести нож.

– Э, нет, избави Бог! – сказала она. – Прости, Господи, мое согрешение! Я так просто сболтнула, не обращай на меня внимания. Это я только к тому, что, если Господь не поможет, мне нынче придется здорово помучиться, и все из-за него, из-за того, что уж очень ты его балуешь.

– Ничего, ничего! – сказал он. – Об остальном не беспокойся, самое главное позади. Пойду-ка я пропущу еще стаканчик. Если тебе станет худо, я буду поблизости. Крикни что есть мочи, и я прибегу.

Малое время спустя она начала вздыхать, стонать и кричать. Тотчас отовсюду набежали повитухи, стали ее шупать внизу и наткнулись на какие-то обрывки кожи, весьма дурно пахнущие; они было подумали, что это и есть младенец, но это оказалась прямая кишка: она выпала у роженицы вследствие ослабления сфинктера, или, по-вашему, заднего прохода, оттого что роженица, как было сказано выше, объелась требухой.

Тогда одна мерзкая старушонка, лет за шестьдесят до того переселившаяся сюда из Бризпайля, что возле Сен-Жну, и слышавшая за великую лекарку, дала Гаргамелле какого-то ужасного вяжущего средства, от которого у нее так сжались и стянулись кольцевидные мышцы, что – страшно подумать! – вы бы их и зубами, пожалуй, не растянули. Одним словом, получилось как у черта⁴⁷, который во время молебна св. Мартину записывал на пергаменте, о чем судачили две податливые бабенки, а потом так и не сумел растянуть пергамент зубами.

⁴⁷ Одним словом, получилось как у черта... – Речь идет о распространенной в средние века легенде: присутствовавший при родах черт записывал речи рожениц; когда же места на пергаменте не осталось, он попытался растянуть его зубами, но разбил себе голову о столб.

Из-за этого несчастного случая вены устья маточных артерий у роженицы расширились, и ребенок проскочил прямо в полую вену, а затем, взобравшись по диафрагме на высоту плеч, где вышеуказанная вена раздваивается, повернул налево и вылез в левое ухо. Едва появившись на свет, он не закричал, как другие младенцы: «И-и-и! И-и-и!», – нет, он зычным голосом заорал: «Лакать! Лакать! Лакать!» – словно всем предлагал лакать, и крик его был слышен от Бюссы до Виваре.

Я подозреваю, что такие необычные роды представляются вам не вполне вероятными. Что ж, не верите – не надо, но только помните, что люди порядочные, люди здравомыслящие верят всему, что услышат или прочтут. Не сам ли Соломон в *Притчах*, глава XIV, сказал: *Innocens credit omni verbo*⁴⁸, и т. д.? И не апостол ли Павел в *Первом послании к Коринфянам*, глава XIII, сказал: *Charitas omnia credit*⁴⁹? Почему бы и вам не поверить? Потому, скажете вы, что здесь отсутствует даже видимость правды? Я же вам скажу, что по этой-то самой причине вы и должны мне верить, верить слепо, ибо сорбоннисты прямо утверждают, что вера и есть обличение вещей невидимых. Разве тут что-нибудь находится в противоречии с нашими законами, с нашей верой, со здравым смыслом, со Священным писанием? Я, по крайней мере, держусь того мнения, что это ни в чем не противоречит Библии. Ведь, если была на то Божья воля, вы же не станете утверждать, что Господь не мог так сделать? Нет уж, пожалуйста, не обморочивайте себя праздными мыслями. Ведь для Бога нет ничего невозможного, и если бы Он только захотел, то все женщины производили бы на свет детей через уши.

Разве Вакх не вышел из бедра Юпитера?

Роктальд – из пятки своей матери?

Крокмуш – из туфли кормилицы?

Разве Минерва не родилась в мозгу у Юпитера и не вышла через его ухо?

Разве Адонис не вышел из-под коры миррового дерева?

А Кастор и Поллукс – из яйца, высиженного и снесенного Ледой?

А как бы вы были удивлены и ошеломлены, если б я вам сейчас прочел целиком ту главу из Плиния, где говорится о необычных и противоестественных родах! А ведь я не такой самонадеянный враль, как он. Прочтите III главу VII книги его *Естественной истории* — и не задуривайте мне голову.

Глава VII

О том, как Гаргантюа было дано имя и как он стал посасывать вино

Добряк Грангузье, выпивая и веселясь с гостями, услышал страшный крик, который испустил его сын, появившись на свет. «Лакать! Лакать! Лакать!» – взывал ревущий младенец. Тогда Грангузье воскликнул: «Ке гран тю а!..» – что означало: «Ну и здоровенная же она у тебя!..» Он имел в виду глотку. Присутствовавшие не преминули заметить, что по образцу и примеру древних евреев младенца, конечно, нужно назвать *Гаргантюа*, раз именно таково было первое слово, произнесенное отцом при его рождении. Отец изъявил свое согласие, матери это имя тоже очень понравилось. А чтобы унять ребенка, ему дали тяпнуть винца, затем окунули в купель и по добром христианскому обычаю окрестили.

Между тем из Понтиля и Бреемона было доставлено семнадцать тысяч девятьсот тринадцать коров, каковые должны были поить его молоком, ибо во всей стране не нашлось ни одной подходящей кормилицы – так много молока требовалось для его кормления. Впрочем, иные

⁴⁸ Глупый верит всякому слову (лат.).

⁴⁹ Любовь всему верит (лат.).

ученые скоттисты⁵⁰ утверждали, что его выкормила мать и что она могла наесть из своих сосцов тысячу четыреста две бочки и девять горшков молока зараз, однако это неправдоподобно. Сорбонна сочла такое мнение предосудительным, благочестивый слух оскорбляющим и припахивающим ересью.

Так прошел год и десять месяцев, и с этого времени по совету врачей ребенка начали вывозить, для чего некий Жан Дению смастерил прелестную колясочку, в которую впрягали волов. В этой самой колясочке младенец лихо раскатывал взад и вперед, и все с удовольствием на него смотрели: мордашка у него была славная, число подбородков доходило едва ли не до восемнадцати, и кричал он очень редко, зато марался каждый час, так как задняя часть была у него на редкость слизокровна, что объяснялось как свойствами его организма, так и случайными обстоятельствами, то есть особым его пристрастием к возлияниям. Впрочем, без причины он капли в рот не брал. Когда же он бывал раздосадован, разгневан, раздражен или удручен, когда он топал ногами, плакал, кричал, ему давали выпить, и он тут же утихомиривался и опять становился спокойным и веселым мальчиком.

Одна из его нянек чество клялась мне, что он к этому до того приохотился, что, бывало, чуть только услышит, как звенят кружки и фляги, и уже впадает в экстаз, словно предвкушая райское блаженство. По сему обстоятельству все няньки из уважения к этому божественному его свойству развлекали его по утрам тем, что стучали ножами по стаканам, стеклянными пробками по бутылкам или, наконец, крышками по кружкам, при каковых звуках он весь дрожал от радости и сам начинал раскачивать люльку, мерно покачивая головой, тренькая пальцами, а задницей выводя рулады.

Глава VIII О том, как Гаргантюа был одет

Еще когда Гаргантюа находился в младенческом возрасте, отец заказал для него одежду фамильного цвета: белого с голубым. На нее положили немало труда, и была она изготовлена, скроена и сшита по тогдашней моде. На основании старинных актов, сохранившихся в счетной палате города Монсоро, я утверждаю, что Гаргантюа был одет следующим образом.

На его рубашку пошло девятьсот локтей шательродского полотна и еще двести на квадратные ластовицы под мышками. Рубашка у него была без сборок, оттого что рубашки со сборками были изобретены лишь после того, как белошвейки, сломав кончики иголок, наловчились работать задним концом.

На его куртку пошло восемьсот тринадцать локтей белого атласа, а на шнуровку – тысяча пятьсот девять с половиной собачьих шкурок. Тогда как раз начали пристегивать штаны к куртке, а не куртку к штанам, что, как убедительно доказал Оккам⁵¹ в комментариях к *Exponibilia*⁵² магистра Шаровара, противозаконно.

На штаны пошло тысяча сто пять с третью локтей белой шерстяной материи. И скроены они были в виде колонн, с желобками и прорезами сзади, чтобы почкам было не слишком жарко. И в каждом прорезе пузырились голубого дамасского шелка буфы надлежащих размеров. Должно заметить, что ляжки у Гаргантюа были очень красивые и всему его сложению соразмерные.

⁵⁰ *Скоттисты* – ученики шотландского богослова XIII в. францисканца Иоанна Дунса Скотта. Рабле воспринимал его идеи весьма критично.

⁵¹ ...как убедительно доказал Оккам... – Уильям Оккам, известный философ-номиналист XIV в., оппонент Дунса Скотта, никакого магистра Шаровара не комментировал.

⁵² «Описуемое» (лат.).

На гюльфик пошло шестнадцать с четвертью локтей той же шерстяной материи, и сшит он был в виде дуги, изящно скрепленной двумя красивыми золотыми пряжками с эмалевыми крючками, в каждый из которых был вставлен изумруд величиною с апельсин. А ведь этот камень, как утверждают Орфей в своей книге *De lapidibus*⁵³ и Плиний, *libro ultimo*⁵⁴, обладает способностью возбуждать и укреплять детородный член⁵⁵. Выступ на гюльфике выдавался на полтора локтя, на самом гюльфике были такие же прорезы, как на штанах, а равно и пышные буфы такого же голубого дамасского шелку. Глядя на искусное золотое шитье, на затейливое, ювелирной работы, плетенье, украшенное настоящими брильянтами, рубинами, бирюзой, изумрудами и персидским жемчугом, вы, уж верно, сравнили бы гюльфик с прелестным рогом изобилия, который вам приходилось видеть на древних изображениях и который подарила Рея двум нимфам, Адрастее и Иде, вскормившим Юпитера. Вечно влекущий, вечно цветущий, юностью дышащий, свежестью пышущий, влагу источающий, соками набухающий, оплодотворяющий, полный цветов, полный плодов, полный всякого рода утех, – вот как перед Богом говорю, до чего же приятно было на него смотреть! Более подробно, однако ж, я остановлюсь на этом в своей книге *О достоинствах гюльфиков*. Полагаю, впрочем, нелишним заметить, что гюльфик был не только длинен и широк, – внутри там тоже всего было вдоволь и в изобилии, так что он нимало не походил на лицемерные гюльфики многих франтов, к великому прискорбию для женского сословия наполненные одним лишь ветром.

На башмаки Гаргантюа пошло чetyреста шесть локтей ярко-голубого бархата. Бархат был аккуратно разрезан пополам, и две эти полосы сшиты в виде двух одинаковых цилиндров. На подошвы употребили тысячу сто коровьих шкур бурого цвета, а носки у башмаков были сделаны острые.

На камзол пошло тысяча восемьсот локтей ярко-синего бархата с вышитыми кругом прелестными веточками винограда, посредине же на нем красовались оплетенные золотыми кольцами и множеством жемчужин кружки из серебряной канители; в этом таился намек, что со временем из Гаргантюа выйдет изрядный пьянчуга.

Пояс ему сшили из трехсот с половиной локтей шелковистой саржи, наполовину белой, а наполовину, если не ошибаюсь, голубой.

Шпага у него была не валенсийская, а кинжал – не сарагосский⁵⁶, потому что его отец ненавидел всех этих пьяных идальго, эту помесь испанцев с окаянными нехристями; у него была отличная деревянная шпага и смазной кожи кинжал, раскрашенные и позолоченные, – словом, одно загляденье.

Кошелек его был сделан из слоновой мошонки, которую ему подарил гер Праконталь, ливийский проконсул.

На его плащ пошло девять тысяч пятьсот девяносто девять и две трети локтей синего бархата, на котором по диагонали были вытканы золотые фигурки, так что стоило только выбрать надлежащий угол зрения – и получался непередаваемый перелив красок⁵⁷, как на шее у горлинки, и это необычайно радовало глаз.

На его шляпу пошло триста два с четвертью локтя белого бархата, и была она широкая и круглая, соответственно форме головы. Что касается тех напоминающих высокие хлебцы

⁵³ «О камнях» (лат.).

⁵⁴ В книге последней (лат.).

⁵⁵ ...как утверждают Орфей... и Плиний в книге последней... – Имеется в виду последняя, XXXVII, книга монументального труда Плиния Старшего «Естественная история» (I в.). На самом деле ни Плиний, ни тем более мифический певец Орфей ничего подобного не утверждали.

⁵⁶ Шпага у него была не валенсийская, а кинжал – не сарагосский... – Валенсия и Сарагоса славились своими оружейниками.

⁵⁷ ...непередаваемый перелив красок – подобное сочетание действительно было в моде. То же относится и к перьям на шляпе.

головных уборов, какие носит всякий омавританившийся сброд, то его отец говорил, что они приносят несчастье своим бритолобым владельцам.

Плюмажем ему служило большое красивое голубое перо пеликана той породы, какая водится в диких местах Гиркании; перо это очень мило свешивалось у него над правым ухом.

Его кокарда представляла собой золотую пластинку весом в шестьдесят восемь марок, а к дощечке была приделана эмалевая фигурка, изображавшая человека с двумя головами⁵⁸, повернутыми друг к другу, с четырьмя руками, четырьмя ногами и двумя задками, ибо, как говорит Платон в *Пире*, такова человеческая природа в ее изначальной мистической сущности. Вокруг этой фигуры было написано ионическими буквами:

H AGAPH Og ZHTEI TA EAgTHS⁵⁹

На шее он носил золотую цепь весом в двадцать пять тысяч шестьдесят три золотые марки⁶⁰, причем ее звенья были сделаны в виде крупных ягод; между ними висели большие драконы из зеленой яшмы, а вокруг них всё лучи и блески, лучи и блески, – такие драконы были когда-то у царя Нехепса⁶¹; спускалась же эта цепь до самой подложечки, и пользу от сего, о которой осведомлены греческие врачи, Гаргантюа ощущал всю свою жизнь.

Для его перчаток были употреблены в дело шестнадцать кож, снятых с упырей, а для опушки – три кожи, снятые с вурдалаков. Таково на сей предмет было предписание сенлуанских каббалистов.⁶²

Перстни у него были такие (отец хотел, чтобы он их носил ради восстановления этого старинного отличия знатных особ): на указательном пальце левой руки – карбункул величиною со страусово яйцо в весьма изящной оправе из чистого золота; на безымянном пальце той же руки – перстень из необыкновенного, дотоле не виданного сплава четырех металлов, в котором сталь не портила золота, а серебро не затмевало меди: то была работа капитана Шапюи и его почтенного поверенного Алькофрибаса⁶³. На безымянном пальце правой руки Гаргантюа носил перстень в виде спирали, и в него были вделаны превосходный бледно-красный рубин, остроконечный брильянт и физонский изумруд, коим не было цены. Ганс Карвель, великий ювелир царя Мелиндского, ценил их в шестьдесят девять миллионов восьмисот девяносто четыре тысячи восемнадцать «длинношерстных баранов», во столько же оценивали их и аугсбургские Фуггеры.⁶⁴

Глава IX Цвета одежды Гаргантюа

Цвета Гаргантюа, как вы знаете, были белый и голубой, – этим его отец хотел дать понять, что сын для него – радость, посланная с неба; надобно заметить, что белый цвет означал для него радость, удовольствие, усладу и веселье, голубой же – все, что имеет отношение к небу.

⁵⁸ ...изображавшая человека с двумя головами... – В представлении Платона первый человек – Андрогин – был двуполым существом сферической формы, с которым в учениях некоторых гностиков отождествлялся Адам. Алхимиками он воспринимался как символ единства магических сил обоих полов. Ср. Послание апостола Павла к Галатам, 3:28.

⁵⁹ Любовь не ищет своей выгоды (*гр.*).

⁶⁰ ...двадцать пять тысяч шестьдесят три золотые марки... – Марка соответствует приблизительно 250 г. Таким образом, цепь, которую носил на шее Гаргантюа, была поистине пудовой – более 16 кг.

⁶¹ Царь Нехепс. – Об этом фараоне VII в. до н. э. древние источники говорят как о прорицателе и астрологе.

⁶² ...предписание сенлуанских каббалистов. – Сен-Луан – городок на реке Вьенне неподалеку от Шинона. Там находилось аббатство, с настоятелем которого Рабле находился в натянутых отношениях. Вера в упырей и вурдалаков, конечно же, не являлась прерогативой «сенлуанских каббалистов».

⁶³ ...его почтенного поверенного Алькофрибаса. – Речь идет о самом Рабле.

⁶⁴ ...аугсбургские Фуггеры... – знаменитая династия банкиров.

Я уверен, что, прочтя это место, вы посмеетесь над старым пьяницей и признаете подобное толкование цветов слишком плоским и вздорным; вы скажете, что белый цвет означает веру, а голубой – стойкость⁶⁵. Ну так возразите же мне, если хотите, но только спокойно, без раздражения, не волнуясь и не горячась (время-то у нас теперь уж больно опасное!). Ни вас, ни кого бы то ни было еще я уламывать не намерен; я хочу только, чтобы вы не забыли про бутылочку.

Чего вы волнуетесь? Чего вы на стену лезете? Кто вам внушил, что белый цвет означает веру, а голубой – стойкость? «Одна никем не читаемая и не почитаемая книга под названием *Геральдика цветов*⁶⁶, которую можно купить у офеней и книгонош», – скажете вы. А кто ее сочинил? Кто бы он ни был, он поступил благоразумно, не указав своего имени. Впрочем, не знаю, что в нем более достойно удивления – самомнение или глупость: может статься, самомнение, ибо он, не приводя никаких оснований, доводов и причин, опираясь только на свои собственные домыслы, осмелился предписать, как именно надлежит толковать цвета, – таков обычай тиранов, которые в противоположность людям мудрым и ученым, почитающим за нужное приводить веские доводы, стремятся к тому, чтобы здравый смысл уступил место их произволу; а может статься, глупость, ибо он воображает, что, не имея доказательств и достаточных оснований, а лишь следуя его ни с чем не соотносящим догадкам, люди станут сочинять себе девизы.

И точно (видно, правду говорит пословица: было бы корыто, а свиньи найдутся): он нашел каких-то допотопных простофилей, и вот эти-то простофили и поверили его писаниям; накроив по ним изречений и поучений, они разукрасили ими упряжь своих мулов и одежду слуг, разрисовали ими свои штаны, вышили их на перчатках, выткали на пологих, намалевали на гербах, вставили в песни и, что хуже всего, запятнали и бросили тень на доброе имя некоторых целомудренных матрон⁶⁷, а те об этом и не подозревали.

Вот до чего дошли эти придворные щеголи и суесловы! Если они избирают своим девизом *веселье*, то велят изобразить *весло*; если *кротость*, то – *крота*; если *печаль*, то – *печать*; если *рок*, то – *бараний рог*; если *лоннувший банк*, то – *лоннувшую банку*; если *балкон*, то – *коней на балу*; если *восторг*, то – *воз и торг*. Все это такие нелепые, такие пошлые, такие вымученные и грубые омонимы, что всякому, кто теперь, после того как изящная словесность во Франции возродилась, станет их употреблять, следовало бы пришить к воротнику лисий хвост, а рожу вымазать коровьим калом.

Исходя из тех же самых домыслов (хотя, собственно, мысли-то никакой в этих домыслах и нет), я мог бы велеть нарисовать *горчичницу* в знак того, что я *огорчен*, *розмарин* – в знак того, что меня *разморило*, сказать, что *ночной фиал* — это все равно что *официал*, что *задок моих штанов* — это *пук цветов*, что мой *гашиник* — это *набалдашиник*, а что *котяшок* — это тот самый *петушок*, по которому вздыхает моя милашка.

Совершенно иначе в былые времена поступали египетские мудрецы, пользовавшиеся письменами, которые они называли иероглифами. В письменах этих никто ничего не понимал, понимали только те, которые понимали свойства, особенности и природу вещей, коих знаки они собой представляли. Гор-Аполлон⁶⁸ написал о них по-гречески две книги, а еще подробнее

⁶⁵ ...белый цвет означает веру, а голубой – стойкость. – Подобное толкование цветов вполне соответствует цветовой символике средних веков.

⁶⁶ «Геральдика цветов» – книга, написанная около 1458 г. Сисилем, герольдом короля Альфонса V Арагонского.

⁶⁷ ...запятнали и бросили тень на доброе имя некоторых целомудренных матрон... – Носивший цвета своей дамы влюбленный рисковал ее скомпрометировать.

⁶⁸ Гор-Аполлон – грамматист, чьи труды часто переиздавались в XVI в. Имеется в виду его «Иероглифика», переведенная в 1543 г. Жаном Мартеном.

на них остановился в *Любовных сновидениях* Полифил⁶⁹. Во Франции нечто подобное вы найдете в девизе г-на Адмирала, который, в свою очередь, позаимствовал его у Октавиана Августа.

Однако плыть далее среди подобных пучин и мелей небезопасно – я возвращаюсь в ту гавань, откуда я вышел. Надеюсь когда-нибудь изложить все это обстоятельно и доказать как с помощью философских умозаключений, так и путем ссылок на признанные авторитеты древнего мира, сколь многочисленны и каковы суть цвета в природе и что каждым из них можно обозначить. Дай только Бог, чтобы с плеч моих не свалилась подставка для колпака или же, как говаривала моя бабушка, кувшин для вина.

Глава X

О том, что означают белый и голубой цвета

Итак, белый цвет означает радость, усладу и веселье, и это не натяжка, это в точности соответствует действительности, в чем вы можете удостовериться, как скоро пожелаете, отрешившись от предубеждений, выслушать то, что я вам сейчас изложу.

Аристотель утверждает, что если мы возьмем понятия противоположные, как, например, добро и зло, добродетель и порок, холодное и горячее, белое и черное, блаженство и страдание, радость и горе и тому подобные, и будем соединять их попарно так, чтобы одно из противоположных понятий одной пары соответствовало по смыслу одному из противоположных понятий другой пары, то мы придем к заключению, что другое противоположное понятие первой пары согласуется с другим понятием смежной пары. Пример: добродетель и порок в пределах данной пары представляют собой понятия противоположные; таковы же суть добро и зло; если же первое понятие верхней пары соответствует первому понятию смежной пары, как, например, добродетель и добро, ибо само собою разумеется, что добродетель хороша, так же точно будут соотноситься между собой и два других понятия, то есть зло и порок, ибо порок дурен.

Если вам этот логический вывод ясен, то возьмите два противоположных понятия: радость и печаль, затем еще два: белое и черное, ибо они противоположны по своим физическим свойствам; так вот, если черное означает горе, то белое на том же самом основании означает радость.

Значения эти основаны не на произвольных толкованиях, принадлежащих отдельным лицам, – нет, таково общее мнение, именуемое на языке философов *jus gentium*⁷⁰, всеобщим законом, действующим повсеместно.

Вы отлично знаете, что все народы, все страны (за исключением древних сиракузцев и некоторых аргивян, страдавших извращенностью ума) и все языки, желая каким-либо внешним образом выразить свою печаль, носят черные одежды, ибо черный цвет есть цвет траурный. Этот обычай мог утвердиться повсеместно только потому, что сама природа дает ему объяснение и обоснование, которое каждый из нас может постигнуть самостоятельно, без посторонней помощи, и это мы и называем естественным правом.

По тому же внушению природы все условились считать белый цвет знаком радости, веселья, удовольствия, наслаждения и блаженства.

В былые времена фракийцы и критяне отмечали счастливые и радостные дни белым камнем, печальные и несчастливые – черным.

Разве ночь не зловеща, не печальна и не уныла? А ведь она темна и мрачна. Разве вся природа не радуется свету? А ведь ничего нет белее его. В доказательство я мог бы сослаться на

⁶⁹ «Любовные сновидения» («Гипнэротомехия Полифила», далее – «Полифил») – эзотерический роман Франческо Колонны, впервые опубликованный в 1499 г.

⁷⁰ Право народов (лат.).

книгу Лоренцо Валлы⁷¹, которую он написал против Бартола, но полагаю, что вас вполне удовлетворит свидетельство евангелиста: в гл. XVII *om Mamefea*, где говорится о Преображении Господнем, мы читаем: *Vestimenta ejus facta sunt alba sicut lux*, одежды его сделались белыми, как свет, по каковой ослепительной белизне три апостола составили себе понятие и представление о вечном блаженстве. Свету радуется всякое живое существо; вы, верно, помните эту старуху, – у нее не осталось во рту ни единого зуба⁷², а она все твердила: *Bona lux!*⁷³ А ослепший Товит (гл. V), отвечая на приветствие Рафаила, воскликнул: «Как могу я радоваться, если не вижу света небесного?» И тем же цветом ангелы выразили радость всей вселенной в день воскресения Христова (*om Иоанна*, гл. XX) и в день вознесения (*Деяния*, гл. I). В таких же одеждах увидел всех верных в небесном, блаженном граде Иерусалиме св. Иоанн Богослов (*Апокалипсис*, гл. IV и VII).

Прочтите древнюю историю, историю Греции, историю Рима. Вы узнаете, что город Альба-Лонга, прапращур Рима, был обязан своим происхождением белой свинье.⁷⁴

Вы узнаете, что у древних римлян был заведен такой порядок: победитель, коему предстояло с триумфом въехать в Рим, должен был восседать на колеснице, запряженной белыми конями; то же самое полагалось и при более скромном чествовании, ибо никакой другой знак или же цвет не мог ярче выразить радость по случаю прибытия триумфаторов, нежели белизна.

Вы узнаете, что Перикл, правитель Афинский, отдал такое распоряжение: чтобы та часть его войска, коей по жребию достались белые бобы, целый день радовалась, веселилась и отдыхала, а другая часть сражалась. Количество примеров и ссылок я мог бы умножить, но здесь для этого не место.

Благодаря таковым познаниям вы сумеете разрешить проблему, которую Александр Афродисийский считал неразрешимой: «Почему лев, одним своим рыканием наводящий страх на всех животных, боится и чтит только белого петуха?» Оттого, как говорит Прокл в книге *De sacrificio et magia*⁷⁵, что свойство солнца, источника и вместилища всего земного и небесного света, более подходит и подобает белому петуху, если принять в соображение его цвет, его особенности и повадки, чем льву. Еще он говорит, что бесы часто принимают обличье льва, меж тем как при виде белого петуха они внезапно исчезают. Вот почему *Galli*⁷⁶ (то есть французы, названные так потому, что они от рождения белы, как молоко, а молоко по-гречески *gala*) любят носить на шляпах белые перья, ибо по природе своей они жизнерадостны, простодушны, приветливы и всеми любимы, и гербом и эмблемой служит им белейший из всех цветов, а именно – лилия.

Если же вы спросите, каким образом природа дает нам понять, что белый цвет означает радость и веселье, то я вам отвечу, что аналогия и соответствие здесь таковы. Подобно тому как при взгляде на белое в глазах у человека все мелькает и ходит ходуном, оттого что белый цвет разлагает зрительные токи, о чем говорит в своих *Проблемах* Аристотель, и притупляет различительную способность (если вам случалось ходить по снежным горам, то вы должны были испытать это на себе, – вы начинали плохо видеть; Ксенофонт пишет, что так случилось с его воинами, об этом же подробно говорит Гален в кн. X, *De usu partium*⁷⁷) – так же точно

⁷¹ ...книга Лоренцо Валлы... – Имеется в виду сочинение итальянского гуманиста под названием «Против Бартола к Кандиду Децембру» (опубл. в 1517). Бартол – юрист XIV в., в одном из своих сочинений действительно затрагивавший проблему цвета.

⁷² ...у нее не осталось во рту ни единого зуба... – сюжет из «Похвалы Глупости» Эразма Роттердамского (гл. XXXI).

⁷³ Милый свет! (лат.).

⁷⁴ Город Альба-Лонга действительно был основан сыном Энея Асканием в том месте, где он заметил белую свинью («Энеида», III, 388–393).

⁷⁵ «О жертвоприношении и магии» (лат.).

⁷⁶ Galli (лат.) — петухи и галлы.

⁷⁷ «О назначении частей (тела)» (лат.).

сердце под влиянием радостного волнения ходит ходуном, вследствие чего начинается распад питающих его жизненных токов, и распад этот бывает иногда столь бурным, что сердце остается без всякой поддержки; таким образом, сильная радость может пресечь самую жизнь, на что указывает Гален в *Metho*.⁷⁸, книга XII, в *De locis affectis*⁷⁹ и в *De symptomaton causis*⁸⁰, кн. II; а что такие случаи действительно имели место в древности, в этом нас убеждают Марк Туллий (см. *Quaestio Tuscul*⁸¹, кн. I), Веррий, Аристотель, Тит Ливий (после битвы при Каннах), Плиний (кн. VII, гл. XXXII и LIII), А. Геллий (кн. III, XV и др.), а также Диагор Родосский, Хилон, Софокл, Дионисий, тиран Сицилийский, Филиппид, Филемон, Поликрат, Филистион, М. Ювенций и многие другие, умершие от радости, или же, как указывает Авиценна во II трактате Канона и в книге *De viribus cordis*⁸², от шафрана, сильная доза которого так возбуждает человека, что он умирает от расширения и разрыва сердца. Об этом вы можете прочитать у Александра Афродисийского в его *Problematum*⁸³ (кн. I, гл. XIX). Что и требовалось доказать.

Впрочем, я увлекся и наговорил по этому поводу больше, чем предполагал вначале. Итак, я убираю паруса, dokonчу же я свое рассуждение в особой книге и докажу в немногих словах, что голубой цвет означает небо и все к нему относящееся и что связь символическая здесь та же, что и между белым цветом, с одной стороны, и радостью и наслаждением – с другой.

Глава XI О детстве Гаргантюа

В возрасте от трех до пяти лет Гаргантюа растили и воспитывали по всем правилам, ибо такова была воля его отца, и время он проводил, как все дети в том краю, а именно: пил, ел и спал; ел, спал и пил; спал, пил и ел.

Вечно валялся в грязи, пачкал нос, мазал лицо, стаптывал башмаки, ловил частенько мух и с увлечением гонялся за мотыльками, подвластными его отцу. Писал себе на башмаки, какал в штаны, утирал рукавом нос, сморкался в суп, шлепал по всем лужам, пил из туфли и имел обыкновение тереть себе живот корзинкой. Точил зубы о колодку, мыл руки похлебкой, расчесывал волосы стаканом, садился между двух стульев, укрывался мокрым мешком, запивал суп водой, как ему аюкали, так он и откликался, кусался, когда смеялся, смеялся, когда кусался, частенько плевал в колодец, лопался от жира, нападал на своих, от дождя прятался в воде, ковал, когда остывало, ловил в небе журавля, прикидывался тихоней, драл козла, имел привычку бормотать себе под нос, возвращался к своим баранам, перескакивал из пятого в десятое, бил собаку в назидание льву, начинал не с того конца, обжегшись на молоке, дул на воду, выводывал всю подноготную, гонялся за двумя зайцами, любил, чтоб нынче было у него густо, а завтра хоть бы и пусто, толоч воду в ступе, сам себя щекотал под мышками, уплетал за обе щеки, жертвовал Богу, что не годилось ему самому, в будний день ударял в большой колокол и находил, что так и надо, целился в ворону, а попадал в корову, не плутал только в трех соснах, переливал из пустого в порожнее, скоблил бумагу, марал пергамент, задавал стрекача, куликал, не спросясь броду, совался в воду, оставался на бобах, полагал, что облака из молока, а луна из чугуна, с одного вола драл две шкуры, дурачком прикидывался, а в дураках оставлял других, прыгал выше носа, черпал воду решетом, клевал по зернышку, даровому коню неукоснительно смотрел в зубы, начинал за здравие, а кончал за упокой, в бочку дегтя

⁷⁸ «О мето(де лечения)» (лат.).

⁷⁹ «О пораженных местах» (лат.).

⁸⁰ «О симптомах и причинах» (лат.).

⁸¹ «Тускул(анские) беседы» (лат.).

⁸² «О силах сердца» (лат.).

⁸³ «Проблемах» (лат.).

подливал ложку меду, хвост вытаскивал, а нос у него завязал в грязи, охранял луну от волков, считал, что если бы да кабы у него во рту росли бобы, то был бы не рот, а целый огород, по одежке протягивал ножки, всегда платил той же монетой, на все чихал с высокого дерева, каждое утро драл козла. Отцовы щенки лакали из его миски, а он ел с ними. Он кусал их за уши, а они ему царапали нос, он им дул в зад, а они его лизали в губы.

И знаете что, дети мои, чтоб вам допиться до белой горячки? Этот маленький потаскун щупал своих нянек почем зря и вверху и внизу, и спереди и сзади и стал уже задавать работу своему гульфику. А няньки ежедневно украшали его гульфик пышными букетами, пышными лентами, пышными цветами, пышными кистями и развлекались тем, что мяли его в руках, точно пластырь, свернутый в трубочку; когда же у гульфика ушки становились на макушке, няньки покатывались со смеху – видно было, что эта игра доставляла им немалое удовольствие.

Одна из них называла его втулочкой, другая – булавочкой, третья – коралловой веточкой, четвертая – пробочкой, пятая – затычеккой, коловоротиком, сверлышком, буравчиком, подвесочком, резвунчиком-попрыгунчиком, стоячком, красненькой колбаской, яичком-невеличком.

– Он мой, – говорила одна.

– Нет, мой, – говорила другая.

– А мне ничего? – говорила третья. – Ну так я его отрежу, ей-ей отрежу!

– Еще чего, отрезать! – говорила четвертая. – Да ведь ему больно будет! Кто же, сударыня, эти штучки детям отрезает? Хочешь, чтобы он бесхвостый вырос?

Сверстники Гаргантюа в тех краях играли в вертушки, и ему тоже смастерили для игры отличную вертушку из крыльев мирбалеической ветряной мельницы.⁸⁴

Глава XII Об игрушечных лошадках Гаргантюа

Потом, чтобы из него на всю жизнь вышел хороший наездник, ему сделали красивую большую деревянную лошадь, и он заставлял ее гарцевать, скакать, круто поворачивать, брыкаться, танцевать, и все это одновременно; ходить шагом, бегать рысью, сбитой рысью, галопом, иноходью, полугалопом, тропотом, по-верблюжьему и по-ослиному. Он заставлял ее менять масть, как иеродиаконья меняют в соответствии с праздниками стихари, и она у него была то гнедой, то рыжей, то серой в яблоках, то мышинной, то саврасой, то чалой, то соловой, то игреневой, то пегой, то буланой, то белой.

Сам Гаргантюа своими руками сделал себе из толстого бревна на колесах охотничью лошадь, из балки от давяльного чана – коня на каждый день, а из цельного вяза – мула с попной, для комнатных игр. Еще было у него около десятка лошадей для подставки и семь почтовых. И всех он укладывал с собой спать.

Однажды, в тот самый день, когда отца Гаргантюа посетили герцог де Лизоблюд и граф де Приживаль, в сопровождении пышной и блестящей свиты к нему приехал сеньор де Скупердьяй. Откровенно говоря, помещение оказалось тесновато для такого множества гостей, а уж про конюшни и говорить нечего. По сему обстоятельству дворецкий и конюший вышеупомянутого сеньора де Скупердьяй, желая узнать, нет ли где тут свободных стойл, обратились к маленькому Гаргантюа и спросили его украдкой, куда бы поставить строевых коней, ибо они были уверены, что уж ребенок-то им все выложит. Гаргантюа повел их по главной лестнице замка, а затем через вторую залу и широкую галерею они проникли в большую башню; когда же они стали подниматься еще выше, конюший сказал дворецкому:

⁸⁴ ...из крыльев мирбалеической ветряной мельницы. – Мирбале – поместье близ Пуатье. В главе XX «Третьей книги» вновь говорится о мирбалеических ветряках.

– Обманул нас мальчонка: наверху конюшен не бывает.

– Ты ошибаешься, – возразил дворецкий, – мне точно известно, что в Лионе, Бамете⁸⁵, Шиноне и в других местах есть такие дома, где конюшни на самом верху. Наверно, где-нибудь сзади устроен особый выход для посадки. Впрочем, я его еще раз спрошу для верности.

И он обратился к Гаргантюа:

– Куда ты ведешь нас, малыш?

– В стойло, где мои строевые кони, – отвечал тот. – Это совсем близко отсюда: еще несколько ступенек, и все.

И тут он, пройдя еще одну большую залу, подвел их к своей комнате и, распахнув дверь, сказал:

– Вот она, конюшня. Это мой испанский жеребец, это мерин, это лаведанский жеребец, а это иноходец. – С этими словами он протянул им здоровенную балку. – Дарю вам этого фризского скакуна, – объявил он. – Мне его пригнали из Франкфурта, но теперь он ваш. Это добрая лошадка, очень выносливая. Заведите себе еще кречета, пяток испанских легавых да пару борзых, и вы будете грозой всех зайцев и куропаток.

– Святые угодники! – воскликнули те двое. – Вот тебе раз! Что ж ты, милый, дурака валял?

– Да разве я кого-нибудь из вас валял? – спросил Гаргантюа.

Посудите сами, как в сем случае надлежало поступить дворецкому и конюшему: сквозь землю провалиться от стыда или посмеяться над этим приключением? Когда же они в великом смущении стали спускаться с лестницы, Гаргантюа сказал:

– На приступочке песочек.

– Что такое? – спросили они.

– Откусите дерьма кусочек, – отвечал он.

– Если нынче нас кто-нибудь захочет вздуть, то это будет напрасный труд, – нас и без того порядком надули, – заметил дворецкий. – Ах, малыш, малыш, славно провел ты нас за нос! Быть тебе когда-нибудь святейшим владыкою папой!

– Я сам так думаю, – заметил Гаргантюа. – Я буду святейшеством, а ты пустосвятом, а вот из этого свища тоже выйдет изрядный святоша.

– Все может быть, – заметил конюший.

– А вот теперь скажите, – продолжал Гаргантюа, – какого цвета хвост платья у моей матери?

– Про хвост я ничего не могу сказать, – отвечал конюший.

– Сам признался, что ты прохвост, – подхватил Гаргантюа.

– Как так? – спросил конюший.

– Так ли, не так ли, сунь себе в нос пакли, – отвечал Гаргантюа. – Кто слишком много такает, тому птичка в ротик какает.

– Господи помилуй, ну и собеседник нам попался! – воскликнул дворецкий. – Много лет тебе здравствовать, балагур ты этакий, – уж больно ты речист!

Спускаясь второпях с лестницы, дворецкий с конюшим уронили здоровенную балку, которой их нагрузил Гаргантюа.

– Какие же вы после этого наездники, черт бы вас побрал! – воскликнул Гаргантюа. – Вам только на клячах и ездить. Если бы вам предстояло путешествие в Каюзак, что бы вы предпочли: ехать верхом на гусенке или же свинью вести на веревочке?

– Я предпочитаю выпить, – сказал конюший.

Тут они вошли в одну из нижних зал и, застав там остальную компанию, рассказали ей об этом происшествии и чуть не утомили всех со смеху.

⁸⁵ Бамет – монастырь францисканцев неподалеку от Анжера, где, по-видимому, Рабле начинал учебу.

Глава XIII

О том, как Грангузье распознал необыкновенный ум Гаргантюа, когда тот изобрел подтирку

К концу пятого года Грангузье, возвратившись после поражения канарийцев⁸⁶, навестил своего сына Гаргантюа. Обрадовался он ему, как только мог обрадоваться такой отец при виде такого сына: он целовал его, обнимал и расспрашивал о всяких его ребячьих делах. Тут же он не упустил случая выпить с ним и с его няньками, поговорил с ними о том о сем, а затем стал подробно расспрашивать, соблюдают ли они в уходе за ребенком чистоту и опрятность. На это ему ответил Гаргантюа, что он сам завел такой порядок, благодаря которому он теперь самый чистый мальчик во всей стране.

– Как так? – спросил Грангузье.

– После долговременных и любопытных опытов я изобрел особый способ подтираться, – отвечал Гаргантюа, – самый, можно сказать, королевский, самый благородный, самый лучший и самый удобный из всех, какие я знаю.

– Что же это за способ? – осведомился Грангузье.

– Сейчас я вам расскажу, – отвечал Гаргантюа. – Как-то раз я подтерся бархатной полумаской одной из ваших притворных, то бишь придворных, дам и нашел, что это недурно, – прикосновение мягкой материи к заднепроходному отверстию доставило мне наслаждение неизъяснимое. В другой раз – шапочкой одной из помянутых дам, – ощущение было то же самое. Затем шейным платком. Затем атласными наушниками, но к ним, оказывается, была прицеплена уйма этих поганных золотых шариков, и они мне все седалище ободрали. Антонов огонь ему в зад, этому ювелиру, который их сделал, а заодно и придворной даме, которая их носила! Боль прошла только после того, как я подтерся шляпой пажа, украшенной перьями на швейцарский манер.

Затем как-то раз я присел под кустик и подтерся мартовской кошкой, попавшейся мне под руку, но она мне расцарапала своими когтями всю промежность.

Оправился я от этого только на другой день, после того как подтерся перчатками моей матери, надушенными этим несносным, то бишь росным, ладаном.

Подтирался я еще шалфеем, укропом, анисом, майораном, розами, тыквенной ботвой, свекольной ботвой, капустными и виноградными листьями, проскурняком, диванкой, от которой краснеет зад, латуком, листьями шпината, – пользы мне от всего этого было, как от козла молока, – затем пролеской, бурьяном, крапивой, живокостью, но от этого у меня началось кровотечение, тогда я подтерся гульфиком, и это мне помогло.

Затем я подтирался простынями, одеялами, занавесками, подушками, скатертями, дорожками, тряпочками для пыли, салфетками, носовыми платками, пеньюарами. Все это доставляло мне больше удовольствия, нежели получает чесоточный, когда его скребут.

– Так, так, – сказал Грангузье, – какая, однако ж, подтирка, по-твоему, самая лучшая?

– Вот к этому-то я и веду, – отвечал Гаргантюа, – сейчас вы узнаете все досконально. Я подтирался сеном, соломой, паклей, волосом, шерстью, бумагой, но —

Кто подтирает зад бумагой,
Тот весь обрызган желтой влагой*.

⁸⁶ *Канарийцы*. – В средние века было распространено представление о волшебной стране Канарии (отсюда, возможно, Канарские острова).

– Что я слышу? – воскликнул Грангузье. – Ах, озорник ты этакий! Тишком, тишком уже и до стишков добрался?

– А как же, ваше величество! – отвечал Гаргантюа. – Понемножку кропаю, но только от стихоплетства у меня язык иной раз заплетается. Вот, не угодно ли послушать, какая надпись висит у нас в нужнике:

Харкун,
Писун,
Пачкун!
Не раз
Ты клал,
А кал
Стекал
На нас.
Валяй,
Воняй,
Но знай:
В антоновом огне сгорает,
Кто жир
Из дыр
В сортир,
Не подтираясь, низвергает*.

Хотите еще?

– Очень даже хочу, – сказал Грангузье.

– Так вот, – продолжал Гаргантюа:

РОНДО

Мой зад свой голос подает,
На зов природы отвечая.
Вокруг клубится вонь такая,
Что я зажал и нос и рот.
О, пусть в сей нужник та придет,
Кого я жду, опорожня
Мой зад!

Тогда я мочевого проход
Прочищу ей, от счастья тая;
Она ж, рукой меня лаская,
Перстом умелым подотрет
Мой зад*.

Попробуйте теперь сказать, что я ничего не знаю! Клянусь раками, это не я сочинил стихи, – я слышал, как их читали одной важной даме, и они удержались в охотничьей сумке моей памяти.

– Обратимся к предмету нашего разговора, – сказал Грангузье.

– К какому? – спросил Гаргантюа. – К испражнениям?

– Нет, к подтирке, – отвечал Грангузье.

– А как вы насчет того, чтобы выставить бочонок бретонского, если я вас положу на обе лопатки?

– Выставлю, выставлю, – обещал Грангузье.

– Незачем подтираться, коли нет дерьма, – продолжал Гаргантюа. – А дерьма не бывает, если не покакаешь. Следственно, прежде надобно покакать, а потом уж подтереться.

– Ах, как ты здраво рассуждаешь, мой мальчик! – воскликнул Грангузье. – Ей-богу, ты у меня в ближайшее же время выступишь на диспуте в Сорбонне, и тебе присудят докторскую степень – ты умен не по летам! Сделай милость, однако ж, продолжай подтиральное свое рассуждение. Клянусь бородой, я тебе выставлю не бочонок, а целых шестьдесят бочек доброго бретонского вина, каковое выделяется отнюдь не в Бретани, а в славном Верроне.

– Потом я еще подтирался, – продолжал Гаргантюа, – головной повязкой, думкой, туфлей, охотничьей сумкой, корзинкой, но все это была, доложу я вам, прескверная подтирка! Наконец шляпами. Надобно вам знать, что есть шляпы гладкие, есть шерстистые, есть ворсистые, есть шелковистые, есть атласистые. Лучше других шерстистые – кишечные извержения отлично ими отчищаются.

Подтирался я еще курицей, петухом, цыпленком, телячьей шкурой, зайцем, голубем, бакланом, адвокатским мешком, капюшоном, чепцом, чучелом птицы.

В заключение, однако ж, я должен сказать следующее: лучшая в мире подтирка – это пушистый гусенок, уверяю вас, – только когда вы просовываете его себе между ног, то держите его за голову. Вашему отверстию в это время бывает необыкновенно приятно, во-первых, потому, что пух у гусенка нежный, а во-вторых, потому, что сам гусенок тепленький, и это тепло через задний проход и кишечник без труда проникает в область сердца и мозга. И напрасно вы думаете, будто всем своим блаженством в Елисейских полях герои и полубоги обязаны асфоделям, амброзии и нектару, как тут у нас болтают старухи. По-моему, все дело в том, что они подтираются гусятами, и таково мнение ученейшего Иоанна Скотта.

Глава XIV

О том, как некий богослов обучал Гаргантюа латыни

Послушав такие речи и удостоверившись, что Гаргантюа отличается возвышенным складом ума и необычайной сметливостью, добряк Грангузье пришел в совершенный восторг. Он сказал его нянькам:

– Филипп, царь македонский, понял, насколько умен его сын Александр, по тому, как ловко он правил конем. А ведь конь этот был лихой, с норовом, так что никто не решался на него сесть, – он сбрасывал всех: одному всаднику шею ломает, другому – ноги, этому голову проломит, тому челюсть вывихнет. Александр наблюдал за всем этим на ипподроме (так называлось то место, где вольтижировали и объезжали лошадей) и наконец пришел к заключению, что лошадь бесится от страха, а боится она своей же собственной тени. Тогда, вскочив на коня, он погнал его против солнца, так что тень падала сзади, и таким способом его приручил. И тут отец удостоверился, что у его сына воистину божественный разум, и взял ему в учителя не кого другого, как Аристотеля, которого тогда признавали за лучшего греческого философа. Я же скажу вам, что один этот разговор, который я сейчас вел в вашем присутствии с сыном моим Гаргантюа, убеждает меня в том, что ум его заключает в себе нечто божественное, до того он остер, тонок, глубок и ясен; его надобно только обучить всем наукам, и он достигнет высшей степени мудрости. Того ради я намерен приставить к нему какого-нибудь ученого, и пусть ученый преподаст ему все, что только мой сын способен усвоить, а уж я ничего для этого не пожалею.

И точно: мальчику взяли в наставники великого богослова, магистра Тубала Олоферна⁸⁷, и магистр так хорошо сумел преподать ему азбуку, что тот выучил ее наизусть в обратном порядке, для чего потребовалось пять лет и три месяца. Затем учитель прочел с ним *Доната*, *Фацет*, *Теодоле* и *Параболы* Алана⁸⁸, для чего потребовалось тринадцать лет, шесть месяцев и две недели.

Должно при этом заметить, что одновременно он учил Гаргантюа писать готическими буквами, и тот переписывал все свои учебники, ибо искусство книгопечатания тогда еще не было изобретено.

Большой письменный прибор, который обыкновенно приносил на уроки Гаргантюа, весил более семи тысяч квинталов, его пенал равнялся по величине и объему колоннам аббатства Эне, а чернильница висела на толстых железных цепях, вместимость же ее равнялась вместимости бочки.

Далее Тубал Олоферн прочел с ним *De modis significandi*⁸⁹ с комментариями Пустомелиуса, Оболтуса, Прудпруды, Галео, Жана Теленка, Грошемуцена и пропасть других, для чего потребовалось восемнадцать лет и одиннадцать с лишним месяцев. И все это Гаргантюа так хорошо усвоил, что на экзамене сумел ответить все наизусть в обратном порядке и доказал матери как дважды два, что *De modis significandi non erat scientia*.⁹⁰

Далее Тубал Олоферн прочел с ним *Календарь*, для чего потребовалось верных шестнадцать лет и два месяца, и тут означенный наставник скончался:

В год тысяча четыреста двадцатый
От люэса, что он поймал когда-то*.

Его сменил еще один старый хрен, магистр Дурако Простофиль, и тот прочел с ним *Гугуция*, *Греческий язык Эберара*, *Доктринал*, *Части речи*, *Quid est, Supplementum*, *Бестолкования*, *De moribus in mensa servandis*, *De quatuor virtutibus cardinalibus* Сенеки, Пассаванти *cum commento*, в праздничные дни *Dormi secure* и еще кое-что в этом же роде, отчего Гаргантюа так поумнел, что уж нам с вами никак бы за ним не угнаться.⁹¹

⁸⁷ *Тубал Олоферн*. – Тубал по-древнееврейски – «беспорядок»; Олоферн – имя не только царя Навуходоносора, убитого Юдифью, но также и известного астролога XV в.

⁸⁸ ...прочел с ним *Доната*, *Фацет*, *Теодоле* и *Параболы*... – Перечисляются книги, составлявшие основу школьного преподавания в средние века. Авл Донат – известный римский грамматик (IV в.).

⁸⁹ «О способах обозначения» (лат.).

⁹⁰ «О способах обозначения» не есть наука (лат.).

⁹¹ «О способах обозначения» – средневековый учебник логики. Вслед за этим Рабле перечисляет и другие средневековые учебники. *Гугуций* – Гугуций Пизанский, епископ Феррарский (XIII в.), автор латинского этимологического словаря «Книга о происхождении слов»; *Греческий язык Эберара* Бетюнского – еще одно пособие, на сей раз по греческому (XII в.); *Доктринал* («Наставление для юнцов») Александра де Вильдье (XIII в.), неоднократно переиздававшийся в XVI в.; *Части речи* («О восьми частях речи») – грамматика; *Quid est* («Что есть») – учебник в форме катехизиса. Что же касается *Supplementum* («Дополнений»), то сочинений с таким названием было множество. *De moribus in mensa servandis* («О том, как должно вести себя за столом») – учебник светскости Сульпиция Веруламского (XV в.). *De quatuor virtutibus cardinalibus* («О четырех основных добродетелях») – нравоучительный трактат не Сенеки, а Мартина де Брага; такой же характер носит книга Якобо Пассаванти «Зерцало истинного покаяния» (XIV в.). *Dormi secure* («Покойся в мире») – собрание псалмов.

Глава XV

О том, как Гаргантюа был поручен заботам других воспитателей

Между тем отец стал замечать, что сын его, точно, оказывает большие успехи, что от книг его не оторвешь, но что впрок это ему не идет и что к довершению всего он глупеет, тупеет и час от часу становится рассеянное и бестолковое.

Грангузье пожаловался на это дону Филиппу де Маре, вице-королю Папелигосскому, и услышал в ответ, что лучше совсем ничему не учиться, чем учиться по таким книгам под руководством таких наставников, ибо их наука – бредни, а их мудрость – напыщенный вздор, сбивающий с толку лучшие, благороднейшие умы и губящий цвет юношества.

– Коли на то пошло, – сказал вице-король, – пригласите к себе кого-нибудь из нынешних молодых людей, проучившихся года два, не больше. И вот если он уступит вашему сыну по части здравого смысла, красноречия, находчивости, обходительности и благовоспитанности, можете считать меня последним вралем.

Грангузье эта мысль привела в восхищение, и он изъявил свое согласие.

Вечером, явившись к ужину, вышеназванный де Маре привел с собой одного из юных своих пажей, Эвдемона⁹² из Вильгонжи, аккуратно причесанного, нарядного, чистенького, вежливого, скорее похожего на ангелочка, чем на мальчика, и, обратясь к Грангузье, сказал:

– Посмотрите на этого отрока. Ему еще нет двенадцати. Давайте удостоверимся, кто больше знает: старые празднословы или же современные молодые люди.

Грангузье согласился произвести этот опыт и велел пажу начинать. Тогда Эвдемон испросил дозволения у своего господина, вице-короля, встал и, держа шляпу в руках, устремив на Гаргантюа свой честный и уверенный взгляд и раскрыв румяные уста, с юношескою скромностью принялся славить его и превозносить: во-первых, за его добродетели и благонравие, во-вторых, за ученость, в-третьих, за благородство, в-четвертых, за телесную красоту, а засим стал в самых мягких выражениях убеждать его относиться к отцу с особым почтением за то, что отец, мол, сделал все от себя зависящее, чтобы дать сыну наилучшее образование. Под конец он обратился к Гаргантюа с просьбой считать его своим преданнейшим слугою, ибо сейчас он, Эвдемон, просит Небо только об одной, дескать, милости: с Божьей помощью чем-либо угодить Гаргантюа и оказать ему какую-либо важную услугу. Вся эта речь была произнесена внятно и громогласно на прекрасном латинском языке, весьма изысканным слогом, скорее напоминавшим слог доброго старого Гракха, Цицерона или же Эмилия⁹³, чем современного юнца, и сопровождалась подобающими движениями.

Гаргантюа же вместо ответа заревел как корова и уткнулся носом в шляпу, и в эту минуту он был так же способен произнести речь, как дохлый осел – пукнуть.

Грангузье до того взбеленился, что чуть было не убил на месте магистра Дурако. Однако вышеупомянутый де Маре обратился к нему с красноречивым увещанием, и гнев Грангузье утих. Он велел уплатить наставнику жалованье, напоить его по-богословски, а затем отправить ко всем чертям.

– Эх, хоть бы он нынче налился, как англичанин⁹⁴, и околел, – примолвил Грангузье, – тогда бы уж нам ничего не нужно было ему платить!

⁹² Эвдемон – счастливый (гр.).

⁹³ ...напоминавшим слог доброго старого Гракха, Цицерона или же Эмилия... – Цицерон высоко оценивал ораторское мастерство Тиберия Гракха (162—133 до н. э.), римского аристократа, ставшего народным трибуном, и полководца Луция Эмилия (228—160 до н. э.).

⁹⁴ ...налился, как англичанин... – В «Адагиях» Эразм Роттердамский цитирует пословицу: «Tam satur est quam

Когда магистр Дурако удалился, Грангузье спросил у вице-короля, кого бы он посоветовал взять в наставники Гаргантюа, и тут между ними было условлено, что эти обязанности примет на себя Понократ, воспитатель Эвдемона, и что они все вместе отправятся в Париж, дабы ознакомиться с тем, как там теперь поставлено обучение французских юношей.

Глава XVI

О том, как Гаргантюа был отправлен в Париж, на какой громадной кобыле он ехал и как она уничтожила босских оводов

В это самое время Файоль, четвертый царь Нумидийский, прислал Грангузье из Африки самую огромную и высоченную кобылу, какую когда-либо видел свет, поистине чудо из чудес (вы же знаете, что в Африке все – необыкновенное): величиною она была с шесть слонов, на ногах у нее были пальцы, как у лошади Юлия Цезаря⁹⁵, уши длинные, как у лангедокских коз, а на задуге торчал маленький рог. Масти она была рыжей с подпалинами и в серых яблоках. Но особенно страшен был у нее хвост: он был точь-в-точь такой толщины, как столп св. Марса⁹⁶, близ Ланже, и такой же четырехугольный, с пучками волос, торчавшими во все стороны, ни дать ни взять как хлебные колосья.

Если вас это удивляет, то еще более удивительными вам должны были бы показаться хвосты скифских баранов, весившие более тридцати фунтов, или же баранов сирийских, к крупу которых (если верить Тено⁹⁷) приходится прилаживать особые тележки для хвоста, – до того он у них длинный и тяжелый. А вот у вас, потаскуны несчастные, таких хвостов нет!

Итак, кобыла была доставлена морем, на трех карраках и одной бригантине, в гавань Олонн, что в Тальмондуа.

При виде ее Грангузье воскликнул:

– Вот и хорошо! На ней мой сын отправится в Париж. Все пойдет как по маслу, ей-богу! Со временем из него выйдет знаменитый ученый. Ученье, как говорится, – тьма, а неученье – свет.

На другой день Гаргантюа, его наставник Понократ⁹⁸ со своими слугами, а также юный паж Эвдемон выпили на дорожку как полагается и тронулись в путь. День выдался солнечный и погожий, а потому Грангузье распорядился, чтобы Гаргантюа надели желтые сапоги, – Бабен именуется их полусапожками.⁹⁹

Во все продолжение пути они нимало не скучали и до самого Орлеана все подкреплялись и подкреплялись. Далее путь их лежал через дремучий лес в тридцать пять миль длиной и семнадцать шириной или около того. В этом лесу была тьма-тьмущая оводов и слепней, представлявших собой истинный бич для несчастных кобылиц, ослов и коней. Но кобыла Гаргантюа честно отомстила за зло, причиненное всей ее родне, применив для этого способ, дотоле никому не приходивший в голову. Как скоро они въехали в указанный лес и на них напали слепни, кобыла привела в действие свой хвост и, начав им размахивать, смахнула не только слепней, но вместе с ними и весь лес. Вдоль, поперек, там, сям, с той стороны, с этой, в длину,

anglus» («Он пьян, как англичанин»).

⁹⁵ ...на ногах у нее были пальцы, как у лошади Юлия Цезаря... – Об этом рассказывается в «Естественной истории» Плиния (VIII, 42).

⁹⁶ Столп св. Марса – руины римской башни в одном километре от Сен-Мара (близ Шинона).

⁹⁷ Тено, Жан – автор «Путешествия в заморские страны» (ок. 1520). Он сообщает, что эти знаменитые бараны на самом деле были не сирийского, а суданского происхождения.

⁹⁸ Понократ – сильный, неутомимый (гр.).

⁹⁹ Полусапожки – их в то время носили под сапогами. В Шиноне работала семья сапожников по фамилии Бабен.

в ширину, снизу вверх, сверху вниз она косила деревья, как косарь траву. Словом, не осталось ни леса, ни слепней, – одно ровное поле, и ничего больше.

Гаргантюа это доставило видимое удовольствие, однако ж он не возгордился, – он только сказал своим спутникам:

– Ну, теперь здесь всякому гнусу – тубо-с!

И с той поры край этот стал называться Бос.

Что же касается закусок, то путники блохой закусили и больше не просили. И в память этого босские дворяне до сего времени закусывают блохой, да еще и похваляют, да еще и облизываются.

Наконец путники прибыли в Париж, и денька два после этого Гаргантюа отдыхал, пировал со своими друзьями-приятелями и всех расспрашивал, какие тут есть ученые и какому вину в этом городе отдают предпочтение.

Глава XVII

О том, как Гаргантюа отплатил парижанам за оказанный ему прием и как он унес большие колокола с Собора Богоматери

Отдохнув несколько дней, Гаргантюа пошел осматривать город, и все глазели на него с великим изумлением: должно заметить, что в Париже живут такие олухи, тупицы и зеваки, что любой фигляр, торговец реликвиями, мул с бубенцами или же уличный музыкант соберут здесь больше народа, нежели хороший проповедник.¹⁰⁰

И так неотступно они его преследовали, что он вынужден был усесться на башни Собора Богоматери. Посиживая на башнях и видя, сколько внизу собралось народа, он объявил во всеуслышание:

– Должно полагать, эти протобестии ждут, чтобы я уплатил им за въезд и за прием. Добро! С кем угодно готов держать пари, что я их сейчас попотчую вином, но только для смеха.

С этими словами он, посмеиваясь, отстегнул свой несравненный гульфик, извлек оттуда нечто и столь обильно оросил собравшихся, что двести шестьдесят тысяч четыреста восемнадцать человек утонули, не считая женщин и детей.

Лишь немногим благодаря проворству ног удалось спастись от наводнения; когда же они очутились в верхней части Университетского квартала, то, обливаясь потом, откашливаясь, отплеываясь, отдуваясь, начали клясться и божиться, иные – в гневе, иные – со смехом:

– Клянусь язвами исподними, истинный рог, отсохни у меня что хочешь, клянусь раками, *po cab de bious, das dich Gots leiden shend, pote de Christo*¹⁰¹, клянусь чревом святого Кене, ей-же-ей, клянусь святым Фиакром Брийским, святым Треньяном, свидетель мне – святой Тибо, клянусь Господней Пасхой, клянусь Рождеством, пусть меня черт возьмет, клянусь святой Сосиской, святым Хродегангом, которого побили печеными яблоками, святым апостолом Препобабием, святым Удом, святой угодницей Милашкой, ну и окатил же он нас, ну и пари ж он придумал для смеха!

Так с тех пор и называли этот город – Париж, а прежде, как утверждает в кн. IV Страбон, он назывался Левкецией, что по-гречески означает *Белянка*, по причине особой белизны бедер у местных дам. А так как все, кто присутствовал при переименовании города, не оставили в покое святых своего прихода, ибо парижане, народ разношерстный и разнокалиберный, по природе своей не только отменные законники, но и отменные похабники, отличающиеся к тому же некоторой заносчивостью, то это дало основание Иоаннину де Барранко в книге *De*

¹⁰⁰ ...хороший проповедник. – В оригинале – «хороший проповедник-евангелист»; Рабле противопоставляет «торговцев реликвиями» реформатам, отдавая предпочтение последним.

¹⁰¹ Голова Господня! (*законск.*); страсти Господни, стыда в тебе нет (*нем.*); голова Христова (*ит.*).

*copiositate reverentiarum*¹⁰² утверждать, что слово *парижане* происходит от греческого *паррезияне*, то есть *невоздержные на язык*.

Засим Гаргантюа осмотрел большие колокола, висевшие на соборных башнях, и весьма мелодично в них зазвонил. Тут ему пришло в голову, что они с успехом могли бы заменить бубенцы на шее у его кобылы, каковую он собирался отправить к отцу с немалым грузом сыра бри и свежих сельдей, а посему он унес колокола к себе.

Тем временем в Париж прибыл на предмет сбора свинины ветчинный командор ордена св. Антония¹⁰³. Он тоже намеревался потихоньку унести колокола, чтобы издали было слышно, что едет командор, и чтобы свиное сало в кладовых заранее дрожало от страха, что его заберут; но, будучи человеком честным, он все же их не похитил, и не потому, чтобы они жгли ему руки, а потому, что они были слегка тяжеловаты.

Не следует, однако, смешивать этого командора с командором бургским, близким моим другом.

Весь город пришел в волнение, а ведь вам известно, какие здесь живут смутьяны: недаром иностранцы удивляются долготерпению, а вернее сказать, тупоумию французских королей, которые, видя, что каждый день от этого происходят беспорядки, не прибегают к крайним мерам для того, чтобы их прекратить. Эх, если б я только знал, где находится гнездо этих еретиков и заговорщиков, я бы их обличил перед лицом всех братств моего прихода!

Так вот, изволите ли видеть, толпа, ошалев и всполошившись, бросилась к Сорбонне, где находился в то время (теперь его уже нет) оракул Левкеции. Ему изложили суть дела и перечислили проистекающие из похищения колоколов неудобства. После того, как были взвешены все *pro* и *contra*¹⁰⁴ по фигуре *Baralipton*, было решено послать к Гаргантюа старейшего и достойнейшего представителя богословского факультета, дабы указать ему на крайние неудобства, сопряженные с потерей колоколов. И, несмотря на возражения со стороны некоторых деятелей университета, доказывавших, что подобное поручение более приличествует ритору, нежели богослову, выбор пал на высокочтимого магистра Ианотуса де Брагмардо.

Глава XVIII

О том, как Ианотус де Брагмардо был послан к Гаргантюа, чтобы получить у него обратно большие колокола

Магистр Ианотус, причесавшись под Юлия Цезаря¹⁰⁵, надев на голову богословскую шапочку, вволю накушавшись пирожков с вареньем и запив святой водицей из погреба¹⁰⁶, отправился к Гаргантюа, причем впереди выступали три краснорожих пристава, которые если уж пристанут, так от них не отвяжешься, а замыкали шествие человек пять не весьма казистых магистров наук, все до одного грязнее грязи.

У входа их встретил Понократ, и вид этих людей привел его в ужас; наконец он решил, что это ряженые, и обратился к одному из вышеупомянутых неказистых магистров с вопросом, что сей маскарад означает. Тот ответил, что они просят вернуть колокола.

Услышав такие речи, Понократ поспешил предупредить Гаргантюа, чтобы он знал, что ему отвечать, и чтобы он незамедлительно принял решение. Получив таковые сведения, Гар-

¹⁰² «О благоговении, в изобилии питаемом» (лат.).

¹⁰³ *Ветчинный командор*. — Командор ордена св. Антония в городе Бург-ан-Бресс Антуан дю Сэ был также поэтом и в одном из своих посланий назвал себя «ветчинником».

¹⁰⁴ За и против (лат.).

¹⁰⁵ ...причесавшись под Юлия Цезаря... — Цезарь был лыс.

¹⁰⁶ ...святой водицей из погреба... — так Рабле иносказательно именует вино.

гантюа отозвал в сторону Понократа, своего наставника, Филотомия¹⁰⁷, своего дворецкого, Гимнаста, своего конюшего, и, наконец, Эвдемона и попросил у них у всех совета, что ему делать и что отвечать. Все сошлись на том, что гостей должно препроводить в буфетную и напоить их по-богословски; а дабы старый хрен не кичился тем, что колокола возвращены благодаря его настояниям, решили послать, пока он будет тут бражничать, за префектом города, ректором факультета и викарным епископом и передать им колокола прежде, нежели богослов успеет изложить свою просьбу. Далее решено было предоставить ученому мужу возможность произнести в присутствии вышеуказанных лиц его блестящую речь.

И точно: когда все собрались, богослова ввели в переполненную залу, и он, откашлявшись, начал так.

Глава XIX

Речь магистра Ианотуса де Брагмардо, в которой он обращается к Гаргантюа с просьбой вернуть колокола

– Ках, ках, кха! *Mna dies*¹⁰⁸, милостивый государь, *mna dies, et vobis*¹⁰⁹, милостивые государи! Как бы это было хорошо, если б вы вернули нам колокола, ибо мы испытываем в них крайнюю необходимость! Кхе, кхе, кха! Много лет тому назад мы не отдали их за большие деньги кагорским лондонцам, равно как и брийским бордосцам¹¹⁰, коих пленили субстанциональные достоинства их элементарной комплекции, укореневающиеся в земнородности их квиддитативной натуры и порождающие способность разгонять лунный гало и предохранять от стихийных бедствий наши виноградники, то есть, собственно говоря, не наши, но окрестные, а ведь если мы лишимся крепких напитков, то мы утратим и все наше имение и все наше разумение.

Если вы исполните мою просьбу, то я заработаю десять пядей сосисок и отличные штаны, в которых будет очень удобно моим ногам, в противном же случае пославшие меня окажутся обманщиками. А ей-богу, *domine*¹¹¹, хорошая вещь – штаны, *et vir sapiens non abhorrebit eam*!¹¹² Ах! Ах! Не у всякого есть штаны, это я хорошо знаю по себе! Примите в соображение, *domine*, что я восемнадцать дней испальцовывал эту блестящую мухоморительную речь. *Reddite que sunt Cesaris Cesari, et que sunt Dei Deo. Ibi jacet lepus*.¹¹³

По чести, *domine*, если вы желаете отужинать со мной *in camera*, черт побери, *charitatis, nos faciemus bonum cherubin. Ego occidi unum porcum, et ego habet bon vino*¹¹⁴. А из доброго *vini* не сделать дурной латыни.

Итак, *de parte Dei, date nobis clochas nostras*¹¹⁵. Послушайте, я вам подарю на память от всего нашего факультета *sermones de Utino, utinam*¹¹⁶ вы нам отдали наши колокола. *Vultis etiam pardonos? Per Diem, vos habebitis et nihil poyabitis*.¹¹⁷

¹⁰⁷ Филотомий – любитель разрезать (гр.).

¹⁰⁸ Добрый день (искаж. лат.). *Mna dies* – вместо *bona dies* – добрый день. Магистр говорит скороговоркой и искажает слова.

¹⁰⁹ Добрый день, и вам также (искаж. лат.).

¹¹⁰ ...кагорским лондонцам и брийским бордосцам... – Имеются в виду деревушки Лондр в провинции Кагор и Бордо в провинции Клэ.

¹¹¹ Господин мой (лат.).

¹¹² И человек мудрый ею не погнушается! (лат.)

¹¹³ Воздайте кесарево кесарю, а Богу Богово. Вот где зарыта собака (лат.).

¹¹⁴ В храмине, черт побери, милосердия мы славно подзаправимся. Я заколол свинку, найдется у меня и доброе винцо (средневековая латынь – испорченная, так называемая «кухонная» или нарочито искажаемая, макароническая. – Примеч. пер.).

¹¹⁵ Бога ради, отдайте нам наши колокола (средневек. лат.).

О милостивый государь, *o domine, clochidonnaminor nobis!*¹¹⁸ Ведь это *est bonum urbis*¹¹⁹. В них нуждаются все поголовно. Если вашей кобыле от них польза, следственно, и нашему факультету, *que comparata est jumentis insipientibus et similis facta est eis psalmo nescio quo*¹²⁰, – это у меня где-то записано на клочке, – *et est unum bonum Achilles*¹²¹. Кихи, каха, кха!

Вот я вам сейчас докажу, что вы должны мне вернуть их! *Ego sic argumentor:*

*Omnis clocha clochabilis, in clocherio clochando, clochans clochativo clochare facit clochabiliter clochantes. Parisius habet clochas. Ergo plus.*¹²²

Ха-ха-ха! Недурно сказано! Точь-в-точь *in tertio prime*¹²³, по *Darii*¹²⁴ или какому-то еще. Истинный Бог, когда-то я мастер был рассуждать, а теперь вот могу только дичь пороть, и ничего мне больше не нужно, кроме доброго вина и мягкой постели. Спину поближе к огню, брюхо поближе к столу, да чтобы миска была до краев!

Ах, *domine*, прошу вас *in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti amen*¹²⁵, верните нам колокола, и да хранят вас от всех болезней и здравия да ниспошлют вам Господь Бог и Царица Небесная, *qui vivit et regnat per omnia secula seculorum, amen!*¹²⁶ Кихи, каха, кихи, каха, кххха!

*Verum enim vero, quando quidem, dubio procul, edepol, quoniam, ita certe, meus Deus fidus*¹²⁷, город без колоколов – все равно что слепец без клюки, осел без пахвей, корова без бубенчиков. Пока вы нам их не вернете, мы будем звать к вам, как слепец, потерявший клюку, верещать, как осел без пахвей, и реветь, как корова без бубенчиков.

Некий латинист, проживающий недалеко от больницы, однажды, процитировав светского поэта Балдануса, – то есть, виноват, Понтануса¹²⁸, – изъявил желание, чтобы самые колокола были сделаны из перьев, а языки – из лисьих хвостов, иначе, мол, у него от них мозговая колика начинается, когда он плетет свои стихообразные вирши. Но за это самое, туки-тук, туки-тук, лясь, хрясь, вверх тормашки, кувырком, его у нас объявили еретиком, – ведь мы еретиков, как блины, печем. А засим, как говорится: «Свидетель, вы свободны!» *Valete et plaudite. Calepinus recensui.*¹²⁹

¹¹⁶ Проповеди Удины, лишь бы только (*средневек. лат.*). – Речь идет о Леонардо Маттеи Удинском, известном проповеднике конца XV в.

¹¹⁷ Вам нужны отпущения? Ей-же-ей, вы их получите, и к тому же безвозмездно (*средневек. лат.*).

¹¹⁸ Господин, ококолодательствуй нас! (*средневек. лат.*)

¹¹⁹ Достояние города (*лат.*).

¹²⁰ Каковой уподоблен был скотам неразумным и сравнился с ними, смотри псалом, не знаю какой (*лат.*).

¹²¹ Это Ахилл на славу (*средневек. лат.*). Ахилл – так на школьном жаргоне именовался сильный аргумент.

¹²² Я рассуждаю следующим образом: всякий колокол колокольный, на колокольне колокольствующий, колокола колокольно, колоколение вызывает у колокольствующих колокольственное. В Париже имеются колокола. Что и требовалось доказать (*средневек. лат.*).

¹²³ По третьему модусу первой фигуры (*лат.*).

¹²⁴ Название этого модуса. – *Примеч. пер.*

¹²⁵ Во имя Отца и Сына и Святого Духа аминь! (*лат.*)

¹²⁶ Его же царствию не будет конца, аминь! (*лат.*).

¹²⁷ Но, однако же, поелику, без сомнения, клянусь Поллуксом, коль скоро, во всяком случае, Бог свидетель (*лат.*).

¹²⁸ Понтанус – итальянский философ, историк и поэт Джованни Понтано (1429–1503), писавший на латыни. В своем диалоге «Харон» он действительно упоминает о колоколах, однако Рабле имеет в виду в данном случае «Корабль дураков» (1494) Себастьяна Бранта (1458–1521).

¹²⁹ Прощайте и хлопайте. Я, Калепино, проверку окончил (*лат.*). *Прощайте и хлопайте* – формула, которой обычно оканчивалась римская комедия. *Калепино*, Амброзио – автор известного во времена Рабле четырехязычного словаря.

Глава XX

О том, как богослов унес свое сукно и как у него началась тяжба с другими сорбоннистами

Когда богослов окончил свою речь, Понократ и Эвдемон залились таким неудержимым хохотом, что чуть было не отдали Богу душу, – точь-в-точь как Красс при виде осла, глотавшего репейники, или Филемон, который умер от смеха при виде осла, пожиравшего фиги, приготовленные к обеду. Глядя на них, захохотал и магистр Ианотус, – причем неизвестно, кто смеялся громче, – так что в конце концов на глазах у всех выступили слезы, ибо от сильного сотрясения мозговое вещество отжало слезную жидкость, и она притекла к глазным нервам. Таким образом, они изобразили собой гераклитствующего Демокрита и демокритствующего Гераклита.

Когда же все вволю насмеялись, Гаргантюа обратился за советом к своим приближенным, как ему поступить. Понократ высказал мнение, что блестящего оратора следует еще раз напоить и, ввиду того что он их развлек и насмешил почище самого Сонжекре, выдать ему десять пядей сосисок, упомянутых в его игривой речи, штаны, триста больших поленьев, двадцать пять бочек вина, постель с тремя перинами гусиного пера и весьма объемистую и глубокую миску, – словом, все, в чем, по его словам, он на старости лет нуждался.

Все это и было ему выдано, за исключением штанов, ибо Гаргантюа усомнился, чтобы так, сразу, можно было найти оратору подходящего размера штаны; к тому же Гаргантюа не знал, какой фасон приличествует магистру: с форточкой ли наподобие подъемного и опускаемого моста¹³⁰, которая упрощает задней части отправление естественной потребности, морской ли фасон, упрощающий мочеиспускание, швейцарский ли¹³¹, чтобы пузу было теплее, или же с прорезами, чтобы не жарко было пояснице; а потому он велел вместо штанов выдать оратору семь локтей черного сукна и три локтя белой материи на подкладку. Дрова отнесли ему на дом носильщики; сосиски и миску понесли магистры наук; сукно пожелал нести сам магистр Ианотус. Один из упомянутых магистров, по имени Жус Бандуй, заметил, что богослову это не пристало и не подобает, а посему пусть, мол, он передаст сукно кому-нибудь из них.

– Ах ты, ослина, ослина! – воскликнул Ианотус. – Не умеешь ты выводить заключения *in modo et figura*¹³². Не пошли тебе, видно, впрок *Предположения* и *Parva logicalia*! *Panus pro quo supponit*?

– *Confuse et distributive*¹³³, – отвечал Бандуй.

– Я тебя не спрашиваю, ослина, *quo modo supponit*, но *pro quo*¹³⁴. Ясно, ослина, что *pro tibiis meis*¹³⁵. Следственно, сукно понесу я, *egomet, sicut suppositum portat adpositum*.¹³⁶

И он понес его крадучись, как Патлен.

Однако на этом дело не кончилось: старый хрен еще раз торжественно потребовал штаны и сосиски на пленарном заседании в Сорбонне, но ему было в этом решительно отказано на том основании, что, по имеющимся сведениям, он уже все получил от Гаргантюа. Магистр Ианотус возразил, что то было сделано *gratis*¹³⁷ благодаря щедрости Гаргантюа, каковая-де не

¹³⁰ ...наподобие подъемного и опускаемого моста... – Имеются в виду штаны со специальным, легко отстегивающимся сзади лоскутом.

¹³¹ ...швейцарский ли... – На костюме швейцарцев было множество аксессуаров.

¹³² По модусу и фигуре (лат.).

¹³³ Малые логики! Сукно к чему приложимо? – Бессистемно и к разным лицам (лат.).

¹³⁴ Каким образом приложимо, но к чему (лат.).

¹³⁵ К моим голням (лат.).

¹³⁶ Я сам, подобно тому как субстанция несет акциденцию (лат.).

¹³⁷ Беспорочно (лат.).

освобождает сорбонников от исполнения данных обещаний. Со всем тем ему было сказано, что с ним рассчитались по справедливости и больше он ни шиша не получит.

– По справедливости? – возопил Ианотус. – Да у вас тут ею и не пахнет. Ах, подлецы вы этикие, дрянь паршивая! Свет еще не видел таких мерзавцев, как вы. Уж я-то знаю вас как свои пять пальцев, – чего же вы припадаете на ногу перед хромым? Ведь я делал всякие пакости вместе с вами. Вот, отсохни у меня селезенка, донесу я уже королю о тех страшных беззакониях, которые вы здесь замышляете и творите, и пусть на меня нападет проказа, если он не велит всех вас сжечь живьем, как мужеложцев, злодеев, еретиков и соблазнительей, отверженных самим Богом и добродетелью!

За эти слова его привлекли к суду, но он добился отсрочки судебного разбирательства. В общем, тяжба затянулась и тянется донине. По сему случаю сорбонники дали обет не мыться, а Ианотус и иже с ним дали обет не утирать носа до тех пор, пока не будет вынесен окончательный приговор.

Во исполнение данных обетов они и до сей поры пребывают грязными и сопливыми, ибо суд еще не раскумекал это дело до тонкости. Приговор последует в ближайшие греческие календы, иными словами, никогда не последует, – вы же знаете, что судьи сильнее самой природы и даже своих собственных законов. Так, например, согласно парижским кодексам един Бог властен продолжать что-либо до бесконечности. Природа сама по себе не создает ничего бессмертного, ибо всему произведенному ею на свет она же сама полагает предел и конец: *omnia orta cadunt*¹³⁸ и т. д. Но усилиями этих крючкотворов разбираемые ими тяжбы становятся бесконечными и бессмертными. Таким образом, они подтверждают справедливость изречения, принадлежащего Хилону Лакедемонянину и вошедшего в поговорку у дельфийцев: нищета – подруга тяжбы¹³⁹, а все тяжущиеся – нищие, ибо скорее настанет конец их жизни, нежели конец тому делу, которое они возбудили.

Глава XXI

О том, чем занимался Гаргантюа по расписанию, составленному его учителями-сорбонниками

Спустя несколько дней по прибытии Гаргантюа в Париж колокола были водворены на место, и парижане в знак благодарности за этот великодушный поступок обратились к нему с предложением кормить и содержать его кобылицу, сколько он пожелает, к каковому предложению Гаргантюа отнесся весьма благосклонно, вследствие чего кобылицу отправили в Бьерский лес¹⁴⁰. Полагаю, впрочем, что теперь ее уже там нет.

После этого Гаргантюа возымел охоту со всем возможным прилежанием начать заниматься под руководством Понократа, но тот для начала велел ему следовать прежней методе: Понократу нужно было уяснить себе, каким способом за столь долгий срок бывшие наставники Гаргантюа ничего не сумели добиться и он вышел у них таким олухом, глупцом и неучем.

Время Гаргантюа было распределено таким образом, что просыпался он обыкновенно между восемью и девятью часами утра, независимо от того, светло на дворе или нет, – так ему предписали наставники-богословы, ссылавшиеся на слова Давида: *Vanum est vobis ante lucem surgere*.¹⁴¹

¹³⁸ Все рожденное обречено гибели (лат.).

¹³⁹ Нищета – подруга тяжбы. – Согласно Плинию, это изречение мудреца Хилона было начертано на стене храма Аполлона в Дельфах.

¹⁴⁰ Бьерский лес находился в районе Фонтенбло. В XVI в. леса еще служили пастбищами.

¹⁴¹ Напрасно вы до света встаете (лат.). – Ср. «Напрасно вы рано встаете...» (Псалтирь, 126:2). Этот стих традиционно цитируется в ироничном плане.

Некоторое время он для прилива животных токов болтал ногами, прыгал и валялся в постели, затем одевался глядя по времени года, причем особенной его любовью пользовался широкий и длинный плащ из плотной фризской ткани, подбитый лисьим мехом; потом причесывался альменовским гребнем¹⁴², сиречь пятерней, ибо наставники твердили ему, что причесываться иначе, чиститься и мыться – это значит даром терять время, отведенное для земной жизни.

Засим он испражнялся, мочился, харкал, рыгал, пукал, зевал, плевал, кашлял, икал, чихал, сморкался, как архидьякон, и, наконец, завтракал, а на завтрак, чтобы ему не повредили ни сырость, ни сквозняк, подавались превосходные вареные потроха, жареное мясо, отменная ветчина, чудесная жареная козлятина и в большом количестве ломтики хлеба, смоченные в супе.

Понократ заметил, что, встав с постели, нужно сейчас же проделать некоторые упражнения, а не набрасываться на еду. Но Гаргантюа возразил:

– Как? Разве я недостаточно упражняюсь? Прежде чем встать, я раз семь перевернусь с боку на бок. Неужели этого мало? Папа Александр по совету врача-еврея¹⁴³ делал то же самое и назло завистникам дожил до самой своей смерти. Меня к этому приучили мои бывшие учителя, – они говорили, что завтрак хорошо действует на память, и по этой причине за завтраком, никого не дожидаясь, выпивали. Я от этого чувствую себя прекрасно и только с большим аппетитом ем. Магистр Тубал говорил мне, – а он здесь, в Париже, лучше всех сдал на лиценциата: дело, мол, не в том, чтобы быстро бегать, а в том, чтобы выбежать пораньше; так же точно, если человек хочет быть в добром здоровье, то не следует пить, и пить, и пить бесперечь, как утка, – достаточно выпить с утра. *Unde versus*:¹⁴⁴

Беда с утра чуть свет вставать —
С утра полезней выпивать*.

Плотно позавтракав, Гаргантюа шел в церковь, а за ним в огромной корзине несли толстый, засаленный, завернутый в мешок служебник, весивший вместе с салом, застежками и пергаментом не более и не менее как одиннадцать квинталов шесть фунтов. В церкви Гаргантюа выстаивал от двадцати шести до тридцати месс. Тем временем подходил и его домашний священник, весь закутанный, похожий на хохлатую птицу, отлично умевший очищать свое дыхание изрядным количеством виноградного соку. Вместе с Гаргантюа он проборматывал все ектеньи и так старательно их вышелушивал, что зря не пропадало ни одного зерна.

Когда Гаргантюа выходил из церкви, ему подвозили на телеге, запряженной волами, груды четок св. Клавдия¹⁴⁵, причем каждая бусинка была величиною с человеческую голову, и, гуляя по монастырскому дворику, по галереям и по саду, Гаргантюа прочитывал столько молитв, сколько не могли бы прочитать шестнадцать отшельников.

Потом на какие-нибудь несчастные полчаса он утыкался в книгу, но, по выражению одного комика¹⁴⁶, «душа его была на кухне».

Далее, напрудив полный горшок, он садился обедать, а так как был он от природы флегматиком, то и начинал с нескольких десятков окороков, с копченых бычьих языков, икры, колбасы и других навинопозывающих закусок.

¹⁴² ...причесывался альменовским гребнем... – Имеется в виду Жак Альмен, теолог начала XVI в.

¹⁴³ Врач-еврей – Бонне Латский – медик и астролог, прибывший в Рим из Прованса.

¹⁴⁴ Откуда стихи (лат.).

¹⁴⁵ ...груды четок св. Клавдия... – Неточность в переводе: имеется в виду город Сен-Клод в кантоне Юра, где изготавливали отличные деревянные четки.

¹⁴⁶ ...по выражению одного комика... – Приведена цитата из «Евнуха» (161 до н. э.) римского комедиографа Публия Теренция (195—159 до н. э.).

Тем временем четверо слуг один за другим непрерывно кидали ему в рот полные лопаты горчицы; затем он, чтобы предотвратить раздражение почек, единым духом выпивал невесть сколько белого вина. После этого он ел мясо – какое именно, это зависело от времени года, ел сколько влезет и прекращал еду не прежде, чем у него начинало пучить живот.

Зато для питья никаких пределов и никаких правил не существовало, ибо он держался мнения, что границей и рубежом для пьющего является тот миг, когда пробковые стельки его туфель разбухнут на полфута.

Глава XXII

Игры Гаргантюа¹⁴⁷

Затем Гаргантюа, еле ворочая языком, бормотал самый кончик благодарственной молитвы, выпивал разгонную и ковырял в зубах кабаньей костью, после чего начинал оживленно болтать со слугами. Слуги расстилали зеленое сукно и раскладывали видимо-невидимо карт, видимо-невидимо костей и пропасть шашечных досок. Гаргантюа играл:

в свои козыри,
в четыре карты,
в большой шлем,
в триумф,
в пикардийку,
в сто,
в несчастную,
в плутни,
в *кто больше десяти*,
в тридцать одно,
в триста,
в несчастного,
в перевернутую карту,
в недовольного,
в ландскнехта,
в кукушку,
в *пий-над-жок-фор*,
в марьяж,
в две карты,
в тарок,
в *кто взял, тот проиграл*,
в глик,
в онеры,
в мурр,
в шахматы,
в лису,
в фишки,
в коровы,
в белую дамку,
в шашки,

¹⁴⁷ *Игры Гаргантюа*. – В списке игр (в оригинале их 217) есть определенная логика: вначале идут карточные игры (до «онеров»), затем настольные (от шахмат до «бабу»), игры на свежем воздухе, в том числе спортивные, загадки и пр. *Тарок* в эпоху Рабле еще не был распространен во Франции (игра возникла в Италии в XV в.).

в бабу,
в *primus, secundus*¹⁴⁸,
в ножик,
в ключи,
в чет и нечет,
в решетку,
в камушки,
в шары,
в башмак,
в сову,
в зайчонка,
в тирлитантэн,
в *поросенок, вперед*,
в сороку,
в *р о жки, р о жки*,
в бычка,
в совушку-сову,
в *засмейся, не хочу*,
в *курочка, клюнь, клюнь*,
в *расковать осла*,
в *но, пошел*,
в *но, но*,
в *сажусь*,
в жмурки,
в дичка,
в догонялки,
в *куманечек, дай мне твой*
мешочек,
в три кости,
в ник-нок,
в триктрак,
в марсельские фиги,
в *ищи вора*,
в *драть козла*,
в *продаем овес*,
в *раздувай уголек*,
в прятки,
в судью живого и
судью мертвого,
в *таскай утюги из*
печки,
в перепелов,
в щипки,
в грушу,
в пимпомпэ,
в триори,
в круг,

¹⁴⁸ Первый, второй (*лат.*).

в свинью,
в *живот на живот*,
в кубики,
в палочки,
в кружок,
в *я здесь*,
в *фук*,
в кегли,
в вертуна,
в колачик,
в *тронь навоз*,
в Анженар,
в шарик,
в волан,
в *разбей горшок*,
в *будь по-моему*,
в палочку,
в булавку,
в хорька,
в бабки,
в замок,
в лунки,
в кожаный мяч,
в пятнашки,
в *где ветка?*
в *сегодня пост*,
в развилину дуба,
в чехарду,
в волчью стаю,
в *пукни в нос*,
в *Гильмен, подай копьё*,
в качели,
в тринадцатого,
в березку,
в муху,
в *му-му, мой бычок*,
в мнения,
в девять рук,
в шапифу,
в мосты,
в Колен бриде,
в ворона,
в кокантен,
в Колен майяр,
в мирлимофль,
в сыщика,
в жабу,
в костыль,
в бильбоке,

в ремесла,
в булавочки,
в косточки,
в буку,
в щелчки,
в решето,
в *сеем овес*,
в обжору,
в мельницу,
в *чур меня*,
в прыжки,
в *под зад коленкой*,
в храпуна,
в волчок,
в монаха,
в волка,
в челнок,
в *величаем тебя, святой Косма*,
в соленый зад,
в голубка,
в *прыг через вязанку*,
в *прыг через кустик*,
в фигу,
в пахаря,
в филина,
в *стук, стук лбами*,
в мертвого зверя,
в *выше, выше*,
лесенка,
вдохлого поросенка,
в *растирай горчицу*,
в пикандо,
в ворона,
в жаворонков,
в журавля.

Вволю наигравшись, просеяв, провеяв и проведя свое время сквозь решето, Гаргантюа почитал за нужное немножко выпить, – не больше одиннадцати кувшинов зараз, – а потом сейчас же вытянуться на доброй скамейке или же на доброй мягкой постели да часика два поспать сном праведника.

Пробудившись, он некоторое время протирает глаза. Тут ему приносили холодного вина; пил он его с особым вкусом.

Понократ пытался внушить ему, что пить прямо со сна вредно для здоровья.

– Но ведь так жили святые отцы, – возражал Гаргантюа. – Тем более сон у меня от природы какой-то соленый: во сне я словно все время ем ветчину.

Затем он нехотя принимался за уроки и прежде всего – за молитвы; запасшись четками, чтобы все было чин чинком, он садился на старого мула, служившего уже девяти королям, и, бормоча себе под нос и покачивая головой, отправлялся вынуть из западни кролика.

По возвращении он заходил на кухню узнать, что жарится на вертеле.

И ужинал он, – скажу вам по чистой совести, – отлично и часто приглашал к себе кое-кого из своих соседей, любителей выпить; и он от них не отставал, а они ему рассказывали небывальщины, и старые и новые. Домочадцами его были, между прочим, сеньоры дю Фу¹⁴⁹, де Гурвиль, де Гриньо и де Мариньи.

После ужина снова появлялись в большом количестве прекрасные деревянные евангелия¹⁵⁰, то есть шашечные доски; или дулись в свои козыри, перед тем же как разойтись – в банк, а не то так шли к девицам и по дороге туда и по дороге обратно выпивали и закусывали, выпивали и закусывали. Затем Гаргантюа спал восемь часов кряду.

Глава XXIII

О мет о де, применявшейся Понократом, благодаря которой у Гаргантюа не пропадало зря ни одного часа

Увидев, какой неправильный образ жизни ведет Гаргантюа, Понократ решился обучить его наукам иначе, однако ж на первых порах не нарушил заведенного порядка, ибо он полагал, что без сильного потрясения природа не терпит внезапных перемен. Чтобы у него лучше пошло дело, Понократ обратился к одному сведущему врачу того времени, магистру Теодору, с просьбой, не может ли он наставить Гаргантюа на путь истинный; магистр по всем правилам медицины дал Гаргантюа антикирской чемерицы и с помощью этого снадобья излечил его больной мозг и очистил от всякой скверны. Тем же самым способом Понократ заставил Гаргантюа забыть все, чему его научили прежние воспитатели, – так же точно поступал Тимофей с теми из своих учеников, которые прежде брали уроки у других музыкантов.

Чтобы вернее достигнуть своей цели, Понократ ввел Гаргантюа в общество местных ученых, соревнование с коими должно было поднять его дух и усилить в нем желание заниматься по-иному и отличиться.

Затем он составил план занятий таким образом, что Гаргантюа не терял зря ни часу: все его время уходило на приобретение полезных знаний.

Итак, вставал Гаргантюа около четырех часов утра. В то время как его растирали, он должен был прослушать несколько страниц из Священного писания, которое ему читали громко и внятно, с особым выражением, для каковой цели был нанят юный паж по имени Анагност¹⁵¹, родом из Баше. Содержание читаемых отрывков часто оказывало на Гаргантюа такое действие, что он проникался особым благоговением и любовью к Богу, славил Его и молился Ему, ибо Священное писание открывало перед ним Его величие и мудрость неизреченную.

Затем Гаргантюа отправлялся в одно место, дабы извергнуть из себя экскременты. Там наставник повторял с ним прочитанное и разъяснял все, что было ему непонятно и трудно.¹⁵²

На возвратном пути они наблюдали, в каком состоянии находится небесная сфера, такая ли она, как была вчера вечером, и определяли, под каким знаком зодиака восходит сегодня солнце и под каким луна.

После этого Гаргантюа одевали, причесывали, завивали, наряжали, опрыскивали духами и в течение всего этого времени повторяли с ним заданные накануне уроки. Он отвечал их наизусть и тут же старался применить к каким-либо случаям из жизни; продолжалось это часа два-три и обыкновенно кончалось к тому времени, когда он был совсем одет.

¹⁴⁹ Сеньор дю Фу – скорее всего Жак дю Фу, королевский стольник. Остальные имена в списке – также реальные лица, знатные дворяне.

¹⁵⁰ Деревянные евангелия – доски для игры в кости или шашки, которые раскрывались подобно книгам.

¹⁵¹ Анагност — чтец (гр.).

¹⁵² Там наставник повторял с ним прочитанное... – Знать имела обыкновение ходить в «кабинеты задумчивости» в сопровождении слуг.

Затем три часа он слушал чтение.

После этого выходили на воздух и, по дороге обсуждая содержание прочитанного, отправлялись ради гимнастических упражнений в Брак или же шли в луга и там играли в мяч, в лапту, в пиль тригон, столь же искусно развивая телесные силы, как только что развивали силы духовные.

В играх этих не было ничего принудительного: они бросали партию когда хотели и обыкновенно прекращали игру чуть только, бывало, вспотеют или же утомятся. Сухо-насухо обтерев все тело, они меняли сорочки и гуляющей походкой шли узнать, не готов ли обед. В ожидании обеда они внятно и с выражением читали наизусть изречения, запомнившиеся им из сегодняшнего урока.

Наконец появлялся и господин Аппетит, и все во благовремени садились за стол.

В начале обеда читалась вслух какая-нибудь занимательная повесть о славных делах старины, — читалась до тех пор, пока Гаргантюа не принимался за вино. Потом, если была охота, чтение продолжалось, а не то так завязывался веселый общий разговор; при этом в первые месяцы речь шла о свойствах, особенностях, полезности и происхождении всего, что подавалось на стол: хлеба, вина, воды, соли, мяса, рыбы, плодов, трав, корнеплодов, а равно и о том, как из них приготовляются кушанья. Попутно Гаргантюа выучил в короткий срок соответствующие места из Плиния, Афиней, Диоскорида, Юлия Поллукса, Галена, Порфирия, Оппиана, Полибия, Гелиодора, Аристотеля, Элиана и других. Чтобы себя проверить, сотрапезники часто во время таких бесед клали перед собой на стол книги вышепоименованных авторов. И все это с такой силой врезалось в память Гаргантюа и запечатлевалось в ней, что не было в то время врача, который знал хотя бы половину того, что знал он.

Далее разговор возвращался к утреннему уроку, а потом, закусив вареньем из айвы, Гаргантюа чистил себе зубы стволем мастикового дерева, ополаскивал руки и глаза холодной водой, после чего благодарил Бога в прекрасных песнопениях, прославлявших благоутробие его и милосердие. Затем приносились карты, но не для игры, а для всякого рода остроумных забав, основанных всецело на арифметике.

Благодаря этому Гаргантюа возымел особое пристрастие к числам, и каждый день после обеда и после ужина он с таким увлечением занимался арифметикой, с каким прежде играл в кости или же в карты. В конце концов он так хорошо усвоил ее теоретически и практически, что даже английский ученый Тунстал¹⁵³, коему принадлежит обширный труд, посвященный арифметике, принужден был сознаться, что по сравнению с Гаргантюа он, право, смыслит в ней столько же, сколько в верхненемецком языке.

И не только в арифметике, — Гаргантюа оказывал успехи и в других математических науках, как-то: в геометрии, астрономии и музыке. В то время как их желудки усваивали и переваривали пищу, они чертили множество забавных геометрических фигур, а заодно изучали астрономические законы.

Потом они пели, разбившись на четыре или пять голосов, или же это было что-нибудь сольное, приятное для исполнения.

Что касается музыкальных инструментов, то Гаргантюа выучился играть на лютне, на спинете, на арфе, на флейте немецкой о девяти клапанах, на виоле и на тромбоне.

На подобные упражнения тратили около часа; за это время процесс пищеварения подходил к концу, и Гаргантюа шел облегчить желудок, а затем часа на три, если не больше, садился за главные свои занятия, то есть повторял утренний урок чтения, читал дальше и учился красиво и правильно писать буквы античные и новые римские.

¹⁵³ *Тунстал*, Кутберт (1476—1559) — епископ Лондонский, затем Даремский, автор трактата по арифметике, опубликованного во Франции в 1529 г.

По окончании занятий они выходили из дому вместе с конюшим Гимнастом, молодым туреньским дворянином, который давал Гаргантюа уроки верховой езды.

Сменив одежду, Гаргантюа садился на строевого коня, на тяжеловоза, на испанского или же на арабского скакуна, на быстроходную лошадь и то пускал коня во весь опор, то занимался вольтижировкой, заставлял коня перескакивать через канавы, брать барьеры или, круто поворачивая его то вправо, то влево, бегать по кругу.

При этом он ломал, – но только не копыя (что может быть глупее такого хвастовства: «Я сломал десять копий на турнире или же в бою», – да это сумеет сделать любой плотник!), – нет, честь и слава тому, кто одним копьём сломит десятерых врагов. Гаргантюа же своим копьём, крепким, негнушимся, со стальным наконечником, ломал ворота, пробивал панцири, валил деревья, поддевал на лету кольца, подхватывал седло, кольчугу, латную рукавицу. Все это он проделывал в полном вооружении.

Насчет того, чтобы погарцевать и, сидя верхом, показать разные фокусы, то тут ему не было равных. Сам феррарский вольтижер по сравнению с ним просто-напросто обезьяна. Особенно ловко перескакивал он с коня на коня – в мгновение ока и не касаясь земли (такие лошади назывались дезультуарными), в любую сторону, держа в руке копьё; при этом в стремя он не ступал и, не прибегая к поводьям, направлял коня, куда ему только хотелось, что в военном искусстве имеет значение немаловажное.

В иные дни он упражнялся с алебардой: размахивал ею с такой силой и так стремительно, круговым движением, ее опускал, что все его стали почитать за настоящего рыцаря, рыцаря-воина и рыцаря турнирного.

Кроме того, он владел пикой, эспадроном для обеих рук, длинной шпагой, испанской шпагой, кинжалом широким и кинжалом узким; бился в кольчуге и без кольчуги, со щитом обыкновенным, со щитом круглым, завертывая руку в плащ.

Охотился он, верхом на коне, на оленей, козуль, медведей, серн, кабанов, зайцев, куропаток, фазанов, дроф. Играл в большой мяч, подкидывая его ногой или же кулаком. Боролся, бегал, прыгал, но не с разбегу, не на одной ноге и не по-немецки, ибо Гимнаст находил, что эти виды прыжков бесполезны и не нужны на войне, – он перепрыгивал через канавы, перематывал через изгороди, взбегал на шесть шагов вверх по стене и таким образом достигал окна, находившегося на высоте копыя.

Плавал в глубоких местах на груди, на спине, на боку, двигая всеми членами или же одними ногами; с книгой в руке переплывал Сену, не замочив ни одной страницы, да еще, как Юлий Цезарь, держа в зубах плащ¹⁵⁴. С помощью одной руки, ценою огромных усилий взбирался на корабль, а оттуда снова вниз головой бросался в воду, доставал дно, заплывал в расселины подводных скал, нырял в пучины и водовороты. Поворачивал судно, управлял им, вел его то быстро, то медленно, по течению, против течения, останавливал судно посреди шлюза, одной рукой вел корабль, а другой орудовал длинным веслом, ставил паруса, влезал по вантам на мачты, бегал по реям, устанавливал буссоль, поворачивал булинь против ветра, руль держал твердо.

Мгновенно выскочив из воды, взбегал на гору и потом так же легко сбегал, лазил по деревьям, как кошка, прыгал с одного на другое, как белка, ломал толстые сучья, как второй Милон. С помощью двух отточенных кинжалов и двух прочных шильев проворно, как крыса, взбирался на кровлю дома, а спускаясь, принимал такое положение, при котором падение не представляло для него опасности.

Метал дротик, железный брус, камень, копьё, рогатину, алебарду; натягивал лук; один, без посторонней помощи, заводил осадный арбалет; прицеливался из пищали; ставил на лафет

¹⁵⁴ ...переплывал Сену... как Юлий Цезарь, держа в зубах плащ. – Так у Плутарха в его жизнеописании Цезаря.

пушку; стрелял на стрельбище в картонную птицу, стрелял снизу вверх, сверху вниз, вперед, вбок и назад, как парфяне.

К высокой башне привязывался канат, спускавшийся до самой земли, и Гаргантюа взбирался по этому канату на руках, а затем спускался с такой быстротой и ловкостью, что вам так не проползти и по ровному лугу.

Между двумя деревьями клали толстую перекладину, и он, держась за нее руками, передвигался взад и вперед, – ноги на весу, – да так быстро, что его и бегом невозможно было догнать.

Чтобы развить грудную клетку и легкие, он кричал, как сто чертей. Однажды я сам был свидетелем, как он, находясь у ворот св. Виктора, звал Эвдемона, и голос его был слышен на Монмартре. Даже голос Стентора¹⁵⁵ во время битвы под Троей не достигал такой мощи.

Для того чтобы Гаргантюа укрепил себе сухожилия, ему отлили из свинца две громадные болванки в восемь тысяч семьсот квинталов весом каждая, – он их называл гирями; он поднимал их с полу и неподвижно держал над головою, по одной в каждой руке, три четверти часа, а то и больше, что обличало в нем силу непомерную.

В брусья он играл с первыми силачами; когда наступал его черед, он держался на ногах необычайно твердо и, как некогда Милон, уступал только наиболее отважным, кому удавалось сдвинуть его с места. В подражание тому же Милону он брал в руку гранат и вызывал желающих отнять у него этот плод.

После подобных занятий его растирали, чистили, меняли на нем одежду, и он не спеша возвращался домой; если же он шел по лугу или по какому-либо обильному травяному месту, то рассматривал деревья и растения и сравнивал их с тем, что о них писали древние ученые, как, например, Теофраст, Диоскорид, Марин, Плиний, Никандр, Макр и Гален, и когда он и его спутники приходили домой, то руки у них были полны трав, поступавших затем в распоряжение юного пажа по имени Ризотом, ведавшего также полотьными тяпками, мотыгами, заступами, лопатами, ножами и другими инструментами, необходимыми для правильной гербаризации.

Придя домой, они, пока готовился ужин, повторяли некоторые места из прочитанного, а затем садились за стол.

Надобно заметить, что за обедом, неизменно простым и скромным, Гаргантюа ел, только чтобы заморить червячка, зато ужин бывал обилен и продолжителен, и уж тут он принимал пищу в таком количестве, которое было ему необходимо, дабы подкрепить силы и насытиться, а в этом-то и состоит правильный режим питания, предписываемый истинной и разумной медициной, меж тем как орава тупоголовых докторишек, у коих от софистической выучки мозги стали набекрень, советует нечто прямо противоположное.

За ужином возобновлялся обеденный урок, и длился он, пока не надоедало; остальное время посвящалось ученой беседе, приятной и полезной.

Прочтя благодарственную молитву, пели, играли на музыкальных инструментах, принимали участие во всякого рода забавах, вроде карт или же костей, так что иной раз обильная трапеза и увеселения длились до тех пор, когда уже надо было идти спать, а иной раз Гаргантюа и его приближенные посещали общество ученых или путешественников, коим довелось побывать в чужих странах.

Темной ночью, перед сном, выходили на самое открытое место во всем доме, смотрели на небо, наблюдали кометы, если таковые были, или положение, расположение, противостояние и совпадение светил.

Затем Гаргантюа в кратких словах рассказывал по способу пифагорейцев наставнику все, что он прочитал, увидел, узнал, сделал и услышал за нынешний день.

¹⁵⁵ Стентор – персонаж «Илиады» Гомера, обладавший громоподобным голосом.

Засим молились Господу Творцу, выражали Ему свою любовь, укреплялись в вере, славили Его бесконечную благость и, возблагодарив Его за минувшее, предавали себя Его милосердию на будущее.

После этого ложились спать.

Глава XXIV

О том, как Гаргантюа проводил время в дождливую погоду

Если выпадали дождливые и ненастные дни, то все время до обеда проводили как обыкновенно, с тою, однако же, разницей, что, дабы перебороть непогоду, разводили веселый и яркий огонь. Но после обеда гимнастика отменялась, все оставались дома и в апотерапических целях убирали сено, кололи и пилили дрова, молотили хлеб в риге; потом занимались живописью и скульптурой или же возрождали старинную игру в кости, руководствуясь тем, как ее описал Леоник¹⁵⁶ и как играет в нее добрый наш друг Ласкарис¹⁵⁷. Во время игры вызывали в памяти те места из древних авторов, где есть о ней упоминание или же связанное с нею уподобление.

А то ходили смотреть, как плавят металлы, как отливают артиллерийские орудия, ходили к гранильщикам, ювелирам, шлифовальщикам драгоценных камней, к алхимикам и монетчикам, в ковровые, ткацкие и шелкопрядильные мастерские, к часовщикам, зеркальщикам, печатникам, органщикам, красильщикам и разным другим мастерам и, всем давая на выпивку, получали возможность изучить ремесла и ознакомиться со всякого рода изобретениями в этой области.

Ходили на публичные лекции, на торжественные акты, на состязания в искусстве риторики, ходили слушать речи, ходили слушать знаменитых адвокатов и проповедников.

Посещали залы и помещения для фехтования, и там Гаргантюа состязался с мастерами и доказывал им на деле, что он владеет любым родом оружия несколько не хуже, а, пожалуй, даже и лучше, чем они.

Вместо того чтобы составлять гербарий, они посещали лавки москательщиков, продавцов трав, аптекарей, внимательнейшим образом рассматривали плоды, корни, листья, смолу, семена, чужеземные мази и тут же изучали способы их подделки.

Ходили смотреть акробатов, жонглеров, фокусников, причем Гаргантюа следил за их движениями, уловками, прыжками и прислушивался к их краснобайству, особое внимание уделяя шонийцам пикардийским, ибо то были прирожденные балагуры и великие мастера по части втирания очков.

Вернувшись домой, они ели за ужином меньше, чем в другие дни, и выбирали пищу сухую и не жирную, дабы тем самым обезвредить влияние сырого воздуха, коим дышит тело, и дабы на их здоровье не сказалось отсутствие обычных упражнений.

Так воспитывался Гаргантюа, с каждым днем оказывая все большие успехи и, понятное дело, извлекая из постоянных упражнений всю ту пользу, какую может извлечь юноша, в меру своего возраста сметливый; упражнения же эти хоть и показались ему на первых порах трудными, однако с течением времени сделались такими приятными, легкими и желанными, что скорее походили на развлечения короля, нежели на занятия школьника.

Со всем тем Понократ, чтобы дать Гаргантюа отдохнуть от сильного умственного напряжения, раз в месяц выбирал ясный и погожий день, и они с утра отправлялись за город: в Шантильи, в Булонь, в Монруж, в Пон-Шарантон, в Ванв или же в Сен-Клу. Там они проводили целый день, веселясь напропалую: шутили, дурачились, в питье друг от дружки не отставали,

¹⁵⁶ Леоник – итальянский гуманист Никколо Леонико Томео, автор трактата об игре в кости.

¹⁵⁷ Ласкарис, Иоанн (ок. 1445—1534) – греческий эрудит и философ, библиотекарь Лоренцо Медичи (1449—1492).

играли, пели, танцевали, валялись на зеленой травке, разоряли птичьи гнезда, ловили лягушек, раков, перепелов.

И хотя этот день проходил без чтения книг, но и он проходил не без пользы, ибо на зеленом лугу они читали на память какие-нибудь занятные стихи из *Георгик* Вергилия, из Гесиода, из *Рустика*¹⁵⁸ Полициано, писали на латинском языке шуточные эпиграммы, а затем переводили их на французский язык в форме рондо или же баллады.

Во время пиршества они, следуя указаниям Катона в *De re rust.*¹⁵⁹ и Плиния, с помощью трубочки, сделанной из плюща, выцеживали из разбавленного вина воду, промывали вино в чане с водой, а затем пропускали его через воронку, перегоняли воду из одного сосуда в другой или же изобретали маленькие автоматические приспособления, то есть такие, которые двигаются сами собой.

Глава XXV

О том, как между лернейскими пекарями и подданными Гаргантюа возгорелся великий спор, положивший начало кровопролитным войнам

В эту пору, а именно в начале осени, когда на родине Гаргантюа идет сбор винограда, местные пастухи сторожили виноградники и смотрели, чтобы скворцы не клевали ягод.

В это самое время по большой дороге не то на десяти, не то на двенадцати подводах лернейские пекари везли в город лепешки.

Помянутые пастухи вежливо попросили пекарей продать им по рыночной цене лепешек. А ведь надобно вам знать, что для людей, страдающих запором, виноград со свежими лепешками – это воистину пища богов, особливо «пино», «фьер», «мюскадо», «бикан» или же «фуарар»; от этого кушанья их так несет, что они иной раз не успевают донести до отхожего места, – вот почему их зовут недоносками.

Просьбу пастухов пекари не соизволили удовлетворить, – более того, они начали изрыгать на них самую зазорную брань: обозвали их беззубыми поганцами, рыжими-красными – людьми опасными, ёрниками, за...рями, прощелыгами, пролазами, лежебоками, сластенами, пентюхами, бахвалами, негодьями, дубинами, выжигами, побирушками, задирами, франтами – коровьи ножки, шутами гороховыми, байбаками, ублюдками, балбесами, оболдуями, обормотами, пересмешниками, спесивцами, голодранцами, с...ными пастухами, г...ными сторожами, присовокупив к этому и другие оскорбительные названия и прибавив, что они, мол, хороши с отрубями да с мякиной, а такие вкусные лепешки не про них писаны.

В ответ на подобные оскорбления один из пастухов, по имени Фрожье, юноша именитый и достойный, кротко заметил:

– С чего это вы стали так нас задирать? Скажите пожалуйста! Бывало, раньше сколько угодно продавали, а нынче не желаете? Это не по-добрососедски, мы с вами так не поступаем, когда вы приезжаете покупать нашу отборную пшеницу, из которой вы печете пирожки и лепешки. А мы еще хотели дать вам за них винограду в придачу! Нет, клянусь раками, вы потом пожалеете. Не зарекайтесь, вам еще придется с нами дело иметь, а мы вот так же с вами обойдемся, – тогда вы меня вспомните.

На это Марке¹⁶⁰, великий жезлоносец братства пекарей, ему сказал:

¹⁵⁸ «*Рустик*» – написанная в подражание «Георгикам» Вергилия латинская поэма Полициано (см. примеч. к с. 25), которая имела большой успех в XVI в.

¹⁵⁹ «О сельском хозяйстве» (лат.).

¹⁶⁰ Марке. – Жена Гоше де Сент-Марта, прототипа Пикрохола (см. примеч. к с. 87), именовалась Мари Марке. Ее отец, Мишель Марке, был конюшим, сеньором Бедуэрским, а с 1489 г. – королевским секретарем.

– Что это ты нынче уж больно распетушился? Видно, проса на ночь наелся. А ну, поди сюда, я тебе дам лепешку!

Тут Фрожье, ничего не подозревая, приблизился к нему и достал из-за пояса монету, ибо он был уверен, что Марке продаст ему лепешек; однако вместо лепешек он получил кнутом по ногам, да так, что на них тотчас же выступили рубцы. Засим Марке попытался улепетнуть, но в эту минуту Фрожье, истошным голосом завопив: «Караул!» – запустил в него здоровенной дубиной, которая была у него под мышкой, и угодил прямо в шов лобной кости, над правой височной артерией, так что Марке замертво свалился с кобылы.

Тем временем сбежались хуторяне, сбивавшие поблизости длинными шестами орехи, и начали молотить пекарей, как недоспелую рожь. Заслышав крики Фрожье, налетели со своими пращами другие пастухи и пастушки и принялись осыпать пекарей градом камней. В конце концов они догнали пекарей и отняли у них штук шестьдесят лепешек, заплатив им, однако ж, по обычной цене и надавав им в придачу орехов и три корзины белого винограду. Пекари помогли тяжело раненному Марке сесть верхом, а затем двинулись, но уже не в Парелье, а обратно в Лерне, и тут с языка у них сорвались мрачные и недвусмысленные угрозы сейийским и синеийским хуторянам и пастухам.

А пастухи и пастушки досыта наелись лепешек и отменного винограду, потом заиграла приятная для слуха волынка, и они начали веселиться, со смехом вспоминая заносчивых пекарей, которым так не повезло, очевидно, потому, что они нынче не с той ноги встали, а что касается Фрожье, то ему с крайним тщанием промыли раны на ногах соком простого винограда, и он тут же выздоровел.

Глава XXVI

О том, как жители Лерне под предводительством короля Пикрохола¹⁶¹ без объявления войны напали на пастухов Гаргантюа

Пекари, как скоро возвратились в Лерне, так прямо, не пивши, не евши, отправились в Капитолий¹⁶², принесли жалобу своему королю Пикрохолу Третьему, показали ему сломанные корзины, измятые шляпы, разорванные плащи, раздавленные лепешки, а главное, тяжелораненого Марке, и объявили, что это дело рук пастухов и хуторян Грангузье, которые-де учинили побоище на большой дороге, за Сейи.

Все это привело короля в совершенное неистовство, и, даже не потрудившись доискаться причины, он велел кликнуть по всей стране клич, чтобы в полдень все под страхом смертной казни через повешение явились в полном вооружении на главную площадь, что возле королевского замка. В подтверждение сего приказа он велел бить в барабаны по всем улицам города, а сам в это время, пока ему готовили обед, пошел распорядиться, чтобы все орудия были поставлены на лафеты, чтобы знамя его и орифламма были развернуты и чтобы всего было запасено вдоволь: как военного снаряжения, так и провианта.

За обедом король подписал назначения. Согласно его указу сеньор Плюгав должен был принять командование авангардом, насчитывавшим шестнадцать тысяч четырнадцать пищальников и тридцать пять тысяч одиннадцать добровольцев. Обер-шталмейстеру Фанфарону было поручено командовать артиллерией, располагавшей девятьюстами четырнадцатью тяжелых медных орудий, пушек, двойных пушек, василисков, серпантин, кулеврин, бомбард, фальконе-

¹⁶¹ *Пикрохол* – от гр. «пикрос» – горький и «холе» – желчь.

¹⁶² *Капитолий*. – Замок Лерне возвышался над деревней, отсюда ироническое сопоставление его с Капитолийским холмом – одним из семи холмов, на которых стоит Рим.

тов, пасволанов, спиролей и других орудий. Арьергард был отдан под начало герцогу Грабежи. Над главными силами приняли командование сам король и принцы королевской крови.

Когда же войско было более или менее приведено в боевой порядок, то, прежде чем выступить в поход, решено было выслать отряд легкой кавалерии численностью в триста всадников под командой военачальника Жру, с целью обследовать местность и удостовериться, нет ли где-нибудь засады. Однако ж тщательная разведка показала, что кругом царят тишина и спокойствие, и никаких воинских частей она не обнаружила.

Получив таковые сведения, Пикрохол приказал всем сей же час становиться под знамена.

И тут сразу все смешалось: Пикрохолово воинство в беспорядке и впопыхах устремилось вперед, все на своем пути ломая и круша и не щадя ни бедного, ни богатого, ни храмов, ни жилищ. Угоняли быков, коров, волов, бычков, телок, овец, баранов, козлов и коз, кур, каплунов, цыплят, гусят, гусаков, гусынь, хряков, свиней, подсвинков, сбивали орехи, обрывали виноград, уносили с собой целые лозы, отрясали плодовые деревья. Бог знает что они творили, и никто не оказывал им ни малейшего сопротивления; все сдавались на милость победителей и молили только о том, чтобы победители обходились с ними по-человечески, приняв в соображение, что подданные Грангузы исстари были для них добрыми и дружественными соседями и никогда не чинили им ни обид, ни оскорблений, те же, мол, здорово живешь, так их утесняют, а ведь Бог-то за такие дела наказывает неукоснительно. В ответ на эти предостережения враги твердили одно: они, мол, хотят научить их, как нужно есть лепешки.

Глава XXVII

О том, как некий монах из Сейи спас от неприятеля монастырский фруктовый сад

Так, буйствуя и бесчинствуя, промышляя разбоем и грабежом, дошли они наконец до Сейи и принялись обирать до нитки мужчин и женщин и хватать все, что попадалось под руку: ничем они не брезгали и ничем не гнушались. Почти во всех домах свирепствовала чума, однако ж они врывались всюду, все решительно отбирали, и при этом никто из них не заразился, а это случай исключительный, ибо священники, викарии, проповедники, лекари, хирурги и аптекари, навещавшие, лечившие, пользовавшие, исповедовавшие и увещевавшие больных, все до одного заразились и умерли, а к этим чертовым грабителям и убийцам никакая зараза не приставала. Что это за притча, господа? Право, тут есть над чем призадуматься.

Разграбив селение, они с шумом и грохотом двинулись к аббатству, однако же аббатство оказалось на запоре: по сему обстоятельству главные силы двинулись дальше, к Ведскому броду, а семь отрядов пехоты и две сотни копейщиков остались для того, чтобы, сломав садовую ограду, произвести полное опустошение на виноградниках.

Бедняги монахи не знали, какому святому молиться. На всякий случай они стали звонить *ad capitulum capitulantes*¹⁶³. На этом совете было решено устроить торжественную процессию, а также молебствие с чтением особых молитв *contra hostium insidias*¹⁶⁴ и с прекрасными песнопениями *pro pace*.¹⁶⁵

В то время в аббатстве находился монах по прозванию брат Жан Зубодробитель, человек молодой, прыткий, щеголеватый, жизнерадостный, разбитной, храбрый, отважный, решительный, высокий, худощавый, горластый, носатый, мастак отбарабанить часы, отжарить мессу и отвалить вечерню, — одним словом, самый настоящий монах из всех, какими монашество

¹⁶³ Созывая членов капитула на капитул (лат.).

¹⁶⁴ Противу вражеских козней (лат.).

¹⁶⁵ Во славу мира (лат.).

когда-либо монашественнейше омонашивалось. Помимо всего прочего, по части служебника он собаку съел.

Вот этот-то самый монах, услышав шум, производимый неприятелем на виноградниках, вышел узнать, в чем дело; когда же он обнаружил, что враги обрывают виноград и что, таким образом, монастырь лишится годового запаса вина, то побежал на клирос, где в это время монахи с видом литейщиков, у которых от колокола остались одни черепки, тянули:

– *I-im-pe-e-e-e-e-tu-um i-ini-i-im-i-co-o-o-o-o-o-ru-um...*¹⁶⁶

– Славные вы певуны-п...уны, накажи меня Бог! – молвил он. – Только не лучше ли вам спеть:

Прощай, корзины, кончен сбор?

Пусть меня черт возьмет, если они уже не в нашем саду, и так они здорово режут лозы вместе с кистями, что – вот как Бог свят! – нам еще несколько лет придется одни хвостики подбирать. Ах ты, Господи, что же мы теперь, горемычные, пить-то будем? Боже милостивый, *da mihi potum!*¹⁶⁷

Тут заговорил настоятель:

– Что здесь нужно этому пьянчуге? Отведите его в темницу! Как он смеет мешать нам воспевать Богу?

– Не должно мешать ни воспеванию, ни воспиванию, – возразил монах. – Ведь вы сами, отец настоятель, любите хорошее вино, как и всякий порядочный человек. Ни один благородный человек не станет хулить вино, – такая у нас, у монахов, существует апофтегма¹⁶⁸. А эти ваши песнопения, ей-богу, сейчас не ко времени! Почему же тогда в пору жатвы и сбора винограда у нас читаются краткие часы, а в течение всей зимы – длинные? Блаженной памяти покойный брат наш Маса Пелос, истинный ревнитель благочестия (пусть меня черт унесет, если я вру!), объяснял мне это, сколько я помню, так: летом и осенью мы-де отжимаем виноград и делаем вино, зимой же мы его потребляем. Слушайте меня, все любители хмельного: с нами Бог, за мной! Пусть меня спалит антонов огонь, если я хоть разок позволю хлебнуть тем из вас, которые не помогут мне отбить виноградник! Мать честная, да ведь это же церковное достояние! Но только вот что: святой Фома Английский¹⁶⁹ решился умереть за церковное достояние. Дьявольщина! Стало быть, если и я за него умру, меня тоже причислят к лику святых? Нет уж, я умирать не стану, пусть лучше по моей милости будут помирать другие.

С этими словами он скинул рясу и схватил перекладину от ясеневое креста: перекладина была длинная, как копье, и толстая, как здоровенный кулак; в некоторых местах на ней были нарисованы лилии, ныне почти уже стершиеся. Итак, сделав из своей рясы перевязь, он вышел в одном подряснике и, взмахнув перекладину от креста, внезапно ринулся на врагов, а враги между тем, нарушив боевой порядок, без знамен, без трубача и барабанщика обирали в саду виноград, ибо знаменщики прислонили знамена и стяги к стене, барабанщики продырявили с одного боку барабаны, чтобы было куда сыпать виноград, в трубы тоже понапихали гроздий, – словом, все разбрелись кто куда, и вот брат Жан, не говоря худого слова, обрушился на них со страшною силой и, по старинке колотя их по чему ни попало, стал расшвыривать, как котят. Одних он дубасил по черепу, другим ломал руки и ноги, третьим сворачивал шейные позвонки, четвертым отшибал поясницу, кому разбивал нос, кому ставил фонари под глазами,

¹⁶⁶ Натиск врагов (лат.).

¹⁶⁷ Даруй мне питье! (лат.).

¹⁶⁸ Апофтегма – изречение (гр.).

¹⁶⁹ Святой Фома Английский – Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (ок. 1115—1170).

кому заезжал по скуле, кому пересчитывал зубы, кому выворачивал лопатки, иным сокрушал голени, иным вывихивал бедра, иным расплющивал локтевые кости.

Кто пытался укрыться среди густолиственных лоз, тому он, как собаке, перебивал спинной хребет и переламывал крестец.

Кто пытался спастись бегством, тому он ударом по ламбдовидному шву раскалывал на куски черепную коробку.

Кто лез на дерево, полагая, что там безопаснее, тому он загонял перекладину в прямую кишку.

Если кто-нибудь из его старых знакомцев кричал: «Эй, брат Жан, брат Жан, друг мой милый, я сдаюсь!» – то он говорил: «Да у тебя другого выхода нет. Сдавай заодно и свою душу чертовой матери!» И тут же его ухлопывал.

Смельчаку, который решался с ним переведаться, он охотно показывал силу мышц своих, а именно пробивал ему средогрудную перегородку и сердце. Кого ему не удавалось поддеть под ребро, тому он выворачивал желудок, и смерть наступала мгновенно. Иных он со всего размаху бил по пупку, и у них вываливались кишки. Иным протыкал мошонку и задний проход. Свет еще не видел столь ужасного зрелища, можете мне поверить!

Одни зывали: «Святая Варвара¹⁷⁰!»

Другие: «Святой Георгий!»

Третьи: «Святая Недотрога!»

Четвертые: «Кюноская Божья Матерь! Лоретская! Благовестница! Ленуйская! Ривьерская!»

Одни поручали себя св. Иакову.

Другие прибегали под покров шамберийской плащаницы, которая, кстати сказать, три месяца спустя сгорела дотла, так что от нее ровно ничего не осталось.

Третьи – под покров плащаницы кадуинской.¹⁷¹

Четвертые поручали себя Иоанну Предтече Анжелийскому.

Пятые – св. Евтропию Сентскому, св. Месму Шинонскому, св. Мартину Кандскому, св. Клавдию Синейскому, жаварзейским святыням и разным другим святым, помельче.

Одни умирали, ничего не говоря, другие говорили, но не умирали. Одни умирали говоря, другие, умирая, говорили.

Иные громко кричали: «Исповедника! Исповедника! *Confiteor! Miserere! In manus!*»¹⁷²

Услышав громкие стоны поверженных, настоятель со всею братией направился в сад; когда же они увидели этих несчастных, смертельно раненных, распростертых среди виноградных лоз, то поспешили некоторых из них исповедать. А пока иеромонахи возились с исповедью, молодые послушники побежали к брату Жану спросить, не могут ли они чем-либо ему помочь. Он же на это ответил, что нужно дорезать тех, кто валяется на земле. Тогда послушники, развесив долгополые свои подрясники на изгороди, принялись дорезывать и приканчивать тех, кого он уходил насмерть. И знаете, каким оружием? Просто-напросто резачками, маленькими ножичками, которыми дети в наших краях шелушат зеленые орехи.

Затем брат Жан стал со своею перекладиною у стены, возле самого того места, где она была проломлена неприятелем. Кое-кто из послушников уже успел растащить по своим кельям знамена и стяги себе на подвязки. Когда же те, кто исповедался, попытались юркнуть в пролом, брат Жан стал их приканчивать одного за другим, да еще приговаривал:

¹⁷⁰ Святая Варвара — покровительница артиллерии. Святой Георгий (Победоносец) – один из самых популярных христианских святых, покровитель всадников.

¹⁷¹ Плащаница кадуинская. – Эта очень почитаемая реликвия хранилась в аббатстве Кадуэн (или Кадуин, Дордонь), которым владел Жоффруа д'Эстисак – первый покровитель Рабле.

¹⁷² Каюсь! Помилуй! В руки (твои предаю дух мой)! (лат.)

– Кто исповедался, покаялся и получил отпущение грехов, те – прямым путем в рай, прямым, как серп, как спина у горбуна!

Так благодаря его отваге были перебиты враги, проникшие в монастырский сад, перебиты все до одного, а их тут было тринадцать тысяч шестьсот двадцать два человека, не считая, как водится, женщин и детей.

Даже отшельник Можис, о котором говорится в *Деяниях четырех сыновей Эмона*, и тот, пойдя со своим посохом на сарацин, не выказал такой доблести, как наш монах, с перекладиною от креста вышедший на врагов.

Глава XXVIII

О том, как Пикрохол взял приступом Ларош-Клермо, а равно и о том, как тяжело и прискорбно было Грангузье начинать войну

Как уже было сказано, монах продолжал расправляться с теми, кто ворвался в монастырский сад; Пикрохол между тем, с великою поспешностью пройдя со своими войсками Ведский брод, вступил в Ларош-Клермо, и там ему не оказали никакого сопротивления, а так как дело было ночью, то он порешил расположиться здесь со своими войсками на ночлег, дабы зуд его гнева на время утих.

Полутру Пикрохол взял приступом городской вал и замок, а затем отлично укрепил этот замок и снабдил его боевыми припасами, ибо он полагал, что в случае, если на него нападут, лучше всего ему отсидеться именно здесь, так как благодаря своему расположению и местоположению замок обладал не только искусственными, но и естественными укреплениями.

И тут мы его и оставим и обратимся к доброму нашему Гаргантюа, который усердно изучает полезные науки, чередуя занятия с атлетическими упражнениями, и к его отцу, доброму старику Грангузье, а старик между тем только сейчас поужинал и греется у весело и ярко пылающего огня, чертит на стенках очага обгоревшим концом палки, коей размещивают угли, и, пока жарятся каштаны, рассказывает жене и всем домочадцам про доброе старое время.

В эту самую пору к нему прибежал один из пастухов, стороживших виноградники, по имени Пило, и подробно рассказал о том, что в его землях и владениях бесчинствует и разбойничает король Лернейский Пикрохол и что он разграбил, разорил, опустошил всю страну, за исключением Сейийского сада, который брат Жан Зубодробитель сумел отстоять только благодаря своей храбрости; ныне же упомянутый король обретается-де в Ларош-Клермо и вместе со своими воинами тщится елико возможно укрепить его.

– Увы! увy! – воскликнул Грангузье. – Что же это такое, добрые люди? Сон это или явь? Пикрохол, мой старый и неизменный друг, связанный со мною узами родства и свойства, напал на меня! Кто подвигнул его на это? Кто его подстрекнул? Кто его подбил? Кто ему подал такой совет? Ох, ох, ох, ох, ох! Боже, Спаситель мой, помоги мне, просвети меня, научи! Клятвенно уверяю Тебя, под страхом лишиться Твоего заступления, что никогда я никаких огорчений ему не доставлял, подданным его не досаждал, земель его не грабил. Напротив того, я никогда не отказывал ему ни в войске, ни в деньгах, ни в поддержке, ни в совете; во всех случаях жизни я старался быть ему полезен. Нет, верно, лукавый его попутал, коли мог он так меня избить. Господи Боже мой, Ты знаешь мои помыслы, зане от Тебя ничто не утаится! В случае если он повредился в уме и Ты назначил мне в удел образумить его, то подай мне сил и уменья мирным путем вновь привести его под начало святой Твоей воли. Ох, ох, ох! Добрые люди, друзья мои и верные слуги! Ужели я вынужден буду докучать вам просьбами о помощи? Увы мне! На старости лет я только покоя и жаждал, всю жизнь я только к миру и стремился. Но, видно, придется и мне облечь панцирем мои несчастные плечи, слабые и усталые, и взять в дрожащие руки булаву и копье, дабы защитить и оградить несчастных моих подданных. Так мне подсказывает здравый смысл, ибо их трудом я живу, их потом кормлюсь я сам, мои дети

и вся моя семья. И все же я не пойду на Пикрохола войной до тех пор, пока не испробую всех мирных способов и средств. Таково мое решение.

Затем он созвал совет, рассказал, как обстоит дело, и решено было на этом совете послать к Пикрохолу какого-нибудь толкового человека, чтобы тот дознался, с чего это он вдруг распалился гневом и вторгся в земли, на которые у него нет решительно никаких прав; кроме того, было решено послать за Гаргантюа и его приближенными, дабы они выступили на защиту своего отечества и отвели от него беду. Грангузье со всем согласился и отдал надлежащие распоряжения. В частности, он тут же велел своему лакею-баску¹⁷³ как можно скорее ехать к Гаргантюа и написал сыну следующее послание.

Глава XXIX

О чем Грангузье писал к Гаргантюа

«Ты столь прилежно учишься¹⁷⁴, что я долго еще не выводил бы тебя из состояния философического покоя, но вот горе: бывшие мои друзья и союзники не пожалели моей старости и обманули мое доверие. А уж если таково предопределение судьбы, что мне изменили именно те, в ком я особенно был уверен, то и нет у меня иного выхода, как призвать тебя на защиту подданных твоих и по естественному праву принадлежащего тебе достояния. Ибо подобно тому как любое оружие, находящееся вне дома, бессильно, коли и в самом доме некому подать совет, так же точно бесплодно учение и бесполезны советы, ежели они не будут вовремя претворены в жизнь и благой цели своей не достигнут.

Я же не разжигать намерен, но умиротворять, не нападать, но обороняться, не завоевывать, но защищать моих верных подданных и наследственные мои владения от Пикрохола, который ныне, без всякого повода и основания ко мне вторгшись, пошел на меня войной и, неуклонно продолжая злое свое дело, чинит вольным людям обиды нестерпимые.

Я почитаю своим долгом утишить гнев сего тирана, удовольствовав его как могу, и уже не один раз я с дружественными намерениями посылал к нему моих людей, дабы узнать, кто, чем и как его оскорбил, он же отвечает мне тем, что упорно отвергает мирные мои предложения и, кроме собственных своих выгод, знать ничего не хочет. Отсюда следствие, что Вечный Судия оставил ему как единственное кормило собственный его рассудок и волю, – воля же его не может не быть злой, коль скоро он всечасно не руководим божественною благодатью, – и, дабы вернуть ему сознание долга и дабы пробудить в нем совесть, наслал его на меня.

По сему обстоятельству, возлюбленный сын мой, прочитав мое письмо, ты как можно скорее возвращайся и поспеши на помощь не мне (хотя и мне ты должен был бы помочь из естественного чувства сострадания), но твоим подданным, коих ты обязан оградить и спасти. Подвиг сей тебе надлежит свершить ценою возможно меньшего кровопролития, и, таким образом, благодаря наиболее разумным средствам, мерам предосторожности и военным хитростям мы, быть может, сумеем спасти всех наших подданных, и, возвеселившись духом, они возвратятся в свои жилища.

¹⁷³ ...велел своему лакею-баску... – В те времена баски считались быстроногими.

¹⁷⁴ Ты столь прилежно учишься... – Письмо написано на «латинизированном» французском языке, который так ценили гуманисты.

Да будет с тобою, дражайший сын мой, благословение Господа нашего Иисуса Христа.

Поклонись от меня Понократу, Гимнасту и Эвдемону.

Твой отец

Грангузье.

20 сентября.

Глава XXX

О том, как к Пикрохолу был послан Ульрих Галле

Продиктовав и подписав письма, Грангузье приказал правителю своей канцелярии Ульриху Галле¹⁷⁵, человеку неглупому и здравомыслящему, выказавшему свои способности и тонкость суждений при разборе многих запутанных дел, ехать к Пикрохолу и изложить ему все, о чем говорилось на совете.

Добрый Галле тот же час отбыл и, миновав брод, спросил мельника, где обретается Пикрохол; мельник на это ответил, что враги дочиста его обобрали, а что потом они засели в Ларош-Клермо и что он, мельник, не советует ему следовать далее, а то как бы не наткнуться на дозор, свирепость же врагов безгранична. Ульрих Галле легко этому поверил и заночевал у мельника.

Наутро он был уже у ворот замка и, трубным звуком возвестив о своем прибытии, потребовал, чтобы часовые пропустили его к королю, в интересах коего, дескать, выслушать его речь.

Королю о нем доложили, но король велел ни под каким видом его не пускать, – он вышел сам на крепостной вал и, обратясь к послу, молвил:

– Ну, что там еще? Что ты хочешь сказать?

Тогда посол произнес нижеследующую речь.

Глава XXXI

Речь Галле, обращенная к Пикрохолу

– Из всех поводов к огорчению наиболее важным следует признать тот, когда человеку, который по праву рассчитывал на милость и благорасположение, чинят ущерб и досаду. И не без основания (хотя его и нельзя считать достаточно разумным) многие при таких обстоятельствах, рассудив, что лучше умереть, нежели терпеть подобную низость, и уверившись, что здесь ни силой, ни какими-либо ухищрениями ничего поделать нельзя, добровольно накладывают на себя руки.

Неудивительно поэтому, что твое вторжение, свидетельствующее о том, что ты преисполнен к моему повелителю, королю Грангузье, вражды и злобы, отягчило его печалью и в крайнее привело замешательство. Удивительно было бы, если б его не взволновали чудовищные беззакония, чинимые тобою и твоими людьми в его владениях над его подданными, беззакония, неслыханные по своей бесчеловечности, которые он принимает особенно близко к сердцу потому, что подданных своих он любит такою нежною любовью, какой ни один смертный от века еще не любил. Однако ж, говоря по чистой совести, еще тяжелее ему сознавать, что все эти злодейства и утеснения чинятся именно тобою и твоими людьми, ибо и ты и твои деды и прадеды испокон веков водили дружбу с ним самим и с предками его, и дружбу эту, до сего времени нерушимую, вы поддерживали, хранили и берегли, как святыню, так что не

¹⁷⁵ Ульрих Галле. – Среди родственников Антуана Рабле-старшего мы встречаем адвоката Галле, который отстаивал в суде интересы луарских торговцев против Гоше де Сент-Марта

только он и его подданные, но и народы чужеземные, как, например, пуатевинцы, бретонцы, мансонцы, а равно и живущие за Канарскими островами и городом Изабеллою¹⁷⁶, полагали, что легче обрушить небосвод, а преисподнюю вознести до самых хлябей небесных, нежели расторгнуть союз ваш, столь грозный для всех их враждебных замыслов, что никто не решался озлобить кого-нибудь одного из вас, бросить ему вызов или же нанести урон из страха навлечь на себя гнев другого.

Более того. Слухом об этой священной дружбе полнится вся поднебесная, вследствие чего среди народов, ныне населяющих материк и острова океана, немного найдется таких, которые не почли бы за честь вступить в ваш союз на условиях, вами самими указанных, и которые бы не уважали неприкосновенность ваших объединенных держав в той же мере, как неприкосновенность собственных земель и владений; коротко говоря, никто не запомнит государя или же союз государей, который в свирепости своей и заносчивости осмелился бы посягнуть — я уж не говорю: на ваши земли, но хотя бы на земли союзников ваших, а если, послушавшись необдуманного совета, кто-нибудь и вознамеривался совершить нападение, то при одном имени и названии вашего союза тотчас же от своего замысла отказывался.

Что же ныне привело тебя в такое неистовство и заставило, расторгнув союз, поправ дружбу, преступив права, с враждебными намерениями вторгнуться в его владения, несмотря на то что ни он сам, ни его подданные ничем перед тобой не провинились, ничем тебе не досадили и гнева твоего не навлекли? Где же верность? Где закон? Где разум? Где человечность? Где страх Господень? Уж не надеялся ли ты скрыть свои злодеяния от горних духов и от Всевышнего, который воздает всякому по делам его? Если ты таковые надежды питаешь, то ты заблуждаешься, ибо от Его суда ничто не утаится. Быть может, таково предопределение судьбы или же таково влияние небесных светил, позавидовавших благополучию твоему и покою? То правда, всему на свете положен конец и предел, и когда что-либо достигает наивысшей точки, сейчас же и низвергается, ибо долго продержаться в этом положении не может. Таков конец всех, кто, благоденствуя и преуспевая, забывает о благоразумной умеренности.

Но если даже это и было предустановлено и счастьем твоему и покою пришел конец, то неужели же это должно было обнаружиться в том, чтобы ты причинил зло моему королю, а ведь он-то и возвел тебя на престол? Если дому твоему суждено рухнуть, то неужели же необходимо, чтобы, рушась, он упал на очаг того, кто дом твой украсил? Все это так явно выходит за пределы человеческого понимания и так противно здравому смыслу, что разум едва в состоянии это постигнуть, иноземцы же будут отказываться этому верить до тех пор, пока подтвержденные и засвидетельствованные последствия не убедят их, что нет ничего святого и священного для того, кто отошел от Бога и от разума и отдался на волю дурных страстей.

Если бы мы причинили какой-либо ущерб твоим подданным или же твоим владениям; если бы мы оказали покровительство твоим недругам; если бы мы не помогли тебе в твоих начинаниях; если бы мы затронули твою честь и доброе имя; вернее сказать, если бы лукавый, стараясь подбить тебя на злое дело и являя твоему взору всякие обманчивые подобия и призрачные видения, оклеветал нас и вселил в тебя подозрение, что мы совершили по отношению к тебе нечто недостойное нашей старинной дружбы, — то прежде всего тебе надлежало бы узнать всю правду, а потом объявить о своем недовольствии нам, и мы постарались бы ублаготворить тебя таким образом, что тебе нечего было бы больше желать. Но, Боже правый, как же ты поступил? Ужели ты и впрямь задумал, по примеру всех вероломных тиранов, разграбить и разорить королевство моего повелителя? Ужели ты почитал его за такого труса и глупца, ужели ты полагал, что он так беден людьми, деньгами, мудрыми советчиками и искусными военачальниками, что не захочет и не сможет дать отпор незаконному твоему нашествию?

¹⁷⁶ *Изабелла* — город, основанный Христофором Колумбом на острове Гаити в 1493 г.

Сей же час уходи отсель, уходи навсегда, и чтобы завтра ты уже вступил в пределы своей державы, дорогою же никаких беспорядков не производи и насилий не чини, да уплати тысячу золотых безантов за убытки, которые мы через тебя понесли. Половину указанной суммы пришли нам завтра; половину – к ближайшим майским идам, а в качестве заложников оставь нам на это время герцогов де Пустомель, де Карапуз и де Шваль, а также принца де Парша и виконта де Вши.

Глава XXXII

О том, как Грангузье для достижения мира велел возвратить лепешки

На этом кончил свою речь Галле, но Пикрохол на все его доводы ответил так:

– *Придите и возьмите, придите и возьмите!* Они у меня молодцы ребята. Они вам наде-
лают лепешек.

Тогда Галле возвратился к Грангузье и увидел, что тот с непокрытой головой стоит на коленях в углу своей комнаты и молит Бога укротить гнев Пикрохола и образумить его, чтобы не нужно было применять насилие. Заметив вошедшего Галле, добряк Грангузье сказал:

– А, это ты, друг мой? Ну, что нового, что нового?

– Все вверх дном, – отвечал Галле. – У этого человека ум за разум зашел, сам Господь от него отступился.

– Так, друг мой, – сказал Грангузье, – но как же он объясняет свои бесчинства?

– Он и не дал мне никаких объяснений, – отвечал Галле, – он только проворчал что-то насчет лепешек. Кто их там знает, – чего доброго, его пекарям досталось от наших пастухов?

– Прежде чем вынести окончательное решение, я должен в этом разобраться, – объявил Грангузье.

Он тут же приказал расследовать это дело и установил, что его подданные отняли у пекарей некоторое количество лепешек и что Марке хватили дубиной по голове, но что расплатились они с пекарями по-честному и что упомянутый Марке первый хлестнул Фрожье кнутом по ногам. Грангузье созвал совет, и все в один голос объявили, что нужно грудью встать на врага. Тем не менее Грангузье сказал:

– Коли все дело в нескольких лепешках, я постараюсь удовлетворить Пикрохола, – уж очень мне не по душе начинать войну.

Затем он осведомился, сколько было взято лепешек, и, узнав, что всего штук шестьдесят, велел напечь их за ночь пять возов и на один из них положить лепешки, приготовленные на лучшем масле, на самых свежих желтках, с наилучшим шафраном и другими пряностями, каковые лепешки предназначались им для Марке, а еще он жаловал Марке семьсот тысяч три филиппа¹⁷⁷ на расплату с лечившими его цирюльниками и сверх того передавал в вечное и безвозмездное владение ему и его наследникам мызу Помардьеру. Отвезти и доставить дары было поручено Ульриху Галле, и по дороге, близ Соле, он велел нарвать как можно больше тростника и камыша, украсить стеблями повозки и каждому вознице дать в руки по стеблю; сам он тоже взял в руки стебель, – этим он желал показать, что они хотят мира и прибыли затем, чтобы его достигнуть.

Подъехав к воротам, они объявили, что их уполномочил Грангузье вести переговоры с Пикрохолом. Пикрохол не велел впускать их и не пожелал сам выйти к ним для переговоров, а велел сказать, что ему недосуг и что если им уж так нужно, пусть потолкуют с военачальником

¹⁷⁷ *Филипп* – греческая монета с изображением македонского царя Филиппа II, начавшего чеканку золотых монет. В XVI в. так называли любую золотую монету.

Фанфароном, который в это время устанавливал на крепостной стене орудие. Добрый Галле обратился к нему с такими словами:

– Сеньор! Дабы прекратить междоусобицу и устранить препону, мешающую вам вновь вступить с нами в союз, мы возвращаем вам лепешки, послужившие причиной раздоров. Наши взяли у вас шестьдесят штук, они дали вам за них хорошую цену, но мы из чистого миролюбия возвращаем вам целых пять возов, из коих один поступает в распоряжение Марке, как наиболее пострадавшего. Кроме того, для полного его удовлетворения я ему вручу семьсот тысяч три филлиппа, а в возмещение убытков, коего он имеет право с нас требовать, я передам в вечное и безвозмездное владение ему и наследникам его мызу Помардьеру: дарственная – вот она. Итак, ради Создателя, давайте отныне жить в мире, идите себе бодрым шагом домой, верните нам эту крепость, притязать на которую у вас, как вы сами отлично знаете, нет ни малейшего основания, и будем-те снова друзьями!

Фанфарон передал все до последнего слова Пикрохолу и, еще пуще раззадоривая его, повел с ним такую речь:

– Нагнали мы на мужичье страху! Несчастный пьянчужка Грангузье поди в штаны наложил! Это ему не из бутылочки тянуть, тут надо показать военное искусство. Я так полагаю: лепешки и деньги мы у них возьмем, а сами в кратчайший срок здесь укрепимся и будем продолжать успешно начатое дело. Что они, правда, за дурачка вас принимают? Надеются задобрить своими лепешками? А все оттого, что вы милостиво с ними обходились и держали себя запросто, вот они вас теперь ни во что и не ставят: посади свинью за стол – она и ноги на стол.

– Верно, верно! – сказал Пикрохол. – Ну да я им покажу, истинный Бог, покажу! Как ты сказал, так и поступай.

– Только вот насчет чего я должен вас упредить, – заметил Фанфарон. – У нас здесь с припасами обстоит неважно, съестного маловато. Ежели Грангузье предпримет осаду, я все зубы себе повырву, оставлю штуки три, не больше, и пусть другие последуют моему примеру, а то мы враз всё подберем.

– Нет, – возразил Пикрохол, – еды у нас предостаточно. Зачем мы сюда пришли: нажираться или сражаться?

– Конечно, сражаться, – отвечал Фанфарон, – но только ведь на голодный желудок много не наговоришь прибауток, и где царствует голод, там сила в опале.

– Ну, довольно, довольно! – сказал Пикрохол. – Тащите все, что они привезли.

В ту же минуту у послов были отобраны деньги, лепешки, вола и повозки, а самих послов отослали обратно, не дав им никакого ответа, – им только сказали, чтобы они не подходили близко к крепости, а почему – это, мол, они завтра узнают. Так послы и вернулись, ничего не добившись, и, рассказав Грангузье обо всем, прибавили от себя, что склонить врагов к миру нет никакой надежды и что нужно немедленно объявлять войну не на жизнь, а на смерть.

Глава XXXIII

О том, как некоторые учителя Пикрохола своими необдуманнами советами толкнули его на чрезвычайно опасный путь

Как скоро лепешки были отобраны, к Пикрохолу явились герцог де Шваль, граф Буян, военачальник Молокосос и сказали ему:

– Ваше величество! Сегодня вы у нас будете самым счастливым, самым непобедимым государем после Александра Македонского.

– Наденьте шляпы, наденьте шляпы! – сказал Пикрохол.

– Весьма признательны, ваше величество, – сказали они, – мы знаем свое место. Вот наш совет: оставьте здесь небольшой отряд во главе с каким-нибудь военачальником, – этот гарнизон будет охранять крепость, которая, впрочем, представляется нам и так достаточно защищенной благодаря естественным укреплениям, а также благодаря крепостным стенам, возведенным по вашему почину. Армию свою разделите на две части как вам заблагорассудится. Одна часть обрушится на Грангузье с его войском. В первом же бою она без труда разобьет его наголову. Там вы сможете огрести кучу денег, – у этого мужлана денег уйма. У мужлана, говорим мы, ибо у благородного государя гроша за душой никогда не бывает. Копить – это мужицкое дело. Тем временем другая часть двинется на Они, Сентонж, Ангумуа и Гасконь, а также на Перигор, Медок и Ланды и, не встречая сопротивления, займет города, замки и крепости. В Байонне, в Сен-Жан-де-Люс и в Фуэнтеррабии вы захватите все суда и, держась берегов Галисии и Португалии, разграбите все побережье до самого Лиссабона, а там вы запасетесь всем, что необходимо завоевателю. Испанцы, черт их дери, сдадутся, – это известные ротозеи! Вы переплывете Сивиллин пролив¹⁷⁸ и там на вечную о себе память воздвигнете два столпа, еще более величественных, чем Геркулесовы, и пролив этот будет впредь именоваться Пикрохоловым морем. А как пройдете Пикро-холово море, тут вам и Барбаросса¹⁷⁹ покорится...

– Я его помилую, – сказал Пикрохол.

– Пожалуй, – согласились они, – но только он должен креститься. Вы не преминете захватить королевства Тунисское, Гиппское, Алжирское, Бону, Кирену, всю Барбарию. Далее вы приберете к рукам Майорку, Менорку, Сардинию, Корсику и другие острова морей Лигурийского и Балеарского. Держась левого берега, вы завладеете всей Нарбоннской Галлией, Провансом, землей аллоброгов, Генуей, Флоренцией, Луккой, а там уж и до Рима рукой подать. Бедный господин папа умрет от страха.

– Клянусь честью, я не стану целовать ему туфлю, – сказал Пикрохол.

– Завоевав Италию, вы предаете разграблению Неаполь, Калабрию, Апулию, Сицилию, а заодно и Мальту. Желал бы я видеть, как эти несчастные рыцаришки, бывшие родосцы¹⁸⁰, станут с вами сражаться, посмотрел бы я, из какого они теста сделаны!

– Я бы с удовольствием проехал оттуда в Лорето¹⁸¹, – сказал Пикрохол.

– Нет, нет, – сказали они, – это на обратном пути. Мы лучше возьмем Крит, Кипр, Родос, Кикладские острова и ударим на Морею. Вот мы ее уже, слава Тебе, Господи, заняли. И тогда берегись, Иерусалим, ибо могуществу султана далеко до вашего!

– Я тогда вновь построю храм Соломона, – сказал Пикрохол.

– Нет, погодите немного, – возразили они. – Не будьте столь поспешны в своих решениях. Знаете, что говорил Октавиан Август? *Festina lente*¹⁸². Вам предстоит сперва занять Малую Азию, Карию, Ликий, Памфилию, Киликию, Дидию, Фригию, Мизию, Вифинию, Сарды, Адалию, Самагерию, Кастамун, Лугу, Себасту – до самого Евфрата.

– А Вавилон и гору Синай мы увидим? – спросил Пикрохол.

– Пока не для чего, – отвечали они. – Мало вам разве переплыть Гирканское море и промчаться по двум Армениям и трем Аравиям?

– Честное слово, мы спятили! – воскликнул Пикрохол. – Горе нам, горе!

– Что такое? – спросили они.

¹⁷⁸ . Сивиллин (точнее – Севильский) пролив – ныне пролив Гибралтар.

¹⁷⁹ Барбаросса (Рыжая Борода) – прозвище Хайр-эд-Дина, алжирского султана, знаменитого корсара XVI в.

¹⁸⁰ ...бывшие родосцы... – В 1530 г. по распоряжению императора «Священной Римской империи» Карла V (1500–1558) на острове Мальта обосновались рыцари ордена святого Иоанна (госпитальеры), изгнанные с острова Родос в 1522 г. После этого орден иоаннитов стал именоваться Мальтийским.

¹⁸¹ Лорето – город в Италии, где, по преданию, находился дом Богородицы, перенесенный туда ангелами из Назарета.

¹⁸² Торопись не спеша (лат.).

– А что мы будем пить в этих пустынях? Говорят, Юлиан Август умер там от жажды со всем своим воинством.

– Мы все предусмотрели, – сказали они. – На Сирийском море у вас девять тысяч четырнадцать больших кораблей с грузом лучшего в мире вина. Все они приплывают в Яффу. Туда же согнано два миллиона двести тысяч верблюдов и тысяча шестьсот слонов, которых вы захватите на охоте в окрестностях Сиджильмассы, как скоро войдете в Ливию, а кроме того, все караваны, идущие в Мекку, будут ваши. Неужели они не снабдят вас вином в достаточном количестве?

– Пожалуй, – сказал Пикрохол, – но только у нас не будет холодного вина.

– Тыфу, пропасть! – вскричали они. – Герой, завоеватель, претендент и кандидат на мировое владычество не может постоянно пользоваться всеми удобствами. Скажите спасибо, что вы и ваши солдаты целыми и невредимыми добрались до Тигра!

– А что делает в это время та наша армия, которая разбила этого поганого забулдыгу Грангузье?

– Она тоже не дремлет, – отвечали они, – сейчас мы ее догоним. Она завоевала для вас Бретань, Нормандию, Фландрию, Эно, Брабант, Артуа, Голландию и Зеландию. Она перешла Рейн по трупам швейцарцев и ландскнехтов, а часть ее покорила Люксембург, Лотарингию, Шампань и Савойю – вплоть до Лиона, и здесь она встретилась с вашими легионами, возвращавшимися домой после побед на Средиземном море. Обе армии воссоединились в Богемии, опустошив предварительно Швабию, Вюртемберг, Баварию, Австрию, Моравию и Штирию. Затем они сообща нанесли сокрушительный удар Любеку, Норвегии, Швеции, Дании, Готланду, Гренландии, Исландии – до самого Ледовитого моря. Вслед за тем они заняли Оркадские острова и подчинили себе Шотландию, Англию и Ирландию. Далее, переплыв Песчаное море¹⁸³ и пройдя Сарматия, они разгромили и покорили Пруссию, Польшу, Литву, Россию, Валахию, Трансильванию, Венгрию, Болгарию, Турцию и теперь находятся в Константинополе.

– Скорей и мы туда! – воскликнул Пикрохол. – Я хочу быть также императором Трапезундским. И не перебить ли нам всех этих собак – турок и магометан?

– А почему бы, черт возьми, нам этого не сделать? – сказали они. – Имущество же их и земли вы раздадите тем, кто вам честно служил.

– Так подсказывает здравый смысл и так должно быть по справедливости, – заметил Пикрохол. – Жалую вам Карманию, Сирию и всю Палестину.

– Ах, ваше величество, как вы щедры! – сказали они. – Премного вам благодарны! Дай Бог вам благоденствовать вечно!

На этом совете присутствовал старый дворянин, по имени Эхефрон, человек многоопытный, закаленный в боях; послушав такие речи, он сказал:

– Я очень боюсь, что все это предприятие кончится так же, как известный рассказ о кувшине с молоком, при помощи которого один сапожник мечтал разбогатеть. Кувшин разбился, и он остался голодным. Чего вы добьетесь этими славными победами? Каков будет конец ваших трудов и походов?

– Конец будет таков, – отвечал Пикрохол, – что по возвращении мы как следует отдохнем. Эхефрон же ему на это сказал:

– Ну, а если почему-нибудь не вернетесь? Ведь путь опасен и долог. Не лучше ли нам отдохнуть теперь же, отказавшись от всех этих походов?

– Вот уж, ей-богу, чудак! – воскликнул Буян. – Давайте в таком случае забьемся в уголок, поближе к камину, будем весь свой век вместе с женами низать жемчуг или же прясть, как Сарданапал. «Кто не подвергает себя опасности, тот ни коня, ни осла не добудет», – сказал Соломон.

¹⁸³ *Песчаное море* (лат. *Sabulosus pontus*) – так древние именовали Балтийское море.

– А Морольф¹⁸⁴ ему на это ответил: «Кто подвергает себя слишком большой опасности, тот и коня и осла потеряет», – возразил Эхефрон.

– Довольно, пойдем дальше, – сказал Пикрохол. – Я боюсь только этих чертовых легионов Грангузе. Что, если, пока мы будем в Месопотамии, они ударят нам в тыл? Что нам тогда делать?

– Очень просто, – отвечал Молокосос. – Вам стоит только послать москвитам краткий, но грозный указ – и в тот же миг под ваши знамена станет четыреста пятьдесят тысяч отборных бойцов. Эх, назначили бы туда меня вашим наместником, – у них бы лоб на глаза вылез! Рас топчу, растреплю, разгромлю, растрясу, разнесу, расшибу!

– Полно, полно! – сказал Пикрохол. – Время не ждет! Все, кто мне предан, за мной!

Глава XXXIV

О том, как Гаргантюа оставил Париж, чтобы защищать свое отечество, и как Гимнаст встретился с неприятелем

В эту самую пору Гаргантюа, тотчас по прочтении отцовского письма выехавший из Парижа на своей громадной кобыле, миновал уже мост Нонен, а вместе с Гаргантюа и Понократ, Гимнаст и Эвдемон, которые, чтобы не отставать от него, взяли себе почтовых лошадей¹⁸⁵. Обоз с его книгами и философическими приборами двигался со скоростью обыкновенной.

Прибыв в Парилье, Гаргантюа узнал от хуторянина Гуге, что Пикрохол, укрепившись в Ларош-Клермо, выслал многочисленное войско под предводительством военачальника Трипе захватить леса Вед и Вогодри, что войско это обобрало до нитки всех и вся – вплоть до самой давилни Бильяр – и что совершаемые им злодеяния представляют собой нечто невиданное и неслыханное. Гаргантюа был всем этим так напуган, что не знал, как быть и что придумать. Понократ, однако ж, посоветовал ему направить путь к сеньору де Лавогюйону, старинному их другу и союзнику, который-де может дать более точные сведения, и они, нимало не медля, к нему и отправились; он же выразил полную готовность прийти им на помощь и высказал мнение, что прежде надобно послать кого-нибудь на разведки, дабы тот обследовал местность и установил, где именно находится неприятель, а затем уже, глядя по обстоятельствам, начать действовать. Отправиться в разведку вызвался Гимнаст, и тут же было решено, что для пользы дела он возьмет с собой человека, который хорошо знает здесь все дороги, тропинки и речки.

Итак, Гимнаст выехал вместе с Вертопрахом, Лавогюйоновым конюшим, и они, оставшись незамеченными, произвели разведку во всех направлениях. Гаргантюа тем временем отдохнул, малость подкрепился вместе со своими спутниками и велел дать своей кобыле меру овса, что составило семьдесят четыре мюида и три буасо¹⁸⁶. А Гимнаст со своим товарищем ехали-ехали и наконец наткнулись на врагов, – рассыпавшись в беспорядке, они грабили и тащили все, что попадалось под руку. Гимнаста они завидели издали, и вскоре на него налетела целая орава, явно намеревавшаяся его ободрать. Он же сказал им:

– Господа, я беден как черт знает что. Прошу вас, пощадите меня! У меня еще осталось несколько экю, вот мы на них и выпьем, ведь это *aurum potabile*¹⁸⁷, а чтобы уплатить вам за проезд, я продам свою лошадь. Вы вполне можете считать меня своим, ибо нет человека, который лучше, чем я, умеет сцапать, обчистить, ободрать, ошипать, выпотрошить, а потом и полакомиться. По случаю моего благополучного прибытия пью здоровье всех добрых собутыльников!

¹⁸⁴ Морольф – персонаж «Диалогов Соломона и Морольфа», популярных в XV в.

¹⁸⁵ Почтовые лошади стали использоваться во времена правления Людовика XI (1423—1483), начиная с 1474 г.

¹⁸⁶ ...семьдесят четыре мюида и три буасо... – Мюид (мюи) и буасо – старинные меры сыпучих тел; данный объем соответствует 1332 гектолитрам 39 литрам.

¹⁸⁷ Питьевое золото (лат.), считалось в древней медицине панацеей.

С этими словами Гимнаст откупорил свою флягу и, накренив ее, отпил на совесть. Разбойники разинули пасти и высунули языки, точно борзые собаки, в чаянии допить после него, но как раз в это время сюда подоспел узнать, в чем дело, военачальник Трипе. Гимнаст протянул ему флягу и сказал:

– Пейте, ваше высокоблагородие, пейте, не бойтесь, я его уже пробовал, – это из Лафе-Монжо.¹⁸⁸

– Что такое? – воскликнул Трипе. – Ты смеешь, невежа, издеваться над нами? Кто ты таков?

– Я человек бедный, – отвечал Гимнаст, – бедный как черт знает что.

– А-а, ну если черт тебя знает, тогда я тебя пропущу, – рассудил Трипе, – потому черти и все их знакомые и родные ни податей, ни пошлин не платят. Только я еще никогда не видал, чтобы бедные родственники разъезжали на таких добрых конях. Вот что, господин черт, слезайте-ка, – на вашем коне поеду я, и если он не понесет меня стрелой, то понесете меня вы, господин черт, потому уж очень я люблю, когда меня черт несет!

Глава XXXV

О том, как Гимнаст ловко убил военачальника Трипе и других Пикрохоловых воинов

Слова Гимнаста кое-кого напугали, и, вообразив, что это переодетый черт, убоявшиеся начали обеими руками креститься. Один же из них, по прозвищу Жан Добрый, предводитель сельского ополчения¹⁸⁹, достал из своего гульфика молитвенник и довольно зычным голосом крикнул:

– *Agios ho Theos!*¹⁹⁰ Если ты послан Богом, тогда говори! Если же ты послан кем-то другим, тогда уходи!

Но Гимнаст и не думал уходить; многие после этого стали разбредаться, а Гимнаст все примечал и мотал себе на ус.

Он сделал вид, что намерен спешиться, и, наклонившись влево, со шпагой на боку ловко перевернулся в стремени, затем пролез под конским брюхом, подпрыгнул и обеими ногами, но только задом наперед, стал на седло.

– Надо б сделать мне по-другому! – сказал он.

С этими словами он, подскочив на одной ноге, сделал поворот налево, и расчет его оказался до того точен, что он снова занял исходное положение, решительно ни в чем его не нарушив. Тогда Трипе сказал:

– Гм! Я сейчас этого проделывать не стану, у меня есть на то причины.

– Ах ты, пакость какая! – воскликнул Гимнаст. – Промазал я! Придется еще раз.

Тут он, выказав изрядную силу и ловкость, сделал совершенно такой же прыжок, но только с наклоном вправо. Затем, ухватившись большим пальцем правой руки за седельную луку, подтянулся всем корпусом, причем вся его сила сосредоточилась теперь в мускулах и сухожилиях большого пальца, и три раза перевернулся. На четвертый раз, ни за что уже не держась, он перекувырнулся и очутился между ушей коня; затем, опираясь всей тяжестью на большой палец левой руки, сделал мулинет и наконец, хлопнув ладонью правой руки по середине седла и одним броском очутившись на крупе, сел на дамский манер.

¹⁸⁸ ...это из Лафе-Монжо. – Речь идет о марке вина, высоко ценившейся в XVI в.

¹⁸⁹ *Сельское ополчение* – своего рода деревенская милиция; было упразднено Людовиком XII (1462—1515). Особой воинственностью не отличалось.

¹⁹⁰ Святой Боже! (гр.).

Потом он без малейших усилий занес правую ногу поверх седла и принял положение всадника, едущего на крупе.

– Нет, – сказал он, – сяду-ка я между двумя луками!

Тут он уперся в круп коня большими пальцами обеих рук, перекувырнулся и принял правильное положение между луками; потом одним рывком вскочил, стал, сдвинув ноги, между луками и, скрестив руки на груди, раз сто подряд перевернулся, громко при этом крича:

– Черти, я беснуюсь, беснуюсь, беснуюсь! Держите меня, черти, держите, держите!

Меж тем как он вольтижировал, разбойники в полном недоумении переговаривались:

– Клянусь раками, это перевертень, не то переодетый черт! *Ab hoste, maligno libera nos, Domine!*¹⁹¹

В конце концов они бросились врассыпную и долго еще потом оглядывались, точно собака, ухватившая гусяное крылышко.

Тут Гимнаст, оценив всю выгодность своего положения, сошел с коня, обнажил шпагу и стал наносить страшные удары тем, кто был понаряднее, громоздя целые горы изувеченных, раненых, убитых, причем никто из них даже и не помышлял о сопротивлении, – все были уверены, что это сам черт, да еще изголодавшийся, непреложное чему доказательство они усматривали как в изумительной его вольтижировке, так и в том, что Трипе, ведя с ним беседу, именовал его чертовым родственником; впрочем, Трипе предательским ударом своей ландскнехтской шпаги чуть было не раскроил ему череп, но Гимнаст был хорошо защищен и восчувствовал лишь тяжесть этого удара, – он живо обернулся, всадил, не сходя с места, острие своей шпаги в помянутого Трипе, который в это время тщательно прикрывал грудь, и одним махом проколол ему желудок, ободочную кишку и половину печени, вследствие чего Трипе свалился с ног, и, валясь, он испустил из себя более четырех горшков супу, а вместе с супом и дух.

А Гимнаст тот же час удалился, ибо он полагал, что в случаях счастливых не следует перегибать палку, а то счастье может и изменить, и что рыцарю подобает ко всякой своей удаче относиться бережно, не надоедать ей и не докучать; и с этою мыслью он вскочил на коня, дал ему шпоры и двинулся прямым путем к Лавогюйону, а за ним последовал и Вертопрах.

Глава XXXVI

О том, как Гаргантюа разрушил замок при Ведском броде, и о том, как воины его перешли брод

Возвратившись из разведки, Гимнаст доложил, что собой представляет неприятель, рассказал о той хитрости, благодаря которой он один справился с целой воинской частью, и в заключение объявил, что все они каналы, грабители и разбойники, в военной науке ничего не смыслящие, и что Гаргантюа со своими спутниками может безбоязненно выступить в поход, – они-де без труда перебьют пикрохоловцев, перебьют как скотину.

Выслушав эти донесения, Гаргантюа сел на свою громадную кобылу и вместе с вышеперечисленными сподвижниками тронулся в путь, а по дороге ему попалось высокое и раскидистое дерево (которое прежде обыкновенно называли деревом св. Мартина, потому что оно выросло из посоха, некогда воткнутого в землю св. Мартином), и при виде его он сказал:

– Это-то мне и нужно. Из этого дерева я сделаю себе и посох и копье.

Затем он без всяких усилий вырвал дерево с корнем, обломал ветки и по своему благоусмотрению обчистил его.

Кобыле между тем припала охота помочиться, и столь обильным оказалось это мочеиспускание, что вскоре на семь миль кругом все было затоплено, моча же ее стекла к Ведскому

¹⁹¹ От врага лукавого избави нас, Господи! (лат.)

броду и так подняла в нем уровень воды, что вся шайка врагов, охваченная ужасом, потонула, за исключением очень немногих – тех, кто взял левей, по направлению к холмам.

Когда Гаргантюа приблизился к Ведскому лесу, Эвдемон довел до его сведения, что остатки вражеских полчищ укрылись в замке. Тогда Гаргантюа, дабы в том удостовериться, закричал во всю глотку:

– Вы – там, или же вас там нет? Если вы там, то больше вы там не будете; если же вас там нет, то мне вам сказать нечего.

Но тут негодяй-пушкарь, стоявший у бойницы, выстрелил в Гаргантюа, и ядро с разлета угодило ему в правый висок; однако Гаргантюа ощутил при этом такую же точно боль, как если бы в него запустили косточкой от сливы.

– Это еще что? – воскликнул он. – Виноградом кидаться? Ну так мы заставим вас подобрать!

Он и в самом деле подумал, что это виноградина.

Разбойники в это время были заняты дележом добычи, однако ж, слышав шум, они поднялись на бастионы и башни и дали по Гаргантюа более девяти тысяч двадцати пяти бомбардных и пищальных выстрелов, причем всякий раз целились ему прямо в голову, и столь частой была эта стрельба, что Гаргантюа в конце концов закричал:

– Понократ, друг мой! От этих мух у меня рябит в глазах! Сломайте мне ивовую ветку, я буду ею отмахиваться.

Он вообразил, что свинцовые и каменные ядра – это всего-навсего слепни. Понократ же ему объяснил, что это вовсе не мухи, а орудийные выстрелы и что ядра летят из замка. Тогда Гаргантюа принялся колотить по замку громадным своим деревом, и от его мощных ударов все бастионы и башни разлетелись и рухнули. Тех же, кто находился внутри, так расплющило, что и костей их нельзя было собрать.

Покончив с замком, Гаргантюа и его приближенные подъехали к мельничной запруде и увидели, что весь брод завален мертвыми телами, загородившими водоспуск: это и были те, что погибли от кобыльего мочепотопа. Стали они тут думать да гадать, как бы им преодолеть препятствие, которое представляли собою трупы, и перебраться на ту сторону. Наконец Гимнаст объявил:

– Если тут перешли черти, так и я отлично перейду.

– Черти здесь переходили, – заметил Эвдемон, – им нужно было унести души осужденных на вечную муку.

– Отсюда прямой вывод, – подхватил Понократ, – что Гимнаст тоже перейдет, да будет мне свидетелем святой Треньян!

– А как же иначе? – отозвался Гимнаст. – Что же мне, так тут и оставаться?

Дав шпоры коню, он свободно перебрался на тот берег, и конь его не испугался мертвецов: воспользовавшись указанием Элиана¹⁹², Гимнаст приучил его не бояться ни мертвых душ, ни мертвых тел, но для этой цели он не убивал людей, как это делал Диомед, убивавший фракийцев, или же Одиссей, о котором повествует Гомер, что он клал тела убитых врагов под ноги своему коню, – нет, он зарывал в сено чучело и заставлял коня переступать через него, маня его овсом.

Трое спутников следом за ним перебрались благополучно, застрял только Эвдемон, и вот почему: правая нога его коня по колено увязла в брюхе одного дюжего и ражего поганца, навзничь лежавшего в воде, и конь никак не мог ее вытащить; и до той поры он тут бился, пока Гаргантюа концом своего посоха не погрузил остатки требухи этого мерзавца в воду; тогда конь

¹⁹² ...воспользовавшись указанием Элиана... – Имеется в виду труд Клавдия Элиана (ок. 175 – ок. 235) «О природе животных» (XVI, 25), где упоминается способ дрессировки, которым владели Диомед и Улисс.

высвободил ногу, и – редчайший случаи в гиппиатрии! – от прикосновения к внутренностям этого жирного негодяя нарост на ноге коня сам собой отвалился.

Глава XXXVII

О том, как Гаргантюа вычесывал из волос ядра

Оттуда они двинулись берегом речки Вед и немного погодя приблизились к замку Грангузье, а Грангузье в это время с великим нетерпением их ожидал. Как скоро они прибыли, пошел пир горой; никто еще так не веселился, как они, – автор *Supplementum Supplementi Chronicorum*¹⁹³ утверждает, что Гаргамелла от радости даже умерла. Мне ничего об этом не известно – я так же мало думаю о ней, как и о всякой другой.

Достоверно одно: переодеваясь и проводя по волосам гребнем длиною в сто канн¹⁹⁴, с зубьями из цельных слоновых клыков, Гаргантюа всякий раз вычесывал не менее семи ядер, которые у него там застряли во время битвы в Ведском лесу. Грангузье, глядя на него, подумал, что это вши, и сказал:

– Сынок! Ты что же это, занес к нам сюда ястребов из Монтегю? Разве ты там находился?

Понократ же ему на это ответил так:

– Ваше величество! Пожалуйста, не думайте, что я его поместил в этот вшивый коллеж, именуемый Монтегю¹⁹⁵. Скорее я отдал бы его нищей братии Невинноубиенных младенцев¹⁹⁶, – такие чудовищные творятся в Монтегю жестокости и безобразия. Мавры и татары лучше обращаются с каторжниками, в уголовной тюрьме лучше обращаются с убийцами, и, уж верно, в вашем доме лучше обращаются с собаками, чем с этими горемыками в коллеже Монтегю. Черт возьми, будь я королем в Париже, я бы сжег коллеж, а с ним и его начальника и всех его надзирателей, коль скоро они допускают такое зверское обращение! – Тут он поднял одно из ядер и сказал: – Это пушечные ядра, коими коварный враг стрелял в вашего сына Гаргантюа, когда он совершал переход через Ведский лес. Враги, однако ж, за это поплатились: они все погибли под развалинами замка, так же точно, как филистимляне, коих погубило хитроумие Самсона, или как те люди, на которых упала башня Силоамская, о чем говорится в *Евангелии от Луки*, в главе тринадцатой. И вот я полагаю, что, пока счастье нам улыбается, мы должны устремиться в погоню, ибо волосы у случая на лбу растут. А то если он от вас уплывет, вам потом не за что будет его ухватить: сзади он совершенно лыс, а лицом к вам он уже не повернется.

– Нет уж, только не сейчас, – сказал Грангузье, – нынче вечером я намерен вас чествовать. Милости просим!

Тут подали ужин, для которого, помимо всего прочего, было зажарено шестнадцать быков, три телки, тридцать два бычка, шестьдесят три молочных козленка, девяносто пять баранов, триста молочных поросят под превосходным соусом, двести двадцать куропаток, семьсот бекасов, четыреста луденских и корнуальских каплунов, шесть тысяч цыплят и столько же голубей, шестьсот рябчиков, тысяча четыреста зайцев, триста три дрофы и тысяча семьсот каплунов. Дичины сразу не удалось достать сколько требовалось; впрочем, настоятель Тюрпене-нейского аббатства¹⁹⁷ прислал одиннадцать кабанов; сеньор де Гранмон прислал в дар восемнадцать туш красного зверя; сеньор Дезессар прислал сто сорок фазанов, да еще набралось несколько десятков диких голубей, а также речной птицы, чирков, выпей, кроншнепов, ржа-

¹⁹³ Дополнения Дополнений к «Хроникам» (лат.). — Возможно, речь идет о книге с таким названием, выпущенной в 1503 г. Филиппом Бергамским.

¹⁹⁴ Канна – мера длины, равная 1, 98 м.

¹⁹⁵ Коллеж Монтегю находился в Париже на площади Св. Женевьевы. Славился своей грязью и драконовскими условиями проживания; дети голодали.

¹⁹⁶ ...братии Невинноубиенных младенцев... – Имеются в виду нищие с парижского кладбища Невинных.

¹⁹⁷ Настоятель Тюрпене-нейского аббатства – Филипп Юро де Северни, аббат Тюрпене-нейский (ум. 1539).

нок, лесных куропаток, казарок, сукальней, чибисят, турпанов, колпиц, цапель, молодых цаплят, водяных курочек, белых хохлатых цапель, аистов, стрепетов, красноперых фламинго (так называемых феникоптеров), индеек; сверх того, было подано изрядное количество супов и рагу.

Все это многое множество кушаний мастерски приготовили повара Грангузье: Оближи, Обглодай и Обсоси.

Жано, Микель и Вернет то и дело подливали вина.

Глава XXXVIII

О том, как Гаргантюа вместе с салатом проглотил шестерых паломников

Здесь кстати будет рассказать о том, что случилось с шестью паломниками, которые пришли из Сен-Себастьяна¹⁹⁸, что близ Нанта, и, убоявшись неприятеля, расположились на ночлег в огороде, под стеблями гороха, между капустой и латуком. Гаргантюа, почувствовав жажду, спросил, нет ли латука и нельзя ли сделать салат; когда же ему сказали, что латук здесь самый лучший и самый крупный во всей стране, величиною со сливовое или же с ореховое дерево, он пошел за латуком сам и нарвал сколько ему заблагорассудилось. Вместе с латуком он схватил и шестерых паломников, паломники же от страха пикнуть не смели.

Латук прежде всего промыли в источнике, и вот тут-то паломники зашептались:

– Как нам быть? Потонем мы в этом латуке. Разве заговорить? А заговоришь – он еще, пожалуй, убьет нас как лазутчиков.

Пока они рассуждали, Гаргантюа положил их вместе с латуком в салатник величиною с ситойскую бочку¹⁹⁹, полил маслом и уксусом, посолил, а затем, чтобы подзаправиться перед ужином, принялся все это уписывать и переправил уже себе в рот пятерых паломников. Шестой паломник забился под лист латука, но кончик его посоха все же торчал. Заметив это, Грангузье сказал Гаргантюа:

– По-моему, это рожок улитки. Не ешь ее.

– Почему? – возразил Гаргантюа. – Улитки в это время года особенно вкусны.

Тут он подцепил посох, поднял вместе с ним паломника и скушал его за мое почтение; потом запил это чудовищным глотком пино и вместе со всеми стал ждать ужина.

Будучи препровождены таким порядком в рот, паломники приложили все усилия, чтобы не попасть под жернова его зубов, и уже начали думать, что их заточили в какое-то глубокое подземелье; когда же Гаргантюа как следует отхлебнул, им показалось, что они сейчас утонут у него во рту, и точно: поток вина чуть было не унес их в пучину его желудка; однако, опираясь на посохи и перепрыгивая с места на место, ни дать ни взять – паломники, идущие на поклонение св. Михаилу, они наконец выбрались из подземелья и уже достигли зубов. К несчастью, один из них, на всякий случай ощупывая посохом дорогу, ткнул им в дупло одного зуба и, задев челюстной нерв, причинил Гаргантюа столь сильную боль, что тот, невзвидев света, завопил. Чтобы успокоить боль, Гаргантюа велел подать ему зубочистку и, приблизившись к ореховому дереву, мигом выковырял господ паломников. Одного вытащил за ноги, другого за плечи, третьего за суму, четвертого за кошель, пятого за перевязь, а того беднягу, которого угораздило долбануть его посохом, зацепил за гульфик; как бы там ни было, для Гаргантюа это вышло к лучшему, ибо паломник проткнул ему гнойный мешочек, мучивший его с той самой поры, как они миновали Ансени.

¹⁹⁸ Сан-Себастьян (Сан-Себастьян) – город в Испании, известное место паломничества.

¹⁹⁹ ...величиною с ситойскую бочку... – В аббатстве Сито в Бургундии возник орден цистерцианцев; бочка, о которой говорит Рабле, вмещала около 80 000 л.

Выковырянные паломники что было духу пустились бежать через виноградник, а боль у Гаргантюа мгновенно утихла.

В это самое время Эвдемон позвал его ужинать, так как все было готово.

– Дай сначала помочиться, авось легче будет, – отозвался Гаргантюа.

И тут он пустил такую струю, что она преградила паломникам путь, и пришлось им перебираться через многоводный поток. После этого, идя по краю перелеска, все они, за исключением Фурнилье, угодили в капкан, поставленный на волков, выбрались же они оттуда единственно благодаря находчивости помянутого Фурнилье, который порвал все шнуры и веревки. Остаток ночи они провели в лачужке близ Кудре, и тут один из их компании, по имени Неспеша, утешил их в несчастье добрым словом, доказав им, что это их приключение предсказано в одном из псалмов Давида.²⁰⁰

– *Cum exurgerent homines in nos, forte vivos deglutissent nos*²⁰¹, — когда нас съели вместе с присоленным салатом; *cum irasceretur furor eorum in nos, forsitan aqua absorbuisset nos*²⁰², — когда он как следует хлебнул; *torrentem pertransivit anima nostra*²⁰³, — когда мы перебирались через многоводный поток; *forsitan pertransivit anima nostra aquam intolerabilem*²⁰⁴ его мочи, которая нам отрезала путь. *Benedictus Dominus, qui non dedit nos in captionem dentibus eorum. Anima nostra sicut passer erepta est de laqueo venantium*²⁰⁵, — тут подразумевается капкан; *laqueus contritus est*²⁰⁶ рукою Фурнилье, *et nos liberati sumus. Adjutorium nostrum...*²⁰⁷ и так далее.

Глава XXXIX

О том, как Гаргантюа чествовал монаха и как прекрасно говорил монах за ужином

Как скоро Гаргантюа сел за стол и первые куски были проглочены, Грангузье повел рассказ о начале и причине войны между ним и Пикрохолом и, доведя свое повествование до того момента, когда брат Жан Зубодробитель одержал победу при защите монастырского виноградника, превознес его подвиг выше деяний Камилла, Сципиона, Помпея, Цезаря и Фемистокла. Тут Гаргантюа попросил сей же час послать за монахом, – он хотел посоветоваться с ним касательно того, как действовать дальше. Во исполнение его желания за монахом отправился дворецкий и немного погодя в веселом расположении духа с ним возвратился, причем брат Жан восседал на муле Грангузье, держа в руках перекладину от креста.

Брат Жан был встречен нескончаемыми кликами восторга, объятиями, приветствиями.

– А, брат Жан, дружище! Брат Жан, приятель! Брат Жан, черт тебя возьми, дай я тебя поцелую, дружок!

– Дай я тебя обниму!

– Поди сюда, блудодей, вот я тебя сейчас задушу!

А брат Жан знай посмеивался. Такого милого и обходительного человека прямо поискать!

– Ну-ка, ну-ка, – сказал Гаргантюа, – поставьте ему скамейку вот тут, подле меня!

²⁰⁰ ...предсказано в одном из псалмов Давида... – Здесь Рабле высмеивает привычку церковников по любому поводу обращаться к Священному писанию. Имеется в виду псалом 123.

²⁰¹ Когда б восстали на нас люди, то живых они поглотили бы нас (лат.).

²⁰² Когда б возгорелась ярость их на нас, воды потопили бы нас (лат.).

²⁰³ Поток перешла душа наша (лат.).

²⁰⁴ Перешла бы душа наша воды бурные (лат.).

²⁰⁵ Благословен Господь, который не дал нас в добычу зубам их. Душа наша спасена, как птица из сети ловцов (лат.).

²⁰⁶ Сеть расторгнута (лат.).

²⁰⁷ И мы вызволены. Опора наша... (лат.)

– Пожалуйста, куда прикажете, – сказал монах. – Паж, водички! Лей, дитя мое, лей! Это мне освежит печенку. Дай-ка сюда, я пополошу себе горло!

– *Deposita cappa*, — сказал Гимнаст, – рясу долой!

– Боже сохрани! – воскликнул монах. – Нет, милостивый государь, это нам не положено, – *in statutis Ordinis*²⁰⁸ есть насчет этого особый раздел.

– В задницу, в задницу ваш раздел! – заметил Гимнаст. – Ряса давит вам плечи, снимите ее!

– Друг мой, – сказал монах, – пусть она останется на мне, – ей-богу, мне в ней лучше пьется, от нее телу веселей. Ежели я ее скину, господа пажы наделают себе из нее подвязок, как это уже однажды со мной случилось в Кулене. Вдобавок у меня пропадет весь аппетит. А ежели я сяду за стол в этом самом одеянии, – вот тебе крест, я с легкой душой не только что за тебя, а и за твоего коня выпью! Мир честной компании! Я, правда, поужинал, но это мне не помешает есть за обе щеки, – желудок у меня луженый, он пуст внутри, как монашеский посошок, и всегда открыт, как мешок адвоката. Из всех рыб, не считая линя, говорит пословица, лучше всего крылышко куропатки или же окорочок монашки. Наш настоятель страсть как любит белое каплуные мясо.

– Этим он отличается от лисы, – заметил Гимнаст. – Лиса ни у каплунов, ни у кур, ни у цыплят ни за что не станет есть белое мясо.

– Почему? – спросил монах.

– Потому что у нее нет поваров, чтобы его варить, – отвечал Гимнаст, – а если мясо надлежащим образом не проварено, оно все будет красным, а не белым. Краснота мяса есть признак того, что оно не проварено, – исключение составляет лишь мясо омаров и раков: их посвящают в кардиналы, когда варят.

– Свят, свят, свят! – воскликнул монах. – Стало быть, у нашего монастырского лекаря плохо проварена голова, – глаза у него красные, как миски из ольхи... Вот это заячье бедро полезно было бы подагрику. Кстати, отчего это бедра у девушек всегда бывают прохладные?

– Этим вопросом не занимались ни Аристотель, ни Александр Афродисийский, ни Плутарх, – отвечал Гаргантюа.

– Существует три причины, в силу которых то или иное место естественным образом охлаждается, – продолжал монах. – *Primo*²⁰⁹, когда берега его омываются водой; *secundo*²¹⁰, если это место тенистое, темное, сумрачное, куда не проникает солнечный свет, и, в-третьих, если оно беспрестанно овеивается ветрами, дующими из теснины, а также производимыми колыханием сорочки и в особенности колыханием гюльфика... А ну, веселей! Паж, плесни нам еще!.. Чок, чок, чок!.. Надо Бога благодарить за такое славное вино!.. Живи я во времена Иисуса Христа, – вот как Бог свят, я бы не дал евреям схватить его в Гефсиманском саду! Черт побери, да я бы господам апостолам поджилки перерезал за то, что они испугались и убежали после сытного ужина, а доброго своего учителя покинули в беде! Хуже всякой отравы для меня те люди, которые удирают, когда нужно взяться за ножи. Эх, побыть бы мне французским королем лет этак восемьдесят или сто! Ей-богу, я бы выхолостил всех, кто бежал из-под Павии²¹¹! Лихорадка им в бок! Почему они, вместо того чтоб погибнуть, бросили доброго своего государя на произвол судьбы? Разве не лучше, разве не почетнее – умереть, доблестно сражаясь, чем остаться жить, позорно бежав?.. В нынешнем году нам уж гусями не полакомиться. Эй, будь другом, отрежь-ка мне свининки!.. А то ведь уж давно стоит, – стаканчик-то давно передо мной

²⁰⁸ В уставе ордена (лат.).

²⁰⁹ Во-первых (лат.).

²¹⁰ Во-вторых (лат.).

²¹¹ ...я бы выхолостил всех, кто бежал из-под Павии! – Разгром французских войск итальянцами при Павии 24 февраля 1525 г. больно ударил по патриотическим чувствам французов.

стоит! *Germinavit radix Jesse*²¹². Дьявольщина, я умираю от жажды!.. А вино-то ведь неплохое! Вы что пили в Париже? Мой дом в Париже более полугода был открыт для всех, ей-ей, не вру!.. Вы знакомы с братом Клавдием из Верхнего Баруа? То-то добрый собутыльник! Какая, однако ж, муха его укусила? С некоторых пор он все только учится да учится. А вот я ничему не учусь. Мы в нашем аббатстве ничему не учимся – боимся свинкой заболеть. Наш покойный аббат говорил, что ученый монах – это чудовище. Ей-богу, любезный друг, *magis magnos clericos non sunt magis magnos sapientes...*²¹³ Если бы вы знали, какая в этом году гибель зайцев! Жаль, нигде я не мог раздобыть ни ястреба, ни кречета. Господин де ла Беллоньер пообещал мне сапсана, а на днях прислал письмо: птица-де стала задыхаться. От куропаток в этом году отбою не будет. Ну да я не любитель расставлять силки, – как раз простуду схватишь. Если я не бегаю туда-сюда, не мечусь, мне все как-то не по себе. Вот только начнешь махать через изгороди да кусты – сейчас же ряса в клочья. Славной борзой я обзавелся. Уж она зайца не упустит, черта с два! Лакей вел ее к господину де Молеврие, ну, а я ее отнял. Дурно я поступил?

– Нисколько, брат Жан, – отвечал Гимнаст, – нисколько, клянусь тебе всеми чертями, нисколько!

– Ну так за чертей, пока они существуют! – подхватил монах. – Бог ты мой, на что этому хромцу борзая! Подарить бы ему пару волов, – истинный Бог, это бы его куда больше порадовало!

– Отчего это вы, брат Жан, все время божитесь? – спросил Понократ.

– Это только для красоты слога, – отвечал монах. – Это цветы Цицероновой риторики.

Глава XL

Отчего миряне избегают монахов и отчего у одних носы длиннее, чем у других

– Клянусь христианской верой, – воскликнул Эвдемон, – благовоспитанность этого монаха наводит меня на глубокие размышления! Он нас тут всех распотешил, а почему же тогда монахов называют бичами веселья и изгоняют из всякой славной компании, подобно тому как пчелы гонят из ульев трутней?

*Ignavum fucos pecus a presepihus arcent*²¹⁴, —

говорит Марон.

На это ему Гаргантюа ответил так:

– Не подлежит сомнению, что ряса и клобук навлекают на себя со всех сторон поношения, брань и проклятия, так же точно, как ветер, Цециасом называемый, нагоняет тучи. Основная причина этого заключается в том, что монахи пожирают людские отбросы, то есть грехи, и, как дерьмоедам, им отводят места уединенные, а именно монастыри и аббатства, так же обособленные от внешнего мира, как отхожие места от жилых помещений. Далее, если вам понятно, отчего все в доме смеются над обезьяной и дразнят ее, то вам легко будет понять и другое: отчего все, и старые и молодые, чуждаются монахов. Обезьяна не сторожит дома в отличие от собаки, не тащит плуга в отличие от вола, не дает ни молока, ни шерсти в отличие от овцы, не возит тяжестей в отличие от коня. Она только всюду гадит и все портит, за что и получает от всех насмешки да колотушки. Равным образом монах (я разумею монахов-тунеядцев) не

²¹² Пустил росток корень Иессеев (*лат.*).

²¹³ Великие духовные лица не бывают великими учеными (*средневеков. лат.*).

²¹⁴ Трутней ленивых народ от ульев без жалости гонит (*лат.*). – цитата из «Георгик» Вергилия (IV, 168). Перевод С. Аверинцева.

пашет землю в отличие от крестьянина, не охраняет отечество в отличие от воина, не лечит больных в отличие от врача, не проповедует и не просвещает народ в отличие от хорошего проповедника и наставника, не доставляет полезных и необходимых государству предметов в отличие от купца. Вот почему все над монахами глумятся и все их презирают.

– Да, но они молятся за нас, – вставил Грангузье.

– Какое там! – молвил Гаргантюа. – Они только терзают слух окрестных жителей дилинбомканьем своих колоколов.

– Да, – сказал монах, – хорошенько отзвонить к обедне, к утрени или же к вечерне – это все равно что наполовину их отслужить.

– Они вам без всякого смысла и толка пробормочут уйму житий и псалмов, прочтут бесчисленное множество раз «Pater noster»²¹⁵ попеременно с бесконечными «Ave Maria»²¹⁶, и при этом сами не понимают, что такое они читают, – по-моему, это насмешка над Богом, а не молитва. Дай Бог, если они молятся в это время за нас, а не думают о своих хлебах да жирных супах. Всякий истинный христианин, кто бы он ни был и где бы ни находился, молится во всякое время, а Дух Святой молится и предстательствует за него, и Господь ниспосылает ему свои милости. Так поступает и наш добрый брат Жан. Вот почему все жаждут его общества. Он не святоша, не голодранец, он благовоспитан, жизнерадостен, смел, он добрый собутыльник. Он трудится, пашет землю, заступает за утесненных, утешает скорбящих, оказывает помощь страждущим, охраняет сады аббатства.

– Я еще и не то делаю, – сказал монах. – За панихидой или же утреней я стою на клиросе и пою, а сам в это время мастерю тетиву для арбалета, оттачиваю стрелы, плету сети и силки для кроликов. Я никогда без дела не сижу. А теперь, дети, выпьем! Выпьем теперь, дети! Поддай-ка мне каштанов! Это каштаны из Этросского леса²¹⁷, – вот я сейчас и выпью под них доброго холодного винца. Что же это вы так медленно раскачиваетесь? Я, как лошадь сборщика, пью из каждого ручейка, ей-богу!

Гимнаст ему сказал:

– Брат Жан, у вас на носу капля.

– Ха-ха! – засмеялся монах. – Вы думаете, что если я в воде по самый нос, стало быть, сейчас утону? Не бойтесь, не утону. *Quare? Quia*²¹⁸ выйти она из носа выйдет, а обратно не войдет: мой нос весь внутри зарос. Ах, друг мой, если б кто-нибудь сшил себе на зиму сапоги из такой кожи, как моя, он бы в них смело мог ловить устриц – нипочем бы эти сапоги не промокли!

– Отчего это у брата Жана такой красивый нос? – спросил Гаргантюа.

– Оттого что так Богу было угодно, – отвечал Грангузье. – Каждому носу Господь придает особую форму и назначает особое употребление, – он так же властен над носами, как горшечник над своими сосудами.

– Оттого что брат Жан одним из первых пришел на ярмарку носов, – сказал Понократ, – вот он и выбрал себе какой покрасивее да покрупнее.

– Ну, ну, скажут тоже! – заговорил монах. – Согласно нашей истинной монастырской философии это оттого, что у моей кормилицы груди были мягкие. Когда я их сосал, мой нос уходил в них, как в масло, а там уж он рос и поднимался, словно тесто в квашне. От тугих грудей дети выходят курносые. А ну, гляди весело! *Ad formam nasi cognoscitur ad Te levavi...*²¹⁹ Варенья я не ем. Плесни-ка нам, паж! *Item*²²⁰ гренков.

²¹⁵ «Отче наш» (лат.).

²¹⁶ «Богородице, Дево, радуйся» (лат.).

²¹⁷ ...каштаны из Этросского леса... – Кантон Сент-Эрмин (Вандея), где находился упомянутый лес, славился своими каштанами.

²¹⁸ Почему? Потому что (лат.).

²¹⁹ По носу узнаешь, как «К Тебе вздымаю я» (лат.). – первые слова псалма 122, которые брат Жан использует в непри-

Глава XLI

О том, как монах усыпил Гаргантюа, о служебнике его и о том, как он читал часы

После ужина стали совещаться о неотложных делах, и решено было около полуночи отправиться в разведку, дабы испытать бдительность и проворство врага, а пока что решили слегка подкрепить свои силы сном. Гаргантюа, однако ж, никак не мог уснуть. Наконец монах ему сказал:

– Я никогда так хорошо не сплю, как во время проповеди или же на молитве. Я вас прошу: давайте вместе начнем семипсалмие, и вы сей же час заснете, уверяю вас!

Гаргантюа весьма охотно принял это предложение, и в самом начале первого псалма, на словах *Beati quorum*²²¹ они оба заснули. Монах, однако ж, проснулся как раз около полуночи – в монастыре он привык в это время вставать к утрени. Проснувшись, он тут же разбудил всех, ибо запел во все горло песню:

Эй, Реньо, очнись, проснись,
Эй, Реньо, да ну, вставай же!*

Когда все проснулись, он сказал:

– Господа! Говорят, что утрени начинается с откашливания, а ужин с возлияния. А мы давайте наоборот: утрени начнем с возлияния, а вечером, перед ужином, прокашлиаемся всласть.

Тут Гаргантюа сказал:

– Пить спозаранку, тотчас же после сна, – это против правил медицины. Прежде надлежит очистить желудок от излишков и экскрементов.

– Нет, это очень даже по-медицински! – возразил монах. – Сто чертей мне в глотку, если старых пьяниц на свете не больше, чем старых докторов! Я с моим аппетитом заключил договор, по которому он обязуется ложиться спать вместе со мной, и целый день я за ним слежу, а просыпаемся мы с ним тоже одновременно. Вы себе сколько душе угодно принимайте ваши слабительные, а я прибегну к моему рвотному.²²²

– Какое рвотное вы имеете в виду? – спросил Гаргантюа.

– Мой служебник, – отвечал монах. – Сокольничие, перед тем как дать своим птицам корму, заставляют их грызть куриную ножку, – это очищает их мозг от слизи и возбуждает аппетит. Так же точно и я беру по утрам веселенький мой служебничек, прочищаю себе легкие, а после этого мне только лей – не жалея.

– Какого чина придерживаетесь вы, когда читаете часы? – спросил Гаргантюа.

– Как придется – вот чего я придерживаюсь, – отвечал монах. – Иной раз читаю по три псалма и по три отрывочка из Священного писания, а нет охоты, так и совсем ничего. Я себя часами не утруждаю – не человек для часов, а часы для человека. Словом сказать, я поступаю с ними, как все равно со стремленными ремнями – укорачиваю и растягиваю, как мне вздумается: *brevis oratio penetrat celos, longa potatio evacuat cyphos*²²³. Кто это сказал?

– Честное слово, блудодейчик, не знаю, – молвил Понократ. – Однако ж ты молодчина!

стойном смысле.

²²⁰ Еще (лат.).

²²¹ Блажен, кому (отпущены беззакония) (лат.). – начало псалма 31.

²²² ...Я прибегну к моему рвотному. – Речь идет о фляжке с вином в виде требника.

²²³ Краткая молитва достигает небес, долгое питье опорожняет чаши (лат.).

– Весь в вас пошел, – отвечал монах. – А теперь *venite apotemus*.²²⁴

Тут принесли невесть сколько жаркого, а к нему ломтики хлеба, смоченные в супе, и монах начал пить в свое удовольствие. Некоторые составили ему компанию, прочие отказались. Затем все начали собираться в поход и надевать бранные доспехи, при этом брата Жана облекли в доспехи против его желания, ибо он сначала и слышать ни о чем не хотел, кроме как о том, чтобы прикрыть живот рясой, а в руку взять перекладину от креста. Однако, не желая огорчать соратников, он все же вооружился до зубов и, привесив сбоку булатный меч, воссел на доброго неаполитанского скакуна, и вместе с ним выступили в поход Гаргантюа, Гимнаст, Эвдемон и еще двадцать пять самых храбрых слуг Грангузье, все в полном вооружении, все на конях и с копьями, как святой Георгий, а позади каждого воина на крупе коня сидел стрелок.

Глава XLII

О том, как монах ободрял соратников и как он повис на дереве

Итак, доблестные воины отправляются на поиски приключений, точно условившись перед отбытием, в каких случаях, если пробьет час великого и страшного сражения, должно давать бой, в каких – уклоняться. А монах знай подбадривает их:

– Дети мои, не бойтесь и не пугайтесь! Я поведу вас верным путем. С нами Бог и святой Бенедикт! Будь я так же силен, как и удал, я бы всех наших супостатов, пропади они пропадом, ощипал, как уток! Я не боюсь ничего, кроме артиллерии. Впрочем, подпономарь нашего аббатства дал мне одну молитву, – она охраняет человека от всякого огнестрельного оружия, только мне-то она ни к чему, потому как я в нее вот настолько не верю. А уж этой самой перекладиной я наделаю дел! Клянусь Богом, задай кто из вас стрекача, так пусть меня черт возьмет, ежели я не сделаю его вместо себя монахом и не наряжу в свою рясу, – ряса ведь помогает от трусости. Слыхали вы когда-нибудь про борзого кобеля господина де Мерля? Как охотничья собака, он сплоховал, а хозяин накинул на него рясу. Клянусь телом Христовым, с тех пор он уж не упустил ни лисы, ни зайца, и это еще что: он покрыл всех сучек в околотке, а ведь прежде он был по этой части слаб, *de frigidis et maleficiatis*.²²⁵

Брат Жан в сердцах произносил эти слова, как раз когда он, держа путь к Соле, проезжал под ореховым деревом, и тут забрало его шлема зацепилось за обломленный край толстого сука. Невзирая на это обстоятельство, монах изо всех сил пришпорил коня, конь же его не выносил шпор: он скакнул вперед, монах, силясь отцепить забрало, выпустил поводья и ухватился рукой за сук, а в это время конь из-под него вырвался. Монах вследствие этого повис на дереве и стал звать на помощь, кричать «караул» и всех обвинять в измене.

Эвдемон заметил его первый и обратился к Гаргантюа:

– Государь, посмотрите поближе на этого висящего Авессалома!²²⁶

Гаргантюа подъехал и, увидев, какое положение принял монах и как именно он повис, сказал Эвдемону:

– Сравнив его с Авессаломом, вы отступили от истины. Авессалом запутался волосами, а у монаха голова бритая, и его держат уши.

– Помогите же мне, черт бы вас всех побрал! – кричал монах. – Нашли время лясы точить! Вы вроде проповедников-декреталистов, которые говорят, что ежели нашему ближнему грозит смертельная опасность, то мы под страхом троекратного отлучения должны

²²⁴ Приидите, выпьем (*лат.*). — шутивная переделка молитвы «*Venite adoremus*» («Приидите, поклонимся»).

²²⁵ О чуждых любовному пылу и подвергшихся злему воздействию колдовства (*лат.*). — название одного из разделов «Декреталий», свода постановлений римских пап.

²²⁶ ...на этого висящего Авессалома! — Авессалом, сын царя Давида, восстал против отца. Во время происходившей в лесу битвы зацепился кудрями за ветви дуба и повис в воздухе.

прежде убедить его исповедаться и воспринять благодать, а потом уже оказывать ему помощь. Ну так когда кто-нибудь из этих проповедников упадет на моих глазах в воду и станет тонуть, я, вместо того чтобы броситься к нему и протянуть руку, прочту ему длинную проповедь *de contemptu mundi et fuga seculi*²²⁷, а когда уж он совсем застынет, тут только я его вытащу.

– Не дрыгай ногами, душенька, – сказал Гимнаст, – я тебя сейчас сниму, уж очень ты милый *monachus*:

Monachus in clauistro
Non valet ova duo;
Sed quando est extra,
Bene valet triginta.²²⁸

Я видел на своем веку более пятисот повешенных, но никто еще не болтался на дереве с таким изяществом, как ты. Будь я столь же изящен, я бы согласился провисеть так всю жизнь.

– Да перестанете вы проповедовать? – возопил монах. – Помогите мне ради Господа Бога, если не хотите помочь во имя кого-то другого! Клянусь моей рясой, вы об этом еще пожалеете *tempore et loco prelibatis*.²²⁹

Тут Гимнаст соскочил с коня, вскарабкался на дерево и одной рукой подхватил монаха под мышки, другой же отцепил его забрало от сука, по каковой причине монах повалился на землю, а следом за ним спрыгнул Гимнаст.

Сверзившись, монах тотчас же сбросил с себя все свое вооружение и доспех за доспехом расшвырял его по полю, засим схватил перекладину от креста и вскочил на своего коня, которого на бегу перехватил Эвдемон.

После этого ратники в веселом расположении духа поехали дальше, по направлению к Соле.

Глава XLIII

О том, как Пикрохолова разведка наткнулась на Гаргантюа, и о том, как монах убил военачальника Улепета, а затем попал к неприятелю в плен

Уцелевшие от разгрома, во время которого был растрепан Трипе, донесли Пикрохолу, что на его людей совершили нападение черти, и весть эта привела Пикрохолоу в совершенное неистовство; всю ночь он держал совет, на котором Бедокур и Фанфарон утверждали, что могущество его таково, что он разобьет всех чертей ада, если только они на него ополчатся, чему сам Пикрохол и верил и не верил.

Как бы то ни было, он выслал в разведывательных целях отряд легкой кавалерии под командой графа Улепета численностью в тысячу шестьсот всадников, причем все они были тщательно окроплены святой водой и у каждого из них вместо знака отличия красовалась в виде перевязи епитрахиль на тот случай, если они столкнутся с чертями, которые от григорианской воды²³⁰ и от епитрахилей должны были неминуемо исчезнуть и расточиться. Так они доехали почти до самого Лавогюйона и Маландри, но, ни от кого не получив нужных сведений, повернули обратно и, поехав верхней дорогой, неподалеку от Кудре обнаружили в пасту-

²²⁷ О презрении к миру и бегстве соблазнов его (лат.).

²²⁸ Монах: Видишь в келье чернеца? Он не стоит и яйца. Повстречай его в пути: Сразу стоит десяти. *средневеков. лат.*). – Перевод С. Аверинцева.

²²⁹ В свое время на своем месте (лат.).

²³⁰ Григорианская вода – вода, освященная по обряду, введенному папой Григорием Великим (VI в.).

пешкой то ли хижине, то ли лачужке пятерых паломников, коих они тут же связали веревкой и, невзирая на их вопли, заклинания и мольбы, как лазутчиков увели с собой. Когда же они спустились к Сейи, их заметил Гаргантюа.

– Братцы, – сказал он своим людям, – вон неприятельский разъезд, вдесятеро превосходящий нас числом. Как вы полагаете, ударить нам на них?

– А почему бы нет, черт возьми? – молвил монах. – Неужто вы судите о людях по их численности, а не по их доблести и отваге? – И, не долго думая, он крикнул: – Ударим, черти, ударим!

Когда до врагов донеслись эти крики, они, разумеется, подумали, что это самые настоящие черти, и, бросив поводья, обратились в бегство, за исключением Улепета, – он взял копье наперевес и со всего размаху ударил монаха в грудь, однако железный наконечник его копья мгновенно притупился о грозную рясу монаха: это было все равно, как если бы вы тоненькой свечечкой ударили по наковальне. Вслед за тем монах так хватил его переключиной между шеей и воротником, прямо по кости, именуемой «акромион», что тот обмер, лишился чувств и как подкошенный свалился к ногам коня. Тут только заметил монах, что перевязью служила ему епитрахиль.

– Стало быть, он всего-навсего священник, – сказал он Гаргантюа, – а ведь это лишь малая толика монаха. Я же, клянусь святым Иоанном, я – монах заправский, и я вам их всех перебью как мух.

Тут он вскачь понесся за ними, нагнал тех, что ехали сзади, и, нанося удары направо и налево, перемолотил их, как пшеницу.

Гимнаст немедленно обратился к Гаргантюа с вопросом, должны ли они преследовать отступающих.

– Ни в коем случае, – отвечал Гаргантюа. – Согласно истинной военной науке никогда не следует доводить врага до крайности: если он удручен и изнеможен, то отчаяние придает ему сил и вселяет в него бодрость, ибо отнять у людей растерявшихся и измученных всякую надежду на спасение – значит наделить их спасительнейшим средством. Сколько побед было вырвано побежденными из рук победителей единственно потому, что победители наперекор здравому смыслу стремились к полному и окончательному уничтожению и истреблению врага, не думая о том, что следует хоть кого-нибудь оставить в живых, чтобы было кому явиться вестником их победы! Всегда оставляйте неприятелю все ворота и дороги открытыми, сооружайте ему серебряный мост, чтобы облегчить отступление.

– Так-то оно так, – заметил Гимнаст, – да ведь наш добрый монах бросился в погоню.

– Наш добрый монах? – спросил Гаргантюа. – Ну так им несдобровать, клянусь честью! На всякий случай, однако ж, подождем немного, побудем пока здесь, в сторонке. По-моему, я достаточно хорошо изучил повадку наших врагов, – они полагаются на судьбу, а не на здравый смысл.

Меж тем как они стояли в орешнике, монах все еще гнал врага, разя всех, кого встречал на своем пути, и никому не давая пощады, и наконец увидел всадника, везшего на крупе одного из несчастных паломников. И как скоро брат Жан замахнулся, паломник возопил:

– Господин настоятель, милый! Господин настоятель! Спасите меня, умоляю вас!

При этих словах враги обернулись и, удостоверившись, что свирепствует тут один только монах, принялись колотить его кто во что горазд, но ему совсем не было больно, даже когда удары приходились по рясе, – такая у него оказалась толстая кожа. Затем враги приставили к нему двух лучников и, поворотив коней, удостоверились, что никого больше не видно, из чего они сделали вывод, что Гаргантюа со всем своим отрядом бежал. Тогда они стремглав помчались по направлению к Нуарет, дабы настигнуть Гаргантюа, монаха же оставили под охраной двух лучников.

Заслышав конское ржание и топот копыт, Гаргантюа обратился к своим людям:

– Братцы! Я слышу, как скачут наши враги, и уже различаю отдельных всадников из этого полчища, что мчится на нас. Сомкнем же наши ряды, выстроимся по всем правилам на дороге, и предстоящее сражение послужит нам к чести, а им принесет гибель!

Глава XLIV

О том, как монах избавился от своей охраны и как была разбита Пикрохолова разведка

Итак, враги впопыхах умчались, и это навело монаха на мысль, что они устремились в погоню за Гаргантюа и его людьми, каковая мысль глубоко огорчила его, ибо он не в состоянии был помочь соратникам. Понаблюдав за двумя лучниками, он убедился, что их так и подмывает броситься вслед за однополчанами, чтобы и на их долю хоть что-нибудь да перепало, – они всё поглядывали в сторону долины, куда спускались их товарищи. В конце концов он рассудил так:

«Сейчас видно, что мои часовые в ратном искусстве не искушены, – они даже не взяли с меня клятвы, что я не убегу, и не отобрали меча».

Затем он неожиданно выхватил этот самый меч и, ударив лучника, находившегося справа от него, перерезал ему шейные вены и сфенитидные артерии, а заодно и язычок, вплоть до миндалин, вторым же ударом обнажил спинной мозг между вторым и третьим позвонками, после чего лучник приказал долго жить.

Тогда монах, поворотив коня налево, наехал на другого лучника, а тот, видя, что его товарищ мертв, монах же на него насаждает, заорал во всю мочь:

– Ай, ай, ай, господин настоятель, я сдаюсь! Господин настоятель, родной мой, господин настоятель!

А монах свое:

– Не просите меня столь настоятельно, все равно я вам, мой дорогой, накладу по-настоящему!

– Ай, ай, ай! – стenal лучник. – Господин настоятель, голубчик вы мой, помощи вам Бог стать аббатом!

– Клянусь моей рясой, я вас посвящу в кардиналы! – объявил монах. – Вы с духовных особ берете выкуп? Ну так я вам сейчас вручу кардинальскую красную шапку.

А лучник свое:

– Господин настоятель, господин настоятель, господин будущий аббат, господин кардинал, господин все что хотите! Ах! Ох! Ах! Не надо, господин настоятель, миленький мой, господин настоятель, я вам сдаюсь!

– А я тебя сдам всем чертям, – объявил монах.

И тут он одним ударом рассек ему голову – он пробил ему черепную коробку над самой височной костью, разворотил обе теменные кости, вместе со стреловидным мостом и большею частью лобной кости, а заодно проткнул обе мозговые оболочки и глубоко проник в боковые желудочки, так что затылок, держась на одном только кожном покрове черепной надкостницы, повис над плечами наподобие докторской шапочки, черной снаружи и красной внутри. Вслед за тем лучник неподвижно распростерся на земле.

Покончив с лучниками, монах дал шпоры коню и устремился по пути следования врагов, враги же схватились с Гаргантюа и его отрядом на большой дороге, и число их к этому времени значительно поубавилось, ибо Гаргантюа при помощи своего огромного дерева и при содействии Гимнаста, Понократа, Эвдемона и других учинил им столь великое побоище, что от ужаса у них расстроились чувства и помрачился разум, как если бы перед ними предстала смерть в подлинном своем образе и обличье, и они поспешно начали отступать.

Подобно тому как осел, под хвостом у которого овод Юноны²³¹ или же муха, мчится, не разбирая дороги, сбрасывая наземь поклажу, обрывая недоуздок и поводья, ни разу не передохнув и не остановившись, причем со стороны невозможно понять, чего это он так припустился, оттого что вам не видно, что именно его беспокоит, – так же точно бежали обезумевшие эти люди, сами не зная, почему они бегут: их подгонял панический страх, вселившийся в их души.

Тогда монах, видя, что все их помыслы направлены к тому, чтобы как можно скорее утечь, соскочил с коня, взобрался на большой придорожный камень и, не жалея и не щадя собственных сил, стал поражать беглецов смертоносными ударами грозного своего меча. И столько он умертвил и уложил на месте, что в конце концов меч его разломился на две части. Тут он рассудил, что резню и избиение нужно приостановить, – уцелевшие пусть себе бегут и разносят весть о случившемся.

Все же он поднял секиру одного из убитых, снова взобрался на камень и, следя за тем, как враги бегут и как они натываются на мертвые тела, принуждал их бросать пики, шпаги, копья и пищали; тех же, кто вез с собою связанных паломников, он вышиб из седел, а коней отдал вышеупомянутым паломникам, и велел он им стать неподалеку от него, на опушке леса, рядом с Фанфароном, которого он взял в плен.

Глава XLV

О том, как монах доставил паломников и какое прекрасное слово сказал им Грангузье

Как скоро сшибка кончилась, Гаргантюа со всем своим отрядом, за исключением монаха, поехал обратно, и к вечеру он уже был у Грангузье, а Грангузье в это время, лежа в постели, молил Бога сохранить их и даровать им победу; когда же он увидел, что все они целы и невредимы, то расцеловал их от полноты чувств и спросил про монаха. Гаргантюа же ему на это ответил, что монах, вне всякого сомнения, у врагов.

– Ну так они сами не рады будут, – заметил Грангузье.

И он был прав. Недаром у нас до сих пор существует поговорка: *подпустить кому-нибудь монаха*.

Затем, рассудив, что им необходимо подкрепиться, он велел слугам накормить их, да посытнее. Когда же все было подано, позвали Гаргантюа, однако ж он был так огорчен исчезновением монаха, что не мог ни пить, ни есть.

Но тут неожиданно-негаданно появился монах и, еще стоя в воротах, крикнул:

– Гимнаст, братец, холоденького винца мне, холоденького винца!

Выйдя во двор, Гимнаст удостоверился, что это точно брат Жан, а с ним пять паломников и пленный Фанфарон. Потом навстречу ему вышел Гаргантюа и, оказав ему чрезвычайно радушный прием, повел прямо к Грангузье, и тот стал его расспрашивать, что с ним приключилось. Монах рассказал ему обо всем: как его взяли в плен, как он избавился от лучников, какую резню учинил он на большой дороге, как он отбил паломников и угнал в плен военачальника Фанфарона. После этого начался у них веселый пир.

За столом Грангузье, обратясь к паломникам, любопытствовал, из какого они края и откуда и куда путь держат.

Неспеша ответил за всех:

²³¹ Овод Юноны. – Зевс превратил одну из своих возлюбленных, аргосскую царевну Ио, в корову; его обезумевшая от ревности супруга Гера (у римлян – Юнона) напустила на Ио чудовищного овода.

– Государь! Я – из Сен-Жну, что в Берри, вот он – из Паллюо, этот – из Онзе, вот тот – из Аржи, тот – из Вильбернена. Ходили мы в Сен-Себастьян, что близ Нанта, а теперь, то там, то здесь устраивая привалы, идем восвояси.

– Так, так, – молвил Грангузье. – А зачем вы ходили в Сен-Себастьян?

– Мы ходили помолиться святому, чтобы он чуму от нас отвел, – отвечал Неспеша.

– Да вы что, с ума сошли? – воскликнул Грангузье. – Неужели вы думаете, что святой Севастьян насылает чуму?

– Еще как насылает! – подтвердил Неспеша. – Это мы знаем от нашего проповедника.

– Что? – воскликнул Грангузье. – Эти лжепророки распространяют подобные суеверия? Клевещут на святых угодников Божиих, уподобляют их бесам, которые только и делают, что сеют в мире зло? Это все равно как у Гомера на греческое войско насылает чуму Аполлон, а другие поэты навывдумывали целое сонмище разных Вейовисов²³² и злых богов. Так же вот в Сине некий ханжа проповедник поучал, что святой Антоний палит огнем ноги, святой Евтропий насылает водянку, святой Гильда – сумасшествие, а святой Жну – подагру. Я его примерно наказал, и хотя он обозвал меня еретиком, однако с того времени ни один ханжа не посмел сунуть нос в мои владения. Так вот, я диву даюсь, как это ваш король не возбранит им проповедовать в его королевстве этакую дичь, – их должно еще строже наказывать, нежели тех, кто насылает чуму при помощи магии и всякого иного колдовства. Чума убивает тело, а эти чертовы обманщики отравляют души бедных простых людей.

В то время как он держал эту речь, с самым решительным видом вошел монах и спросил:

– Вы откуда, горемыки?

– Из Сен-Жну, – отвечали паломники.

– А как там поживает добрый кутила аббат Траншлион²³³? – спросил монах. – А что у вас едят монахи? Вот как Бог свят, пока вы тут паломничаете, присоединятся они к вашим женам!

– Гм! Гм! За свою-то я не боюсь, – признался Неспеша, – кто ее увидит днем, тот не станет ломать себе шею ради того, чтобы навестить ее ночью.

– Ну, это еще бабушка надвое сказала! – заметил монах. – Твоя жена может быть так же уродлива, как Прозерпина, но если только где-нибудь поблизости завелись монахи, они уж ей проходу не дадут, и то сказать: хороший мастер для всякой вещи найдет применение. Пусть я заболел дурной болезнью, ежели по возвращении вы не найдете, что женки ваши растолстели, потому как даже в тени от монастырской колокольни есть нечто оплодотворяющее.

– Это вроде нильской воды в Египте, если только верить Страбону, – вставил Гаргантюа. – А Плиний в книге седьмой, главе третьей утверждает, что на плодovitость влияют также одежды, телосложение и питание.

Тут Грангузье сказал:

– Идите себе с Богом, бедные люди, да будет вечным вашим вожатаем сам Творец, и впредь не пускайтесь вы в столь бесцельные и беспрокие странствия. Заботьтесь о семьях ваших, трудитесь всяк на своем поприще, наставляйте ваших детей, – словом, живите, как учит вас святой апостол Павел. И тогда вы будете Богом хранимы, ангелы и святые от вас не отступятся и не страшны вам будут ни чума, ни какая-либо иная болезнь.

Затем Гаргантюа провел их в столовую на предмет принятия пищи, однако ж паломники всё только вздыхали и твердили Гаргантюа:

– Блажен тот край, где царствует такой человек! Его слова сильнее укрепили нас в вере и просветили, нежели все проповеди, какие нам довелось слышать в нашем городе.

²³² *Вейовис* — так Эразм Роттердамский, вслед за Авлом Геллием (см. примеч. к с. 32) именует творящих зло богов («Похвала глупости», гл. XLVI).

²³³ *Аббат Траншлион* – Антуан де Траншлион, аббат Сен-Жну и Вернюза. Известен был тем, что промотал все монастырское добро.

– Вот об этом-то и говорит Платон в пятой книге *De rep.*, — заметил Гаргантюа, — государства только тогда будут счастливы, когда цари станут философами или же философы — царями.

Затем он велел наполнить их сумы съестными припасами, а фляги — вином и, дабы облегчить им остаток пути, каждому из них дал по коню и денег на харчи.

Глава XLVI

О том, как великодушно поступил Грангузье с пленным Фанфароном

Фанфарона привели к Грангузье, и тот его спросил, что замышляет и затевает Пикрохол и какую цель преследует он внезапным этим переполохом. Фанфарон же ему на это ответил, что намерение и цель Пикрохола — завоевать, буде окажется возможным, всю страну в отместку за обиду, причиненную пекарям.

– Это он уж очень размахнулся, — заметил Грангузье, — на чужой каравай рта не разевай. Времена нынче не те, чтобы завоевывать королевства в ущерб ближнему своему, брату во Христе. Он берет пример с древних, со всех этих Геркулесов, Александров Македонских, Ганнибалов, Сципионов, Цезарей и прочих, но ведь это противоречит евангельскому учению, а по евангельскому учению нам надлежит охранять и оборонять собственные наши земли, владеть ими и править, а не вторгаться с враждебными целями в чужие, и что в былые времена у сарацин и варваров именовалось подвигами, то ныне мы зовем злодейством и разбоем. Сидеть бы ему у себя дома и блюсти в нем порядок, как подобает королю, а не осквернять мой дом и не грабить его дотла, ибо, блюдя надлежащий порядок, он приумножил бы свое достояние, обирая же меня, он сам разорится.

Идите с Богом, живите по правде, указывайте вашему королю на его оплошности и ни в коем случае не давайте ему советов, исходя только из собственной выгоды, ибо вместе с общим достоянием всегда гибнет и частное. Что же касается причитающегося с вас выкупа, то я с вас его не возьму, а кроме того, велю возвратить вам коня и оружие.

Вот как должны поступать соседи и старинные друзья, тем более что распря наша не есть еще настоящая война, — вспомним, что Платон в книге пятой *De rep.*, говоря о вооруженных столкновениях греков между собой, вместо слова «война» употребляет слово «смута» и советует, если уж случится такая напасть, соблюдать величайшую умеренность. Если вы, однако, называете это войной, то все же это война поверхностная, она не проникла в тайники наших душ, ибо честь ни у кого из нас не была задета, и в общем речь идет лишь о том, чтобы исправить ошибку, допущенную нашими людьми, то есть и вашими и нашими, на каковую ошибку вам следовало посмотреть сквозь пальцы, даже если б она была вам доподлинно известна, так как повздоровившие скорее заслуживали презрения, а не внимания, и по отношению к ним можно было ограничиться возмещением убытков, что я, со своей стороны, и предложил. Пусть нас рассудит всеправедный Господь, а я готов молить Его о том, чтобы Он послал мне смерть и на моих глазах уничтожил все мое достояние, только бы ни мне, ни людям моим ни в чем его не прогневить.

Сказавши это, Грангузье подозвал монаха и при всех у него спросил:

– Брат Жан, любезный мой друг, это вы взяли в плен присутствующего здесь военачальника Фанфарона?

– Ваше величество, — отвечал монах, — он перед вами, он совершеннолетний, в здравом уме, пусть он сам и расскажет.

Тогда Фанфарон сказал:

– Так, государь, это он взял меня в плен, я открыто признаю себя его пленником.

– Вы с него требуете выкупа? — спросил монаха Грангузье.

– Нет, – отвечал монах. – Я об этом и не помышлял.

– А сколько бы вы желали получить за его пленение? – спросил Грангузье.

– Ничего, ничего, – отвечал монах. – Мне не нужно выкупа.

Тогда Грангузье велел отсчитать монаху в присутствии Фанфарона шестьдесят две тысячи золотых²³⁴ за его пленение, а тем временем вышеозначенному Фанфарону устроили угощение, и пока он угощался, Грангузье задал ему вопрос, желает ли он остаться у него или же намерен возвратиться к своему королю.

Фанфарон ответил, что он поступит, как Грангузье посоветует.

– В таком случае, – молвил Грангузье, – возвращайтесь к своему королю, и да хранит вас Господь!

Засим он пожаловал ему отличную военную шпату²³⁵ в золотых ножнах с украшениями в виде веточек винограда, ожерелье из драгоценных камней стоимостью в сто шестьдесят тысяч дукатов, каковые драгоценные камни были оправлены в золото, весившее семьсот две тысячи марок²³⁶, и сверх того, в знак особой милости, десять тысяч экю наличными²³⁷. После беседы с королем Фанфарон сел на своего коня. Гаргантюа дал ему охрану, состоявшую из тридцати латников и ста двадцати лучников под командой Гимнаста, и велел проводить его в случае надобности до самых ворот Ларош-Клермо.

Когда пленник отбыл, монах возвратил Грангузье пожалованные ему шестьдесят две тысячи золотых и сказал:

– Ваше величество, сейчас не время для таких подарков. Подождем, пока война кончится, ведь еще неизвестно, как все обернется, а если война ведется без большого денежного запаса, то, кроме воинской доблести, у нее, значит, никакой другой опоры нет. Звонкие монеты – вот мышцы сражения.

– Ин ладно, – сказал Грангузье, – когда война кончится, я у вас в долгу не останусь, а равно и у всех моих верных слуг.

Глава XLVII

О том, как Грангузье собрал свои легионы, и о том, как Фанфарон убил Бедокура, а затем и сам был убит по приказу Пикрохола

В эти дни из Бесе, Марше-Вье, селения Сен-Жак, из Рено, Парилье, Ривьеры, Рош-Сен-Поля, Вобретона, Потилия, Бреемона, Пон-де-Клана, Кравана, Гранмона, Бурда, Вилломера, Юима, Серже, Юсе, Сен-Луана, Панзу, Кольдро, Верона, Кулена, Шозе, Варена, Бургейля, Иль-Бушара, Круле, Нарси, Канда, Монсоро и прочих смежных владений²³⁸ к Грангузье явились послы и сказали, что они осведомлены о том, какой ущерб причинил ему Пикрохол, и что издавна существующий между ними союз обязывает их предоставить в его распоряжение все, чем они богаты, – от людей и денег до боевых припасов.

Всего по договорам было прислано денег на сумму сто тридцать четыре миллиона два с половиной золотых экю. Людской состав исчислялся в пятнадцать тысяч латников, тридцать две тысячи всадников легкой кавалерии, восемьдесят девять тысяч пицальников, сто сорок

²³⁴ ...шестьдесят две тысячи золотых... – В оригинале: saluz – золотая монета с изображением Девы Марии, введенная в обращение английскими королями Генрихом V и Генрихом VI во время оккупации Парижа. Речь идет об огромной сумме.

²³⁵ ...отличную военную шпату. – Город Вьенн с XII в. славился своими шпагами.

²³⁶ ...весившие семьсот две тысячи марок... – около 175 000 кг.

²³⁷ Экю стоило несколько меньше, чем saluz.

²³⁸ Бесе, Марше-Вье... и прочих смежных владений... – Большинство перечисленных здесь населенных пунктов находились близ Шинона.

тысяч добровольцев, а к ним было придано одиннадцать тысяч двести пушек, обыкновенных и двойных, василисков и спиролей, да еще выставлено было сорок семь тысяч землекопов; жалованьем и провиантом все это войско было обеспечено на шесть месяцев и четыре дня. В ответ на это предложение Грангузье не сказал ни «да», ни «нет», – он изъявил послам свою глубокую признательность и объявил, что поведет войну таким образом, что ему не придется губить столько нужных людей. Он ограничился тем, что велел привести в боевую готовность легионы, которые он постоянно держал в Девиньере, Шавиньи, Граво и Кенкене и которые располагали двумя тысячами пятьюстами латников, шестьюдесятью шестью тысячами пехотинцев, двадцатью шестью тысячами пищальников, двумястами тяжелых орудий, двадцатью двумя тысячами землекопов и шестью тысячами всадников легкой кавалерии, причем ни один из отрядов не испытывал нужды ни в казначеях, ни в маркитантах, ни в кузнецах, ни в оружейниках, ни в других мастерах, без которых в походной жизни не обойдешься, воины же, все до одного, так понаторели в военном искусстве, так хорошо были вооружены, так хорошо умели различать знамена своих отрядов, так хорошо соображали, чего от них требуют начальники, и так беспрекословно им повиновались, так легки были в беге, так тяжелы на руку, так осмотрительны во всех своих действиях, что скорей походили на гармонично звучащий орган или же на слаженный часовой механизм, нежели на армию и ополчение.

Фанфарон по приезде явился к Пикрохолу и во всех подробностях рассказал, что с ним произошло, как он действовал и что довелось ему видеть. В заключение он, употребляя наикрасноречивейшие выражения, стал склонять Пикрохола на мир с Грангузье, которого он теперь признавал за самого порядочного человека на свете, и попытался внушить ему, что стыдно зря обижать соседей, от которых они ничего, кроме хорошего, не видели, а главное-де, вся эта затея кончится весьма убыточно и весьма плачевно для них же самих, ибо силы Пикрохола таковы, что Грангузье легко с ними справится.

Не успел Фанфарон окончить свою речь, как возвысил голос Бедокур:

– Горе владыке, окружившему себя людьми, которых легко подкупить, а таков, я вижу, Фанфарон, ибо мужество столь явно ему изменило, что он, уж верно, готов был предать нас, перейти в стан врагов и начать сражаться против нас, если б только враги пожелали оставить его у себя; однако ж, подобно тому как людей доблестных прославляют и ценят все, и друзья и недруги, так же точно подлецы всем ясны и никому доверия не внушают, и пусть даже враги и воспользуются ими в корыстных целях, все же они не могут не презирать подлость и предательство.

Слова эти привели Фанфарона в негодование, он выхватил шпагу и проткнул Бедокура чуть повыше левого соска, после чего Бедокур не замедлил отправиться на тот свет, а Фанфарон извлек из его тела шпагу и во всеуслышание объявил:

– Так погибнет всякий, кто будет клеветать на преданного слугу!

Пикрохол при виде окровавленной шпаги и ножен внезапно пришел в ярость.

– Так тебе дали эту шпажонку, – воскликнул он, – чтобы ты у меня на глазах вероломно убил доброго моего друга Бедокура?

Тут он приказал своим лучникам разорвать Фанфарона на части, каковой его приказ был исполнен без промедления и с такою жестокостью, что вся комната была залита кровью; после этого тело Бедокура было похоронено с почестями, а труп Фанфарона был сброшен с крепостной стены в ров.

Весть об этом зверстве разнеслась по всему войску, и многие начали уже роптать на Пикрохола, так что Цапцарап принужден был ему сказать:

– Государь! Мне неизвестно, каков будет исход всего этого предприятия. Одно могу сказать: люди ваши пали духом. Они находят, что довольствия у нас здесь недостаточно, к тому же после двух не то трех вылазок ряды наши сильно поредели. А к неприятелю между тем

должны подойти мощные подкрепления. Если нам придется выдерживать осаду, то, на мой взгляд, дело неминуемо кончится для нас полным разгромом.

– Ни черта, ни черта! – сказал Пикрохол. – Вы похожи на мелюнского угря – начинаете кричать еще до того, как с вас сдерут кожу. Пусть только они попробуют!

Глава XLVIII

О том, как Гаргантюа осадил Пикрохола в Ларош-Клермо и как он разбил армию означенного Пикрохола

Гаргантюа принял на себя верховное командование. Отец его остался в крепости и, добрым словом подняв дух войска, посулил великие награды тем, кто совершит какой-либо подвиг. Некоторое время спустя войско достигло Ведского брода и на лодках и по мостам, наведенным на скорую руку, все сразу переправилось на другую сторону. Затем, изучив местоположение города, стоявшего на высоком месте, выгодном для обороны, Гаргантюа порешил обдумать за ночь, как быть далее. Гимнаст, однако ж, ему сказал:

– Государь! Природа и нрав французов таковы, что они молодцы только на первых порах. Тут они бывают злее чертей, а чуть застоятся, так и бабы с ними сладят²³⁹. Я того мнения, что как скоро люди ваши отдохнут и соберутся с силами, тотчас же отдайте приказ идти на приступ.

Мнение Гимнаста признано было разумным. Гаргантюа, развернув свое войско на равнине, оставил за косогором засаду. Монах, взяв с собою шесть отрядов пехоты и двести латников, с великою поспешностью миновал болота и выехал на Луденскую большую дорогу, а Пьюи остался у него внизу.

Приступ между тем продолжался. Люди Пикрохола колебались: то ли им предпринять вылазку и встретиться с неприятелем лицом к лицу, то ли защищать город, не двигаясь с места. Наконец Пикрохол, освирепев, вышел с отрядом латников из замка, и тут его встретили и угостили столь сильной орудийной пальбой, что, дабы не мешать своей артиллерии, непрерывно бившей по холмам, гаргантюисты рассудили за благо отступить к долине. Те, что предприняли вылазку, дрались упорно, но их стрелы летели слишком высоко и никому не причиняли вреда. Часть отряда, выйдя из огня, с остервенением кинулась на наших, но ее постигла неудача: вся она была окружена и смята. Прочие решились отступить, но в это время монах обошел их с тыла, и тут началось беспорядочное и неудержимое бегство. Некоторые из наших готовы были броситься за беглецами, однако ж монах удержал их, – он боялся, что, увлекшись преследованием, они оторвутся от своего отряда, а защищающие город, воспользовавшись этим, ударят на них. Выждав некоторое время и удостоверившись, что вылазок пока не предвидится, монах послал герцога Фронтиста²⁴⁰ сказать Гаргантюа, чтобы тот занял левый холм и, таким образом, не дал Пикрохолу уйти через левые ворота. Гаргантюа, нимало не медля, послал туда четыре легиона из тех, что находились под командой Себаста²⁴¹, но, еще не достигнув высоты, они сшиблись грудью с Пикрохолом и его рассеявшимся было отрядом. Наши стремительно ринулись на врага – и понесли немалый урон, оттого что с городских стен их осыпали ядрами и стрелами. Увидевши это, Гаргантюа почел за нужное оказать им мощную поддержку, и тут его артиллерия столь яростно начала обстреливать эту часть городской стены, что неприятелю пришлось бросить сюда все свои силы.

²³⁹ *Тут они бывают злее чертей, а чуть застоятся, так и бабы с ними сладят...* – цитата из «Истории Рима» (X, 28, 4) Тита Ливия, которая воспроизведена у Никколо Макиавелли (1469—1527) в его реляции «Положение дел во Франции» (ок. 1513).

²⁴⁰ *Фронтист* – мыслитель (гр.).

²⁴¹ *Себаст* – почтенный (гр.).

Как скоро монах удостоверился, что с той стороны, где он стоит со своими людьми, город никем больше не охраняется, он, движимый беззаветною храбростью, вместе с частью своего отряда бросился к городской стене и взобрался наверх, – он полагал, что неприятеля повергают в страх и трепет не столько те, что с ним бьются, сколько те, что внезапно ударят на него из засады. Все же он не производил ни малейшего шума до тех пор, пока на городскую стену не взобрались все его воины, все, за исключением двухсот латников, которых он оставил на всякий случай. Потом он вдруг заорал диким голосом, его люди подхватили этот крик и, перебив стоявшую у ворот стражу, которая не оказала им никакого сопротивления, распахнули ворота, впустили оставшихся снаружи двести латников, а затем с великим проворством помчались вместе с ними к восточным воротам, где кипел жаркий бой, и, обрушившись на врагов с тыла, опрокинули всю их рать. Видя, что они окружены со всех сторон и что гаргантюисты уже в городе, люди Пикрохола сдались на милость победителя. По приказу монаха враги сложили оружие, как холодное, так и огнестрельное, затем монах распорядился загнать их всех в церкви и запереть, а чтобы они не ушли, приставил к церковным вратам своих ратников и отовсюду набрал перекладин от крестов; затем, отперев восточные ворота, поспешил на помощь к Гаргантюа.

Но тут самонадеянный Пикрохол, вообразив, что это к нему подходит из города подмога, усилил натиск до такой степени, что Гаргантюа крикнул:

– Брат Жан, брат Жан, как же ты, дружище, вовремя!

Тут только Пикрохол и его люди поняли, что все погибло, и бросились кто куда. Гаргантюа преследовал их до самого Вогодри и истреблял нещадно, а затем велел бить отбой.

Глава XLIX

О том, как с Пикрохолом стряслась по дороге беда и как повел себя Гаргантюа после сражения

Пикрохол в отчаянии бросился бежать по направлению к Иль-Бушару, но на Ривьерской дороге конь его споткнулся и упал, и это его так обозлило, что он в исступлении заколол коня мечом. Предложить Пикрохолу другого коня было некому, и он совсем уже подобрался к мельникову ослу, – мельница была тут рядом, – но мукомолы задали Пикрохолу трепку и раздели его догола, а взамен дали какую-то ветошь.

В таком виде поганый злока зашагал дальше: когда же он перебрался через реку у Пор-Юо, то повстречал старую колдунью и поведал ей свои зловещие предсказания, она же в ответ прорекла, что королевство будет ему возвращено, когда рак свистнет. С тех пор о Пикрохолом ни слуху ни духу. Слышал я, однако ж, что он теперь в Лионе, простым поденщиком, и все такой же злока, и кто ни приедет в Лион, он сейчас же с вопросом: не слышать ли, чтоб где-нибудь свистнул рак? – видно, не забыл, что нагадала ему старуха, и все надеется вернуть свое королевство.

После того как неприятель отступил, Гаргантюа прежде всего сосчитал своих людей и удостоверился, что пали в бою лишь немногие, а именно несколько пехотинцев из отряда военачальника Тольмера²⁴², да еще выстрелом из пищали ранило в грудь Понократа. Затем Гаргантюа отдал приказ отдохнуть и подкрепиться, не покидая, однако ж, своих отрядов, причем казначеи должны были уплатить жителям за съестное, воспретил чинить населению какие бы то ни было обиды, раз этот город снова отошел к Грангузье, а кроме того, приказал всем своим ратникам явиться после обеда на площадь перед замком, – там-де они получают жалованье за полгода вперед, что и было исполнено. После этого он велел оставшимся в живых людям Пик-

²⁴² Тольмер – отважный (гр.).

рохола собраться на указанной площади и в присутствии владетельных князей и военачальников обратился к ним с такими словами.

Глава L

*Речь, с которой Гаргантюа обратился к побежденным*²⁴³

– Приснопамятные отцы наши, деды и прадеды по своей природе и духу были таковы, что при благоприятном для них исходе битв они в честь торжества своего и победы предпочитали одним своим человеколюбием возводить трофеи и монументы в сердцах у побежденных, нежели на землях, ими завоеванных, памятники архитектурные, ибо живые человеческие предания об их незлобivosti значили для них больше, нежели мертвый язык колонн, арок и пирамид, коих к тому же может и не пощадить непогода, а равно и людская зависть.

Достаточно вам напомнить, какое мягкосердечие выказали они к бретонцам в день битвы при Сент-Обен-дю-Кормье²⁴⁴ и при разрушении Партене²⁴⁵. Вас приводили в восхищение рассказы о том, как милостиво обошлись они с эспаньольскими варварами, разграбившими, опустошившими, разорившими гавань Олонн и весь Тальмондский приморский край.²⁴⁶

Хвалы и приветственные клики, излетавшие из ваших уст и из уст отцов ваших, достигали неба в тот самый час, когда Альфарбал, царь Канарийский, который в жажде все новых и новых завоеваний совершил разбойничье нападение на страну Они и своими пиратскими набегами держал в страхе Арморикские острова и все пограничные области, в конце концов в честном морском бою был разбит и захвачен в плен моим отцом, коему сам Господь оказывал помощь и покровительство. И что же вы думаете? В отличие от других королей и императоров, которые именуют себя католиками²⁴⁷, что не мешает им поступать с пленниками жестоко, заточать их в темницы и требовать с них непомерного выкупа, отец мой обошелся с Альфарбалом учтиво и дружелюбно, поместил его в своем дворце, а затем по несказанной доброте своей осыпал его дарами, щедротами, всякого рода дружескими услугами и отпустил на свободу. Что же было потом с Альфарбалом? Возвратившись на родину, он созвал всех владетельных князей и выборных от городов своего королевства, рассказал о том, как великодушно у нас с ним обращались, и попросил незамедлительно вынести решение, которое могло бы послужить примером для всех, – решение касательно того, как им ответить на нашу учтивую любезность столь же любезною учтивостью. Тогда же было единогласно решено предоставить в полное наше распоряжение все их земли, поместья и все их королевство. После этого Альфарбал сам, своею собственной персоной, вновь прибыл к нам и привел с собой девять тысяч тридцать восемь больших кораблей, нагруженных сокровищами, не только принадлежавшими ему лично и всему его королевскому роду, но и собранными чуть ли не со всех концов страны, ибо, когда его корабли в ожидании ветра вест-норд-ост приставали к берегу, жители, теснясь, бросали туда золото, серебро, кольца, драгоценности, лакомства, снадобья, душистые вещества, циветт, попугаев, пеликанов, мартышек, генетт, дикобразов. Все, кто только дорожил своим добрым именем, почитали за должное принести в дар что-нибудь редкостное. По прибытии

²⁴³ *Речь, с которой Гаргантюа обратился к побежденным...* – пародия на излюбленный гуманистами жанр (ср. письмо Грангузье; «Первая книга», гл. XXIX).

²⁴⁴ *Битва при Сент-Обен-дю-Кормье* – сражение бретонских и французских войск в 1488 г. Победу одержали французы под командованием Ла Тремуа.

²⁴⁵ *Партене* – крепость, которая была разрушена в 1487 г. по приказу Карла VIII.

²⁴⁶ *Эспаньольские варвары.* – Христофор Колумб назвал остров Гаити Эспаньолой. Экспедиция гаитян на французское побережье – чистая выдумка, равно как и набег царя Альфарбала на Они.

²⁴⁷ *В отличие от других королей и императоров, которые именуют себя католиками...* – Намек на императора «Священной Римской империи» Карла V, почти год державшего в плену французского короля Франциска I. Французский монарх был освобожден на унижительных для короны условиях.

Альфарбал вознамерился облобызать моему отцу ноги, – отец почел это неприличным и не допустил до этого: он дружески обнял Альфарбала. Альфарбал заговорил о дарах, – отец мой их отверг, ибо они показались ему слишком богатыми. Альфарбал объявил себя и потомков своих добровольными его рабами и слугами, – отец мой от этого отказался, ибо почел это несправедливым. Альфарбал уступал моему отцу на основании решения выборных все свои земли и все свое королевство и передавал ему указную крепость, подписанную, скрепленную и утвержденную всеми, кому это надлежало, – отец мой и от этого решительно отказался, а грамоты бросил в печь. Кончилось дело тем, что, оценив по достоинству свободное волеизъявление простосердечных канарийцев, отец мой растрогался и от жалости к ним залился слезами, а потом в самых изысканных выражениях, приводя подобающие случаю изречения, постарался преуменьшить благодеяние, которое он оказал канарийцам; такому благодеянию грош, мол, цена, никакой особой любезности он по отношению к ним не выказал, – он просто обязан был это сделать. Но тем более превозносил его Альфарбал. На чем же, однако, порешили? Приняв в соображение, что мы могли бы тиранически потребовать за Альфарбала наивысшую сумму выкупа, то есть два миллиона эку, да еще оставить у себя в качестве заложников старших его сыновей, канарийцы объявили себя вечными нашими данниками и обязались выплачивать нам ежегодно два миллиона золотых монет весом каждая в двадцать четыре карата. В первый год они нам столько и уплатили, на второй год они по доброй воле уплатили нам два миллиона триста тысяч эку, на третий – два миллиона шестьсот тысяч, на четвертый – ровно три миллиона, и так они по собственному желанию все увеличивали и увеличивали сумму выкупа, пока наконец мы вовсе не отказались от дани. Таково свойство признательности, ибо если время все на свете разрушает и умаляет, то добрые дела оно возвеличивает и приумножает, оттого что благодеяние, щедрою рукою оказанное человеку справедливому, беспрерывно возрастает усилиями благородного его ума и памяти.

Я же, со своей стороны, ни под каким видом не собираюсь изменять нашей семейной черте, то есть добросердечию, и вот теперь я вас освобождаю и отпускаю, – отныне вы такие же вольные и свободные люди, какими были прежде. Сверх того, при выходе из города вы получите каждый такую сумму, которой вам хватит с семьей на три месяца, а чтобы по дороге на вас не напали мои крестьяне, я дам вам охрану, состоящую из шестисот латников и восьми тысяч пехотинцев под командой моего конюшего Александра, и с этой охраной вы благополучно доберетесь до дому. Храни вас Господь!

Мне очень жаль, что здесь нет Пикрохола, – я бы ему объяснил, что война началась помимо моего желания и что у меня и в мыслях не было таким путем разбогатеть и прославиться. Но раз он исчез с лица земли и никто не знает, куда он пропал, я принужден передать все его королевство сыну его; однако ж сын его слишком мал (он еще не достиг пятилетнего возраста), а потому для руководства и воспитания к нему будут приставлены почтенные по возрасту владетельные князья и ученые люди его королевства. Приняв же в рассуждение, что столь сильно обедневшее королевство легко может быть разорено, если не положить предел алчности и скупости правителей, я поставлю над ними Понократа и облеку его надлежащими полномочиями, и будет он находиться при наследнике до тех пор, пока не признает его способным самостоятельно управлять и вершить дела.

Со всем тем мне ведомо, что порочная и тлетворная склонность попустительствовать злодеям и прощать их ведет к тому, что они, пользуясь этой пагубной страстью миловать всех подряд, безбоязненно совершают новые злодеяния.

Мне ведомо, что Моисей, кротчайший из всех людей, живших тогда на земле, нещадно карал смутьянов, бунтовавших народ израильский.

Мне ведомо, что даже Юлий Цезарь, полководец, давший Цицерону повод сказать о нем, что судьба ничего не могла прибавить к тому, чем он уже владел, и что наивысшая его добро-

детель заключалась в том, что он только и думал, как бы кого-то спасти или помиловать, и тот в иных случаях строго наказывал зачинщиков мятежей.

По их примеру я требую, чтобы, прежде чем разойтись, вы мне выдали, во-первых, милейшего вашего Марке, чья безрассудная заносчивость явилась предлогом и первопричиною этой войны, во-вторых, его товарищей – пекарей, которые не потрудились тут же загладить его сумасбродство, и, наконец, всех советников, полководцев, военачальников и приближенных Пикрохола, которые ему кадили, которые ему советовали, которые его подбивали нарушить границы и натворить нам таких бед.

Глава LI

О том, как победители-гаргантюисты были награждены после сражения

Как скоро Гаргантюа окончил речь, ему были выданы зачинщики, коих он требовал, за исключением Буяна, Молокососа и де Шваль, ибо они бежали за шесть часов до начала битвы, – один в Аньельское ущелье, другой в Вирскую долину, а третий в Логроньо²⁴⁸, бежали без оглядки и без остановки, – и за исключением двух пекарей, павших на поле брани. Гаргантюа не сделал зачинщикам ничего дурного, он только велел им стать к станкам во вновь открытой им книгопечатне.

Затем он приказал всех убитых похоронить с почестями в Нуаретской долине и на Брюльвейском поле. Раненых он велел отправить на излечение в свой главный госпиталь. Далее, осведомившись о размерах убытков, причиненных городу и его жителям, он распорядился полностью возместить их на основании тех показаний, которые жители дадут под присягой, а также велел заложить в городе крепость и разместить в ней постоянный гарнизон и караул, чтобы на будущее время город лучше был защищен от внезапных нападений.

Перед отбытием Гаргантюа соизволил объявить благодарность легионерам, участвовавшим в деле, а затем приказал им стать на зимние квартиры – всем, кроме десятого, отборного, легиона, особенно в этом бою отличившегося, и некоторых военачальников, коих он почел за нужное повезти с собой к Грангузье.

Наконец, к неопишуемой радости доброго короля, воины прибыли во дворец. Король тотчас же задал им пир, да такой великолепный, богатый и роскошный, какого не видывал свет со времен царя Артаксеркса²⁴⁹. Выйдя из-за стола, он распределил между ними всю посуду из своего буфета, общий вес которой достигал веса восемнадцати миллионов четырнадцати золотых безантов и которая состояла из больших античных ваз, больших кувшинов, больших мис, больших чаш, кубков, кувшинчиков, канделябров, чашек, ладьеобразных ваз для цветов, ваз для сластей и прочего тому подобного, причем все это было сделано из чистого золота и украшено камнями, эмалью и резьбой, каковые, по общему мнению, стоили еще дороже золота. Этого мало, – Грангузье велел выдать из своих сундуков по миллиону двести тысяч экю на брата, а еще каждый получил в вечное владение (вечное – при условии, если у него останутся наследники) замок и близлежащие угодья, какие он пожелал. Понократу Грангузье подарил Ларош-Клермо, Гимнасту – Кудре, Эвдемону – Монпансье, Риво – Тольмеру, Итиболу – Монсоро, Акамасу – Канд, Варен – Хиронакту, Граво – Себасту, Кенкене – Александру, Лигре – Софрону и так далее.

²⁴⁸ *Аньельское ущелье* находилось в Приморских Альпах, близ местечка Аньелло. Здесь французские пехотинцы совершили переход в 1515 г. *Вирская долина* – в Кальвадосе, *Логроньо* – на границе Испании и Наваррского королевства.

²⁴⁹ ...какого не видывал свет со времен царя Артаксеркса... – см. Книгу Есфири, 1:9.

Глава LII

О том, как Гаргантюа велел построить для монаха Телемскую обитель²⁵⁰

Оставалось только одарить монаха. Гаргантюа хотел было сделать его аббатом в Сейи, но тот отказался. Тогда Гаргантюа предложил ему на выбор Бургейльское и Сен-Флорентийское аббатства²⁵¹, а была бы, мол, охота, так и то и другое, но монах ответил напрямик, что не желает принимать на себя обязанности по управлению монахами.

– Как я буду управлять другими, раз я не умею управлять самим собой? – сказал он. – Если вы полагаете, что я вам оказал и могу и впредь оказать важные услуги, дозвоьте мне построить аббатство, какое я хочу.

Гаргантюа такая затея понравилась, и он отвел для этой цели всю Телемскую область до самой Луары, находящуюся в двух милях от большого леса Пор-Юо, монах же обратился к нему с просьбой основать на этом месте обитель, не похожую ни на какую другую.

– В таком случае, – сказал Гаргантюа, – прежде всего вокруг нее не должно быть стены, ибо все прочие аббатства обнесены высоченной стеной.

– А как же, – сказал монах, – и ведь это неспроста: за стеной не лучше, чем в застенке, – там и наушничанье, и зависть, и подсиживание.

– И вот еще что, – продолжал Гаргантюа. – В некоторых монастырях существует обычай: если туда войдет женщина (я разумею женщину добродетельную и целомудренную), то в местах, через которые она проходила, полагается после производить уборку, ну, а там будет заведен такой порядок: тщательно убирать все те помещения, в коих побывают инок или инокиня, которые случайно туда забредут. В монастырях все размерено, рассчитано и расписано по часам, именно поэтому мы постановим, чтобы там не было ни часов, ни циферблатов, – все дела будут делаться по мере надобности и когда удобнее, ибо считать часы – это самая настоящая потеря времени. Какой от этого прок? Глупее глупого сообразовываться со звоном колокола, а не с велениями здравого смысла и разума. *Item*²⁵², в наше время идут в монастырь из женщин одни только кривоглазые, хромые, горбатые, уродливые, нескладные, помешанные, слабоумные, порченные и поврежденные, а из мужчин – сопливые, худородные, придурковатые, лишние рты...

– Кстати, – прервал его монах, – куда девать женщин некрасивых и настырных?

– Настырных – в монастырь, – отвечал Гаргантюа.

– Верно, – согласился монах.

– Следственно, туда будут принимать таких мужчин и женщин, которые отличаются красотой, статностью и обходительностью. *Item*, в женские обители мужчины проникают не иначе как тайком и украдкой, – следственно, вам надлежит ввести правило, воспреещающее женщинам избегать мужского общества, а мужчинам – общества женского. *Item*, как мужчины, так и женщины, поступив в монастырь, после годичного послушнического искуса должны и обязаны остаться в монастыре на всю жизнь, – следственно, по вашему уставу, как мужчины, так и женщины, поступившие к вам, вольны будут уйти от вас, когда захотят, беспрепятственно и безвозбранно. *Item*, обыкновенно монахи дают три обета, а именно: целомудрия, бедности и послушания, – вот почему вам надлежит провозгласить, что каждый вправе сочетаться законным браком, быть богатым и пользоваться полной свободой. Что касается возрастного ценза,

²⁵⁰ Телемская обитель – от гр. «телема» – желание.

²⁵¹ Бургейльское и Сен-Флорентийское аббатства – самые богатые и знаменитые в Анжу.

²⁵² Далее (лат.).

то при поступлении для женщин должен быть установлен предел – от десяти до пятнадцати лет, а для мужчин – от двенадцати до восемнадцати.

Глава LIII О том, как и на какие деньги была построена Телемская обитель

На построение и устройство обители Гаргантюа отпустил наличными два миллиона семьсот тысяч восемьсот тридцать один «длинношерстый баран» и впредь до окончания всех работ обещал выдавать ежегодно под доходы с реки Дивы один миллион шестьсот шестьдесят девять тысяч экю с изображением солнца и столько же с изображением Плеяд. На содержание обители Гаргантюа определил в год два миллиона триста шестьдесят девять тысяч пятьсот сорок два нобилей с изображением розы, каковую сумму монастырская казна должна была получать в виде гарантированной земельной ренты, в подтверждение чего Гаргантюа выдал особые грамоты.

Само здание было построено в виде шестиугольника, с высокими круглыми башнями по углам, диаметром в шестьдесят шагов каждая; все башни были одинаковой величины и одинаковой формы. На севере протекала река Луара. На берегу реки стояла башня, которая называлась Арктика; с восточной стороны высилась другая башня, под названием Калаэра, следующая башня называлась Анатолия, за нею – Мессембрина, затем – Гесперия и, наконец, последняя – Криэра. Пространство между башнями равнялось тремстам двенадцати шагам. Здание было семиэтажное, если подвальный этаж считать за первый. Своды второго этажа напоминали ручки от корзины. Верхние этажи были оштукатурены фландрским гипсом, замки сводов имели форму лампад. Крыша из лучшего шифера была украшена свинцовыми поделками в виде маленьких человечков и зверьков, искусно сработанных и позолоченных; с крыши, между окнами, на некотором расстоянии от стен, спускались водосточные трубы, расписанные крест-накрест золотом и лазурью; внизу они переходили в широкие желобы, из которых вода стекала под здание, а оттуда в реку.

Здание это было стократ пышнее Бониве, Шамбора и Шантильи²⁵³; в нем насчитывалось девять тысяч триста тридцать две жилые комнаты, при каждой из которых была своя уборная, кабинет, гардеробная и молельня и каждая из которых имела выход в большой зал. Башни сообщались между собой изнутри и через жилой корпус при помощи винтовых лестниц, ступени которых были сделаны частью из порфира, частью из нумидийского камня, частью из мрамора-змеевика; длина каждой ступени равнялась двадцати двум футам, высота – трем пальцам, от площадки к площадке вели двенадцать таких ступеней. На каждой площадке были две прекрасные античные арки, откуда шел свет и которые вели в ажурные лоджии, по ширине равные лестнице, а лестница поднималась до самой кровли и увенчивалась павильоном. По таким же точно лестницам можно было с любой стороны пройти в большой зал, а из зала в жилые помещения.

Между башнями Арктикой и Криэрой находились превосходные обширные книгохранилища, в которых были собраны книги на греческом, латинском, еврейском, французском, тосканском и испанском языках, причем на каждом этаже хранились книги только на одном каком-нибудь языке.

Посредине была устроена прекрасная лестница, вход на которую был сделан снаружи и представлял собой арку шириною в шесть туаз²⁵⁴. Лестница эта была столь соразмерна и

²⁵³ Здание это было стократ пышнее Бониве, Шамбора и Шантильи... – Перечислены знаменитые и красивейшие замки, которые строились или перестраивались в начале XVI в.

²⁵⁴ Туаза — старинная мера длины, равная 1,95 м.

широка, что по ней могли одновременно подниматься на самый верх шестеро латников с копьями у бедер.

Между башнями Анатолией и Мессембриной были расположены прекрасные просторные галереи, расписанные по стенам фресками, которые изображали подвиги древних героев, события исторические и виды различных местностей. Между этими башнями были такие же точно лестница и вход, как и со стороны реки. А над входом крупными античными буквами была выведена следующая надпись.

Глава LIV

Надпись на главных воротах Телемской обители

Идите мимо, лицемер, юрод²⁵⁵,
Глупец, урод, святоша-обезьяна,
Монах-лентяй, готовый, словно гот
Иль острогот, не мыться целый год,
Все вы, кто бьет поклоны неустанно,
Вы, интриганы, продавцы обмана,
Болваны, рьяно злобные ханжи, —
Тут не потерпят вас и вашей лжи.

Ваша ложь опять
Стала б распалять
Наши души гневом,
И могла б напевам
Нашим помешать
Ваша ложь опять.

Идите мимо, стряпчий-лиходей,
Клерк, фарисей, палач, мздоимец хваткий,
Писцы, официалы всех мастей,
Синклит судей, который, волка злей,
Рвет у людей последние достатки.
Сдирать вы падки с беззащитных взятки,
Но нас нападки ваши не страшат:
Сюда не вхожи крючкодел и кат.
Кат и крючкодел
Были б не у дел
В этих вольных стенах;
Обижать смиренных —
Вот для вас удел,
Кат и крючкодел.

Идите мимо, скряга-ростовщик,
Пред кем должник трепещет разоренный,

²⁵⁵ *Идите мимо, лицемер, юрод...* — Прежде всего Рабле запрещает вход в аббатство горе-святошам, затем судейским, ростовщикам, скупцам, ревнивцам и венерическим больным. Выстраивается своеобразная ироническая параллель дантовскому Аду.

Скупец иссохший, кто стяжать привык,
Кто весь приник к страницам счетных книг,
В кого проник бесовский дух маммоны,
Кто иступленно копит миллионы.
Пусть в раскаленный ад вас ввергнет черт!
Здесь места нет для скотских ваших морд.

Ваши морды тут
Сразу же сочтут
Обликами гадин:
Здесь не любят жадин,
И не подойдут
Ваши морды тут.

Идите мимо, сплетник, грубиян,
Супруг-тиран, угрюмый и ревнивый,
Драчун, задира, скандалист, буян,
Кто вечно пьян и злостью обуян,
И вы, мужлан, от люэса паршивый,
Кастрат пискливый, старец похотливый.
Чтоб не могли вы к нам заразу внести,
Сей вход закрыт для вас, забывших честь.

Честь, хвала, привет
Тем, кто в цвете лет
Предан негам мирным
В зданье сем обширном;
Всем, в ком хвори нет,
Честь, хвала, привет.

Входите к нам с открытою душой,
Как в дом родной, пажи и паладины.
Здесь обеспечен всем доход такой,
Чтоб за едой, забавами, игрой
Ваш шумный рой, веселый и единый,
Не находил причины для кручины.
Приют невинный тут устроен вам,
Учтивым, щедрым, знатным господам.

Господам честным,
Рыцарям лихим
Низость неизвестна;
Здесь не будет тесно
Стройным, удалым
Господам честным.

Входите к нам вы, кем завет Христов
От лжи веков очищен был впервые.
Да защитит вас наш надежный кров

От злых попов, кто яд фальшивых слов
Всегда готов вливать в сердца людские.
В умы живые истины святые
Роняйте, выи яростно круша
Всем, у кого глуха к добру душа!

Душ, к добру глухих,
Книжников пустых,
Нету в этом зданье.
Здесь, где чтут Писанье,
Не найти таких
Душ, к добру глухих.

Входите к нам, изящества цветы,
Чьей красоты не описать словами.
Тут днем и ночью двери отперты
Вам, чьи черты небесные чисты,
Сердца – просты, а очи – словно пламя.
Чтоб знатной даме можно было с нами
Здесь жить годами без забот и свар,
Наш основатель дал нам злата в дар.

В дар златой металл
Наш король нам дал,
Чтоб от бед сберечь нас;
Тот не канет в вечность,
Кто нам завещал
В дар златой металл*.

Глава LV

О том, как было устроено жилище телемитов

Посреди внутреннего двора был дивный алебастровый фонтан, увенчанный изображением трех граций, причем каждая грация держала в руках рог изобилия, а вода лилась у них из сосков, рта, ушей, глаз и прочих отверстий.

Стены, выходившие во двор, поддерживались массивными колоннами из халцедона и порфира, которые соединялись прекрасными античными арками, а под этими арками были устроены прелестные галереи, длинные и широкие, украшенные живописью, а также рогами оленей, единорогов, носорогов, клыками гиппопотамов и слонов и другими достопримечательностями.

Помещения для женщин были расположены между башнями Арктикой и Мессембриной. Мужчины занимали все остальные. Напротив женской половины, между двумя первыми башнями, были устроены для развлечения ристалище, ипподром, театр, бассейн для плавания и изумительные трехъярусные бани, где ни в чем не было недостатка, между прочим и в благоуханной смолистой воде.

У реки был разбит для прогулок красивый парк с чудным лабиринтом посредине. Между двумя другими башнями помещались манежи для игры в маленький и в большой мяч. Возле

башни Криэры был сад, где росли всевозможные плодовые деревья, посаженные по косым линиям. Сад переходил потом в большой парк, где была пропасть всяких зверей.

Между двумя следующими башнями помещалось стрельбище, где стреляли из лука, пищали и арбалета; за башней Гесперией находились одноэтажные службы, за ними – конюшня, а перед службами – соколий двор, коим ведали испытанные сокольничие; туда ежегодно поступали с Крита, из Венеции и Сарматии лучшие образцы разных птичьих пород: орлы, кречеты, ястребы, балабаны, сапсаны, соколы, ястребы-перепелятники, дербники и другие, которых так искусно приручали и обучали, что, вылетев из замка порезвиться в поле, они ловили все, что придется. Псарня помещалась поодаль, ближе к парку.

Все залы, покои и кабинеты были убраны коврами, менявшимися в зависимости от времени года. Полы были застелены зеленым сукном. Кровати – вышитыми покрывалами. В каждой уборной стояло хрустальное зеркало в усыпанной жемчугом раме из чистого золота, и такой величины оно достигало, что человек виден был в нем во весь рост. Перед залами женской половины находились помещения для парфюмеров и цирюльников, через руки которых непременно должны были пройти мужчины, навещавшие женщин. Парфюмеры каждое утро доставляли в женские покои розовую, апельсинную и миртовую воду и вносили туда драгоценные курильницы, от коих исходил дым всяческих благоуханий.

Глава LVI

О том, как были одеты монахи и монахини Телемской обители

Первое время после основания обители женщины одевались сообразно своему вкусу и желанию. Впоследствии же они по своей доброй воле ввели следующую реформу.

Они стали носить темно-красные или же розовые чулки ровно на три пальца выше колена. Кайма на чулках была из вышивок и прошивок. Подвязки были круглые, под цвет рукавчиков. Башмачки, туфельки и домашние туфли делались из алого, красного или же лилового бархата, с бахромчатыми прорезами.

Поверх сорочки надевался лиф из шелкового сукна и кринолинчик из тафты, белой, красной, коричневой, серой и т. д. На кринолинчик надевалась юбка из серебряной тафты с прошивками из чистого золота, напоминавшими желобки на колоннах, или же, в зависимости от погоды и по желанию, из атласа, из шелка, из бархата, оранжевая, коричневая, зеленая, пепельная, голубая, светло-желтая, красная, алая, белая, а по праздникам – юбка из золотой парчи, из серебряной ткани, отделанная у кого канителью, у кого вышивками.

Плащи надевались глядя по времени года: из золотой ткани с серебряным шитьем, из красного атласа, отделанного золотой канителью, из белой, голубой, черной, коричневой тафты, шелковой саржи, бархата, серебряной парчи, серебряной ткани, золотых нитей, атласа или же бархата, расшитого всеми возможными золотыми узорами.

Летом вместо плащей носили иногда прелестные марлоты из таких же материй или мавританские накидки из лилового бархата с серебряной канителью, прошитые золотыми нитями, а то – с золотыми шнурами, украшенными по швам мелким индийским жемчугом. А на шляпах неизменно красовался султан под цвет обшлагов, со множеством золотых подвесков. Зимой – плащи из тафты вышеперечисленных цветов, подбитые мехом рыси, черной генетты, калабрийской куницы, соболя и прочими дорогими мехами.

Четки, запястья, цепочки, ожерелья – все это было из драгоценных камней, а именно: карбункулов, рубинов, рубинов-баласов, брильянтов, сапфиров, изумрудов, бирюзы, гранатов, агатов, бериллов и отборного жемчуга, как мелкого, так равно и крупного.

Головные уборы соответствовали времени года: зимой носили французские шляпы, весной – испанские, летом – тосканские, по праздничным же и воскресным дням непременно надевали французские головные уборы, ибо они скромнее и солиднее всех прочих.

У мужчин были свои моды: чулки, шерстяные или же суконные, темно-красные, розовые, белые, черные; бархатные панталоны таких же или приближающихся к этим цветов, с вышивками и прорезами по вкусу каждого; куртки из парчи золотой, парчи серебряной, бархата, атласа, шелка, тафты, таких же цветов, с прорезами, прошивкой и отделкой – всем на загляденье; шнуры – шелковые, таких же цветов, пряжки – золотые, с эмалью; камзолы и кафтаны – из золотой парчи, золотой ткани, серебряной парчи, бархата, расшитые, как кому нравилось; плащи – такие же роскошные, как и у дам; пояса – шелковые, под цвет куртки; у каждого на боку шпага с золоченым эфесом, с золотым острием филигранной работы, в бархатных ножнах одного цвета с панталонами; такие же были и кинжалы; шляпы – из черного бархата, украшенные множеством золотых ягодок и пуговиц; на шляпах красовались усыпанные золотыми блестками белые перья, с которых свешивались рубины, изумруды и т. д.

Впрочем, между мужчинами и женщинами царило такое согласие, что и те и другие ходили в одеждах одной и той же ткани, одинаковой расцветки, а чтобы не вышло ошибки, несколько молодых людей должны были ежеутренне оповещать мужчин, что сегодня собираются надеть дамы, ибо все в обители подчинялось желаниям дам.

Не думайте, однако ж, что мужчины и женщины тратили много времени на то, чтобы с таким вкусом и так пышно наряжаться, – там были особые гардеробщики, каждое утро державшие наготове любую одежду, а также горничные, умевшие в мгновение ока одеть и убрать даму с ног до головы. А чтобы телемиты никогда не ощущали недостатка в одежде, возле Телемского леса было построено огромное светлое здание в полмили длиною и со всеми возможными приспособлениями, – там жили ювелиры, гранильщики, вышивальщики, портные, золотошвеи, бархатники, ковровщики, ткачи, и каждый занимался своим делом и работал на телемских монахов и монахинь. Материи и ткани поставлял им сеньор Навсиклет, и он же каждый год отправлял в обитель с Жемчужных и Каннибальских островов семь кораблей с грузом слитков золота, шелка-сырца, жемчуга и драгоценных камней. Если жемчужины теряли от времени природную свою белизну²⁵⁶, их скармливали петухам, на которых это действовало, как слабительное на соколов, и благодаря этому восстанавливали первоначальный их цвет.

Глава LVII

О том, какой у телемитов был уклад жизни

Вся их жизнь была подчинена не законам, не уставам и не правилам, а их собственной доброй воле и хотению. Вставали они когда вздумается, пили, ели, трудились, спали когда заблагорассудится; никто не будил их, никто не неволил их пить, есть или еще что-либо делать. Такой порядок завел Гаргантюа. Их устав состоял только из одного правила:

ДЕЛАЙ ЧТО ХОЧЕШЬ,

ибо людей свободных, происходящих от добрых родителей, просвещенных, вращающихся в порядочном обществе, сама природа наделяет инстинктом и побудительною силой, которые постоянно наставляют их на добрые дела и отвлекают от порока, и сила эта зовется у них честью. Но когда тех же самых людей давят и гнетут подлое насилие и принуждение, они обращают благородный свой пыл, с которым они добровольно устремлялись к добродетели, на то, чтобы сбросить с себя и свергнуть ярмо рабства, ибо нас искони влечет к запретному и мы жаждем того, в чем нам отказано.

Благодаря свободе у телемитов возникло похвальное стремление делать всем то, чего, по-видимому, хотелось кому-нибудь одному. Если кто-нибудь из мужчин или женщин предлагал:

²⁵⁶ Если жемчужины теряли... природную свою белизну... – Этот рецепт упоминал в одном из своих трудов Аверроэс (Ибн Рушд, 1126—1198) – арабский философ, последователь Аристотеля.

«Выпьем!» – то выпивали все; если кто-нибудь предлагал: «Сыграем!» – то играли все; если кто-нибудь предлагал: «Пойдемте порезвимся в поле» – то шли все. Если кто-нибудь заговаривал о соколиной или же другой охоте, женщины тотчас садились на добрых иноходцев, на парадных верховых коней и сажали ястреба-перепелятника, сапсана или же дербника себе на руку, которую плотно облежала перчатка; мужчины брали с собой других птиц.

Все это были люди весьма сведущие, среди них не оказалось ни одного мужчины и ни одной женщины, которые не умели бы читать, писать, играть на музыкальных инструментах, говорить на пяти или шести языках и на каждом из них сочинять и стихи и прозу. Нигде, кроме Телемской обители, не было столь отважных и учтивых кавалеров, столь неутомимых в ходьбе и искусных в верховой езде, столь сильных, подвижных, столь искусно владевших любым родом оружия; нигде, кроме Телемской обители, не было столь нарядных и столь изящных, всегда веселых дам, отменных рукодельниц, отменных мастериц по части шитья, охотниц до всяких почтенных и неподневольных женских занятий.

Вот почему, когда кто-нибудь из мужчин бывал вынужден покинуть обитель, то ли по желанию родителей, то ли по какой-либо другой причине, он увозил с собою одну из женщин, именно ту, которая благосклонно принимала его ухаживания, и они вступали в брак; они и в Телеме жили в мире и согласии, а уж поженившись, еще того лучше; до конца дней своих они любили друг друга так же, как в день свадьбы.

Да, чтобы не забыть: приведу вам загадку, высеченную на медной доске, которая была обнаружена в фундаменте обители. Гласит она буквально следующее.

Глава LVIII Пророческая загадка²⁵⁷

Мечтающий о счастье сын земли,
 Душой воспрям, моим речам внимли!
 Коль веришь ты, что может человек
 Истолковать светил небесных бег
 И силой прозорливости своей
 Предугадать дела грядущих дней
 И что божественное Провиденье
 Ему порой дарует позволение, —
 Как утверждают книги мудрецов, —
 Проникнуть в судьбы будущих веков,
 Прислушайся, и я тебе открою,
 Что этой осенью или зимою
 Откуда-то придут в наш край родимый
 Такие люди, коим нестерпимы
 Ни отдых, ни веселие, ни смех
 И кои, не считая то за грех,
 Людей любого звания совратят,
 Повсюду сея распрю и разлад.
 И если кто-нибудь любой ценой
 Решит пойти дорогою такой,
 Того слова прельстительные их

²⁵⁷ *Пророческая загадка.* – Автором ее является поэт Меллен де Сен-Желе (см. примеч. к с. 29); вошла в посмертный сборник его произведений (1574), с 1534 г. циркулировала в рукописи.

Натравят на друзей и на родных.
Не будет стыдно дерзостному сыну
Вонзить кинжал отцу родному в спину,
И даже на носителей корон
Меч подданными будет занесен,
Ибо они себе составят мнение,
Забыв о долге и повиновенье,
Что всем поочередно суждено
То вверх всплывать, то вновь идти на дно.
И это породит так много споров,
Так много перебранок и раздоров,
Что худшего история не знала,
Хотя известно ей чудес немало.
В ту пору многих доблестных людей,
Кого толкнет в водоворот страстей
Их молодой и легковёрный пыл,
Постигнет смерть в расцвете лет и сил.
И кто борьбою этой увлечется,
Тот больше от нее не оторвется,
Пока небесный и земной простор
Не преисполнит шумом свар и ссор.
Повсюду станут воздавать почет
Не тем, кто справедлив, а тем, кто лжет,
Ибо рассудок подчинится слепо
Суждениям черни, темной и свирепой,
К соблазну жадной, подлой, суеверной.
О, сей потоп, прискорбный и безмерный!
Потопом смуту вправе я назвать:
Она не станет времени терять,
И всю страну охватит, и не минет,
Пока бог весть откуда не нахлынет
Поток воды, скрывая с головою
Всех тех, кто, увлеченный пылом боя,
Свой дух в сраженьях так ожесточит,
Что и скотам безвинным не простит,
Зачем покорно целыми стадами
Они идут со всеми потрохами
Не идолам на жертвоприношение,
А смертным на обычное съеденье.
Теперь и вы поймете без труда,
Что эта неизбывная вражда
В изрядное расстройство и кручину
Введет шарообразную махину!
И даже те, кому она мила,
Кто ей не хочет гибели и зла,
Попробуют, усилий не жалея,
Закрепостить ее и править ею
Так мудро, что останется несчастной
Лишь вопиять к создателю всечасно.

И в довершение бед наступит день,
Когда весь небосвод обложит тень,
Светило дня плотнее закрывая,
Чем мрак затмения или тьма ночная,
И встанет между солнцем и землей
Глухой, непроницаемой стеной,
И в мире запустенье воцарится.
Но раньше, чем все это совершится,
Подземными толчками будет он
Сильнее и внезапней потрясен,
Чем Этна в час, когда рука Кронида
Низринула ее на титанида,
И чем громады энарийских скал
В тот страшный день, когда Тифон восстал
И принялся, гордыней обуян,
Швырять мятежно горы в океан.
Итак, земля за краткие мгновенья
Претерпит столь большие разрушенья,
Что те, кто смог ее поработить,
Не станут больше властью дорожить.
Тогда сердца исполнятся желаньем
Покончить с этим долгим состязаньем,
Поскольку вышесказанный поток
Заставит всех пуститься наутек.
Однако до того, как убежать,
Еще успеет каждый увидеть
Огонь, разлившийся по небосводу,
Чтоб высушить нахлынувшую воду.
Когда ж пройдут событий этих дни,
Да будут с ликованием одни
Богатствами и манною небесной
Награждены обильно и чудесно,
Другие ж превратятся в бедняков.
Итак, теперь, когда в конце концов
Грядущее я вам истолковал,
Любой из вас свою судьбу узнал.
Сдержал я слово. О, сколь счастлив тот,
Кто до конца такого доживет!*

Как скоро чтение этого документа окончилось, Гаргантюа глубоко вздохнул и сказал присутствующим:

– Люди, преданные евангельскому учению, подвергаются гонениям с давних пор, однако ж счастлив тот, кто, не смущаясь этими гонениями и не соблазняясь и не обольщаясь влечениями плоти, прямоком идет к цели, которую преуказал нам Господь устами возлюбленного своего Сына.

– А как вы полагаете, – спросил монах, – что заключает в себе и что означает эта загадка?

– Что? – переспросил Гаргантюа. – Раскрытие и утверждение божественной истины.

– Клянусь святым Годераном, я эту загадку совсем по-другому толкую! – воскликнул монах. – Это же слог пророка Мерлина²⁵⁸! Вычитывайте в ней любые иносказания, придавайте ей самый глубокий смысл, выдумывайте сколько вашей душе угодно – и вы и все прочие. А я вижу здесь только один смысл, то есть описание игры в мяч, впрочем довольно туманное. Совратители людей – это игроки в мяч, обыкновенно состоящие между собой в дружеских отношениях. После двух подач мяча один из них выходит из игры, а другой начинает. Верят первому, кто крикнет, как пролетит мяч: над или под веревкой. Поток воды – это пот; плетенка ракетки – из бараньих или же козьих кишок; шарообразная махина – это мяч. После игры обычай таков: обсушиться возле яркого огня, переменить сорочку, а потом с удовольствием сесть за стол, при этом особенно весело пируют те, кто выиграл. И – гуляй, душа!

Конец

²⁵⁸ *Мерлин* — легендарный волшебник, герой цикла романов о короле Артуре. Именно так друзья прозвали Меллена де Сен-Желе.

**Пантагрюэль, король дипсодов, показанный
в его доподлинном виде со всеми его
ужасающими деяниями и подвигами
Сочинение покойного магистра
Алькофрибаса, извлекателя квинтэссенции**

Десятистишие мэтра Гюга Салеля²⁵⁹,

Коль автор вправе похвалу снискать,
Приятное с полезным сочетав,
Тебя читатель должен прославлять
Затем, что, шуточный предмет избрав,
Сумел ты эту повесть написать,
Где столько истин, всем полезных, скрыто.
Мне кажется, я слышу Демокрита,
Чей смех бичует глупости людские.
Пусть книга будет в наши дни забыта, —
Пиши: ее поймут века другие*.

От автора

Славнейшие и доблестнейшие воители, люди знатные и простые, любители чтения увлекательного и благопристойного! Вы не так давно видели, читали и изучали *Великие и бесподобные хроники об огромном великане Гаргантюа* и отнеслись к этой книге с таким же доверием, с каким люди истинно верующие относятся к Библии или же к Святому евангелию, и не раз при встрече с почтенными дамами и благородными девицами вместо любовных речей вы услаждали их слух извлеченными из этой книги забавными и длинными рассказами, за что вам честь и хвала и вечная память!

Будь моя воля, я бы всем и каждому велел позабыть о своих обязанностях, пренебречь своими занятиями и бросить свои дела, дабы все свое время посвятить этим рассказам, так чтобы никакие посторонние предметы не отвлекали рассказчиков и мыслей их не занимали, — таким путем все в конце концов выучили бы эти рассказы наизусть, и, в случае если бы книгопечатание прекратилось или если бы все книги почему-либо погибли, каждый мог бы слово в слово пересказать сию повесть своим детям и передать ее наследникам своим и потомкам как бы из рук в руки, точно некую религиозную каббалу, ибо пользы от нее больше, чем, вероятно, полагает шайка покрытых болячками самохвалов, еще меньше понимающих в забавных этих приключениях, нежели Ракле в *Институциях*.²⁶⁰

Многие из моих знакомых высокопоставленных сеньоров, отправившись на охоту по крупному зверю или же на охоту соколиную и не найдя зверя в том месте, которое указал ловчий, или же если сокол упустил добычу, бывали, как вы сами понимаете, сильно огорчены, и

²⁵⁹ Гюг Салель (1504—1553) — французский поэт, переводчик «Илиады».

²⁶⁰ ...нежели Ракле в «Институциях». — Имеется в виду профессор права Рэмбер Ракле. «Институции» — кодекс римского права, составленный в VI в. по инициативе византийского императора Юстиниана.

всякий раз поднимали их дух и разгоняли их тоску бесподобные деяния упомянутого Гаргантюа.

Бывают и такие случаи, и это совсем не враки: у человека адски болят зубы, просадит он на лекарей все свое достояние, а толку никакого, и вот оказывается, что самое действительное средство – это обернуть вышеназванные *Хроники* в добротное полотно, предварительно хорошенько его прогрев, сверху посыпать порошком из сухих какашек и приложить к больному месту.

А уж про бедных венериков и подагриков говорить нечего! Сколько раз приходилось нам видеть их после длительных втираний и смазываний! Лица у них блестят, как замки на дверях кладовой, где хранится сало, зубы стучат, точно клавиши органа или же спинета, а изо рта брызжет пена, точно у кабана, которого загнали собаки! Чем же они тогда занимаются? Единственное их утешение – послушать несколько страниц из вышеуказанной книги, и как же они чертыхаются, если в то время, пока их держат в парильне, чтение не приносит им существенного облегчения, – точь-в-точь как роженицы, когда им читают житие св. Маргариты!²⁶¹

Что ж, по-вашему, это безделица? Найдите мне на любом языке и в любой отрасли знания книжку, которая обладала бы такими же свойствами, особенностями и преимуществами, и я куплю вам полпинты требухи. Не найдете, милостивые государи, не найдете! Это книга в своем роде единственная, равных себе не имеющая и беспримечная. Я готов утверждать это под страхом любой кары, вплоть до костра, но только не включительно, а *исключительно*. Те же, кто будет утверждать обратное, суть предопределенцы, отщепенцы, совратители и соблазнительники.

Правда, такие выдающиеся произведения, как *Феспент*, *Неистовый Роланд*, *Роберт-Дьявол*, *Фьерабрас*, *Гийом Бесстрашный*, *Гюон Бордоский*, *Мандевиль* и *Матабрюна*²⁶², обладают некими таинственными свойствами, но с той книгой, о которой здесь идет речь, они сравнения не выдерживают. Громадная выгода и польза от вышеупомянутой гаргантюинской хроники общеизвестна, непреложное чему доказательство состоит в том, что у книгопродавцев она разошлась за два года в таком количестве, в каком Библия не расходилась в течение девяти лет.

А чтобы вам было чем развлекаться и впредь, я, покорнейший слуга ваш, ныне предлагаю вашему вниманию другую книгу в таком же духе, впрочем несколько более достоверную и правдоподобную, нежели та. Можете мне поверить (если только у вас нет против меня какого-либо предубеждения), что я толкую в ней обо всем не так, как евреи толкуют закон Божий. Я не так воспитан, мне еще не случалось лгать или же передавать за верное то, чего на самом деле не было. Я пишу, как те протобестии, то бишь протонотарии, которые, вместо того чтобы составлять жития святых мучеников и угодников, сочиняют любовные истории про угодников дамских. *Quod vidimus testamur*²⁶³. Я веду рассказ о страшных деяниях и подвигах Пантагрюэля, а я у него прослужил от молодых ногтей и до самых последних дней, на днях же я получил у него позволение²⁶⁴ посетить те края, где я жил, когда у меня еще молоко на губах не обсохло, и узнать, кто еще из моей родни существует на свете.

Итак, заканчивая этот пролог, я долгом своим почитаю сказать, что готов прозаложить всем чертям на свете тело свое и душу, всего себя со всеми потрохами, если на протяжении этой истории хоть раз прилгну. Но уж и вас чтоб спалил антонов огонь, чтоб падучая вас била,

²⁶¹ *Житие св. Маргариты*. – Считалось, что эта книга успокаивала боли рожениц. Именно поэтому из всех народных книг она чаще всего переиздавалась.

²⁶² *Феспент*... *Матабрюна*... – Здесь перечислены как вымышленные, так и очень известные произведения XV–XVI вв. Джон *Мандевиль* – автор нашумевшей, но недостоверной книги о заморском мореплавании.

²⁶³ Свидетельствуем о том, что видели (лат.). – Перифраз из Откровения Иоанна Богослова (1:2).

²⁶⁴ ...на днях же я получил у него позволение... – Рабле действительно совершил поездку в Шинон в сентябре – октябре 1532 г.

чтоб молния вас убила, чтоб от язв на ногах вам охрометь, чтоб от поноса вам отощать, чтоб во всем теле у вас приключилось трясение, а в заднем проходе воспаление, чтоб вас, как Содом и Гоморру, поглотили сера, огонь и пучина морская, если вы не будете твердо верить всему, о чем я поведаю вам в предлагаемой мною хронике!

Глава I

О происхождении и древности рода великого Пантагрюэля

Я почитаю не излишним и не бесполезным, раз у нас есть досуг, напомнить вам, откуда ведет начало свое и происхождение добрый Пантагрюэль, ибо ведомо мне, что все добрые историографы так именно и составляли свои хроники, и не только греки, арабы и язычники, но и авторы Священного писания, как, например, высокочтимый евангелист Лука и евангелист Матфей.

Надобно вам знать, что в начале мира (я веду рассказ свой издалека, – если считать по способу древних друидов²⁶⁵, то это было более сорока сороков ночей тому назад), вскоре после того как Авель пал от руки своего брата Каина, земля, впитав в себя кровь праведника, уродила множество всяких плодов, какие только в ее лоне произрастают, в особенности же так много кизилия, что приснопамятный этот год был назван годом крупного кизилия, ибо три его ягоды составляли целый буасо.

В тот год греки стали считать время на календы, в марте не было Великого поста, а первая половина августа была в мае. Кажется, на октябрь этого года или, если только не ошибаюсь, на сентябрь, – а я страх как боюсь ошибиться, – прилась неделя, известная нам по летописям под названием семипятничной, ибо на этой неделе бывает семь пятниц по причине високосной нерегулярности, в связи с чем солнце, точно хромец, слегка пошатнулось влево, луна отклонилась от своей орбиты более чем на пять туаэ, и было ясно видно сотрясение так называемого неподвижного небосвода, столь сильное, что средняя Плеяда, покинув спутников своих, отклонилась в сторону линии равноденствия, а звезда, именуемая Колосом, покинула созвездие Девы и двинулась по направлению к Весам, – все это были явления столь грозные и столь трудные и недоступные для понимания, что астрологи обломали об них все зубы, а зубы-то у них, должно полагать, были ох какие длинные, коли могли они так далеко доставать!

Да будет вам известно, что все ели помянутый кизиль с удовольствием, ибо он был хорош на взгляд и приятен на вкус, но подобно тому как Ной, этот святой человек, которому мы так обязаны и признательны за то, что он взрастил для нас виноград, из коего мы добываем нектароподобный, восхитительный, упоительный, веселящий, удивительный, божественный напиток, именуемый *хмельным*, – подобно тому как Ной, вкушая его, перехватил, ибо не подозревал о силе его действия и о его крепости, так же точно мужчины и женщины, жившие в те времена, нажились на прекрасные крупные ягоды кизилия. И от сего с ними произошли всякие несчастья, ибо у всех у них появились ужасные опухоли, но только в разных местах.

У иных пухнул живот, да так, что это уж был не живот, а здоровенная бочка; на них было написано: *Ventrem omnipotentem*²⁶⁶, и все это были люди порядочные и изрядные шутники, от коих впоследствии произошли святой Пузан и Канунпоста.

У иных росли плечи, да так, что этих горбунов стали называть *монтиферами*, то есть гороносами, – подобных им вы и сейчас еще можете наблюдать среди лиц обоего пола и раз-

²⁶⁵ ...если считать по способу древних друидов... – О летоисчислении друидов пишет Юлий Цезарь в «Записках о галльской войне» (VI, 18).

²⁶⁶ Всемогущее чрево (лат.). – пародия на «Символ веры»: *Patrem omnipotentem* – Всемогущий Отче.

ных состояний, и от них произошел Эзоп²⁶⁷, о поучительных деяниях и изречениях коего вы имеете возможность прочесть в книге.

У иных вытягивался в длину орган, именуемый *пахарем*, – он становился на диво длинным, дюжим, ражим, пригожим, цветущим, торчащим вверх на античный манер, и люди пользовались им как поясом и раз пять или шесть обматывали его вокруг туловища. Когда же он находился в стоячем положении, а ветер дул людям в спину, то в эту минуту при взгляде на них можно было подумать, что это играющие в кентен выставили пики. Порода этих людей исчезла, по крайней мере так утверждают женщины, ибо они постоянно плачутся, что

Нет больше этих толстячков и т. д., —

конец песенки вам известен.

У иных отрастали яички и принимали такие чудовищные размеры, что в мюид могло поместиться штуки три, не больше. Отсюда ведут свое происхождение лотарингские яички, которых гульфик не вмещает, так что они обретаются в глубине штанов.

У иных росли ноги, росли стопы, и при взгляде на таких людей можно было подумать, что перед вами не то журавли, не то фламинго или же что это люди на ходулях, которых школяры называют на своем языке *двустопными*.

У иных увеличивался в размерах нос до такой степени, что становился похож на трубку от перегонного куба, и был он весь испещрен жилками, усеян пупырышками, весь опухший, сизобагровый, угреватый, покрытый бутончиками бутонов, прошитый красными нитями, – такой нос вы могли видеть у каноника по имени не то Панзу, не то Пузу, да еще у анжерского лекаря по имени Культяп. Некоторые из тех, кто произошел от этой породы людей, возымели пристрастие к ячменному отвару, большинство же пристрастилось к виноградному соку. От них ведут свое происхождение Назон и Овидий²⁶⁸, а равно и все те, о коих сказано: *Ne reminiscaris*.²⁶⁹

У иных росли уши, и такие они становились большие, что из одного уха люди делали себе и куртку, и штаны, и камзол, а другим накрывались, как испанским плащом, и говорят, что в Бурбонне доныне сохранилась порода людей, благодаря которой бурбоннезские уши вошли в поговорку.

Иные же росли и вдоль и поперек. От них-то и произошли великаны.

А от них – Пантагрюэль;²⁷⁰

И первым был Шальброт,

Шальброт родил Сараброта,

Сараброт родил Фариброта,

Фариброт родил Хуртали, великого охотника до супов, царствовавшего во времена потопа,

Хуртали родил Немврода,

Немврод родил Атласа, подпиравшего плечами небо, чтобы оно не упало,

Атлас родил Голиафа,

Голиаф родил Эрикса, первого фокусника,

Эрикс родил Тита,

²⁶⁷ ...и от них произошел Эзоп... – Эзоп был низкого роста. В XVI в. популярно было его жизнеописание, составленное греческим гуманистом Максимом Планудом.

²⁶⁸ От них ведут свое происхождение Назон и Овидий... – Это одно и то же лицо (Публий Овидий Назон, 43 до н. э. – 18 н. э.).

²⁶⁹ Да не вспомнишь (ты) (лат.). – начало молитвы «Да не вспомнишь ты прегрешения наши».

²⁷⁰ А от них – Пантагрюэль... – В списке великанов персонажи, выдуманные Рабле (Шальброт, Сараброт и Фариброт), соседствуют с упомянутыми в Библии, мифологии и легендах, а также в рыцарских романах («Фьерабрас»). Здесь налицо пародирование библейской генеалогии, хотя было бы ошибкой говорить на этом основании о «безбожии» автора.

Тит родил Эриона,
Эрион родил Полифема,
Полифем родил Кака,
Как родил Этиона, первого подхватившего дурную болезнь, оттого что не пил летом
холодного вина, о чем у нас есть свидетельство Бертакино,
Этион родил Энкелада,
Энкелад родил Кея,
Кей родил Тифона,
Тифон родил Алоея,
Алосей родил Ота,
От родил Эгеона,
Эгеон родил сторукого Бриарея,
Бриарей родил Порфириона,
Порфирион родил Адамастора,
Адамастор родил Антея,
Антея родил Агафона,
Агафон родил Пора, с которым воевал Александр Великий,
Пор родил Аранфа,
Аранф родил Габбару, установившего обычай выпивать за чье-либо здоровье,
Габбара родил Голиафа Секундильского,
Голиаф родил Оффота, которому благодаря его длинному носу было очень удобно пить
из отверстия в бочке,
Оффот родил Артахея,
Артахей родил Оромедона,
Оромедон родил Геммагога, изобретателя башмаков с загнутыми вверх острыми нос-
ками,
Геммагог родил Сизифа,
Сизиф родил Титанов, от коих произошел Геркулес,
Геркулес родил Енака, великого искусника по части снятия с рук клешей,
Енак родил Фьерабраса, побежденного пэром Франции Оливье, другом Роланда,
Фьерабрас родил Морганта²⁷¹, первого человека на свете, который играл в кости, надев
очки,
Моргант родил Фракасса, о котором написал Мерлин Коккай²⁷²,
Фракасс родил Феррагуса,
Феррагус родил Мухолова, первого, кто начал коптить бычьи языки на дымовой трубе,
а прежде их солили, как ветчину,
Мухолов родил Боливоракса,
Боливоракс родил Копуна,
Копун родил Гайоффа, у которого яички были сделаны из тополя, а детородный член
из рябины,
Гайофф родил Живоглота,
Живоглот родил Брюльфера,
Брюльфер родил Жру,
Жру родил Галаада, изобретателя винных бутылок,
Галаад родил Мирланго,
Мирланго родил Галаффра,

²⁷¹ *Моргант* (Морганте) – персонаж комического эпоса итальянца Луиджи Пульчи «Большой Морганте» (1488).

²⁷² *Мерлин Коккай* – псевдоним известного итальянского писателя Теофило Фоленго (1491—1544).

Галаффр родил Тяжеловеса,
Тяжеловес родил Робоастра,
Робоастр родил Сортибранта Конимбрского,
Сортибрант родил Брюланта Монмирейского,
Брюлант родил Брюйе, побежденного Ожье Датчанином, пэром Франции,
Брюйе родил Мобрена,
Мобрен родил Немогу,
Немогу родил Аклебака,
Аклебак родил Нестоита,
Нестоит родил Грангузье,
Грангузье родил Гаргантюа,
Гаргантюа родил доблестного Пантагрюэля, моего господина.

Я предвижу, что, когда вы прочтете это место, у вас возникнет вполне законное недоумение, и вы спросите: «Как же это так? Ведь во время потопа погибли все, за исключением Ноя и еще семи человек, которых он взял с собою в ковчег, однако ж в их число упомянутый Хуртали не попал?»

Вопрос, по правде говоря, разумный и сам собою напрашивающийся, но мой ответ, я думаю, вас удовлетворит, или у меня плохо проконопачена голова. На свете меня в то время не было, брать же с потолка я не намерен, и я сошлюсь на масоретов, еврейских истолкователей Священного писания: масореты положительно утверждают, что вышеуказанного Хуртали в Ноевом ковчеге не было, оттого что не мог он туда войти, – слишком он был велик, – он сидел на ковчеге верхом и болтал ногами, как мальчишки на деревянных конях или же как впоследствии убитый при Мариньяно громадный Бернский бык²⁷³, восседавший на тяжелом орудии, а у этого верхового животного, бесспорно, изящная и легкая иноходь. Благодаря этому Хуртали оказался вторым после Бога спасителем помянутого ковчега, ибо он предотвратил кораблекрушение: он с помощью ног приводил ковчег в движение и поворачивал его в любую сторону, так что его ноги служили ковчегу как бы рулем. Находившиеся в ковчеге передавали ему по трубе достаточное количество съестного, ибо почитали Хуртали за своего благодетеля, и время от времени переговаривались с ним, как Икароменипп с Юпитером²⁷⁴, о чем поведал нам Лукиан.

Ну как, вы все поняли? В таком случае хлопните винца, только не разбавляйте водой. Не верится вам, что ли? «Ну и мне тоже не верится», – сказала кума.

Глава II

О рождении грозного Пантагрюэля

В пятисотдвадцатичетырехлетнем возрасте Гаргантюа прижил сына Пантагрюэля со своей женой Бадбек, дочерью короля амавротов²⁷⁵, населяющих Утопию. Бадбек умерла от родов, так как ребенок оказался необыкновенно большим и тяжелым и мог появиться на свет лишь ценою жизни матери.

Дабы вполне уяснить себе, какие причины и основания были для того, чтобы дать младенцу при крещении такое имя, примите в рассуждение, что в тот год во всей Африке стояла

²⁷³ ...громадный Бернский бык... – В ходе битвы при Мариньяно (1515), когда французы разгромили швейцарцев, толстяк швейцарец по имени Понтимер, трубач, сумел вывести из строя несколько пушек неприятеля, но в конце концов был убит.

²⁷⁴ ...как Икароменипп с Юпитером... – Древнегреческий писатель-сатирик Лукиан (120—190) в диалоге «Икароменипп» рассказывает историю философа Мениппа, который взлетел в небеса, подобно Икару, и вступил в беседу с Зевсом (Юпитером).

²⁷⁵ ...дочерью короля амавротов... – В «Утопии» английского гуманиста Томаса Мора (1478—1535) Амавротом именуется город (от гр. «труднодоступный взору»).

великая сушь: дождя не было тридцать шесть месяцев, три недели, четыре дня и тринадцать с лишком часов, солнце же так немилосердно пекло, что вся земля высохла, – даже во времена Илии не было такой жары, как тогда, ибо на всей земле не осталось ни единого деревца, на котором сохранился хотя бы один-единственный листик или цветок. Трава пожелтела, реки обезводили, источники иссякли; несчастные рыбы, коих покинула родная стихия, бились на земле и страшно кричали; из-за отсутствия росы птицы падали наземь; волки, лисицы, олени, кабаны, лани, зайцы, кролики, ласки, куницы-белодушки, барсуки и другие животные валялись на полях мертвые, с разинутыми пастьями. На людей жалко было смотреть. Они бродили, высунув язык, точно борзые после шестичасовой охоты; иные бросались в колодцы, иные в поисках тени залезали в брюхо коровы, – Гомер называет таких людей *алибантами*. Все кругом как вымерло. Нельзя было без жалости смотреть на тщетные усилия людей, пытавшихся принять меры против этой ужасающей жажды. Больших трудов стоило, например, уберечь в церквах святую воду, чтобы ее всю сразу не извели. На совете, который господа кардиналы держали со святейшим отцом, было постановлено, чтобы больше одного раза никому святой воды не давать. В церкви, однако ж, всегда можно было видеть несколько десятков несчастных жаждущих, обступивших того, кто раздавал воду, и раскрывавших рты в надежде, что им, как злому богачу из притчи о Лазаре, достанется хоть капелька, иначе, мол, эта капелька пропадет зря. Блажен был тот, кто обладал тогда холодным погребом с изрядным запасом воды!

Один философ, поставив перед собой вопрос, отчего морская вода солонa, замечает, что когда Феб дал править светозарною своею колесницею своему сыну Фаэтону, упомянутый Фаэтон, новичок в этом деле, заблудился и, вместо того чтобы держаться эклиптики, проходящей между тропиками солнечной сферы, оказался так близко от земли, что все находившиеся под ним страны высохли, а значительная часть неба сгорела, – именно та, которую философы называют *via lactea*²⁷⁶, неучи же – *дорогою святого Иакова*, хотя славнейшие из поэтов уверяют, что это именно то место, куда пролилось молоко Юноны, когда она кормила грудью Геркулеса. Одним словом, земля от страшной жары покрылась невероятно обильным потом и насытила им море, вот отчего море и стало соленым, так как всякий пот солон. Вы в этом легко можете убедиться, стоит вам только попробовать либо ваш собственный пот, либо пот венериков, которых врачи заставляют потеть, – разницы тут нет никакой.

Нечто подобное произошло и в тот год, о котором здесь идет речь, ибо в одну из пятниц, когда все, преисполнившись особого благоговения, принимали участие в торжественном служении с чтением множества молитв и пением прекрасных песнопений и молили всемогущего Бога призреть благосердием своим на таковое ужасное бедствие, вдруг стало явственно видно, что из земли проступают крупные капли влаги, как у человека во время сильной испарины. Бедный народ обрадовался – он вообразил, что это ему будет на пользу, ибо иные утверждали, что в воздухе не осталось ни капли влаги, дождя, следственно, ожидать не приходится, и земляде восполняет этот недостаток. Люди ученые уверяли, что это у антиподов прошел дождь, о каковом дожде Сенека, толкуя о происхождении и истоках реки Нила, упоминает в четвертой книге²⁷⁷ *Questionum naturalium*²⁷⁸. Все они, однако, ошибались, ибо как скоро молебствие окончилось и каждому захотелось напиться этой росы вволю, оказалось, что это рассол, и притом еще хуже и солонее морской воды.

И вот именно потому, что Пантагрюэль родился в этот самый день, отец и дал ему такое имя, ибо *панта* по-гречески означает «все», а *грюэль* на языке агарян означает «жаждущий», и понимать это надо было, во-первых, так, что в день его рождения весь мир испытывал жажду,

²⁷⁶ Млечный путь (лат.).

²⁷⁷ ...о каковом дожде Сенека... упоминает в четвертой книге... – Римский писатель Луций Анней Сенека (ок. 4 до н. э. – 65 н. э.) пишет об этом не в четвертой, а в третьей книге «Исследований о природе», посвященных различным метеорологическим явлениям.

²⁷⁸ «Исследований о природе» (лат.).

а во-вторых, что отец в пророческом озарении уже провидел тот день, когда сын его станет владыкою жаждущих, чему он незамедлительно нашел подтверждение в другом, еще более явном знаке.

Дело в том, что когда жена его Бадбек производила на свет и повивальные бабки у нее принимали, то сначала из ее утробы вышло шестьдесят восемь погонщиков мулов, причем каждый вел под уздцы мула, навьюченного солью, потом вышло девять дромадеров, тащивших ветчину и копченые бычьи языки, потом семь верблюдов с грузом угрей, потом, наконец, двадцать пять возов с луком-пореем, чесноком и зеленым луком, и обоз этот навел на помянутых бабок страх. Впрочем, некоторые из них заметили:

– Ох, сколько вкусных вещей! Это потому, надо быть, что мы пьем порциями детскими, а не немецкими. Нет, это добрый знак, от такой пищи позовет на вино.

А пока они судачили, появился на свет и сам Пантагрюэль, лохматый, как медведь, и при виде его одна из повитух прорекла:

– Родился он весь в волосах, стало быть, натворит чудес, и если только будет жить, то уж поживет!

Глава III

О том, как скорбел Гаргантюа по случаю смерти своей жены Бадбек

Когда Пантагрюэль родился, кто всех более был ошеломлен и растерян? Его отец Гаргантюа. Ибо, видя, что его жена Бадбек скончалась, и в то же самое время видя, что новорожденный сын его Пантагрюэль так прекрасен и так громаден, он не знал, что ему делать и что говорить; сомнение же, обуревавшее его, заключалось в следующем: он колебался, то ли ему плакать от горя, что у него умерла жена, то ли смеяться от радости, что у него родился сын. Он нашел логические доводы в пользу и того и другого, и это-то как раз его и удручало, ибо хотя он отлично умел рассуждать *in modo et figura*, однако разрешить свое недоумение никак не мог и, запутываясь все больше и больше, метался, как мышь в мышеловке, бился, как коршун в тенетах.

– Что же мне, плакать? – рассуждал он сам с собой. – Да. А почему? Скончалась моя милая женушка, такая, сякая, этакая, разэтакая. Никогда уж больше я ее не увижу, другой такой никогда не найду, – это для меня потеря невознаградимая. Господи Боже, чем я Тебя прогневил, за что Ты меня наказуешь? Зачем не послал Ты мне смерть раньше, чем ей? Все равно без нее мне и жизнь не в жизнь. Ах, Бадбек, светик мой, малышечка, крошечка, крохотулечка, никогда-то я тебя больше не увижу! О бедный Пантагрюэль! Нет у тебя милой мамы, ласковой кормилицы, дорогой наставницы! О коварная смерть! Как безжалостно, как жестоко ты со мной поступила, похитив у меня ту, которая имела все права на бессмертие!

Произнося эти слова, он ревел коровой, но потом вдруг, вспомнив о Пантагрюэле, ржал, как жеребец.

– Ах ты, мой сыночек! – продолжал он. – Шалунишка ты мой, плутишка ты мой, да какой же ты у меня хорошенький! Благодарю тебя, Боже, за то, что Ты даровал мне такого чудного сына, такого жизнерадостного, такого веселого, такого красивого! Ах, как я рад, ох, как я рад, ух, как я рад! Хо-хо, уж и выпьем же мы! Прочь, тоска-злодейка! А ну, принесите вина получше, сполосните стаканы, постелите скатерть, прогоните собак, раздуйте огонь, зажгите свечи, затворите двери, нарежьте хлеба, раздайте милостыню нищим, и пусть убираются! Снимите с меня плащ, я надену камзол, – крестины нужно отпраздновать торжественно.

В это мгновение до него донеслись заупокойные молитвы, читавшиеся священниками, которые отпевали его жену, и тут он прервал свою пышную речь и неожиданно в исступлении крикнул:

– Господи! До каких же мне пор сокрушаться? Это меня приводит в отчаяние. Я уже не молод, я старею, погода ненадежная, я могу схватить лихорадку, сойду с ума. Клянусь честью, надо поменьше плакать и побольше пить! Моя жена умерла? Ну что ж, ей-богу (*da jurandi!*²⁷⁹), слезами горю не поможешь. Ей теперь хорошо, она, уж верно, попала в рай, а то и еще куда-нибудь получше, она молит за нас Бога, она блаженствует, она далека от наших горестей и невзгод. Все там будем, а живой о живом думает! Пора мне приискать себе другую. Вот что, добрые женщины, – обратился он к повитухам (а бывают ли на свете добрые женщины? Что-то я их не вижу), – вы идите на похороны, а я уж тут понянчу сына, – я очень огорчен и могу простудиться. Но только сначала пропустите по стаканчику, это вам не повредит, можете мне поверить, честное даю вам слово.

Они послушались его и отправились на похороны и погребение, бедный же Гаргантюа остался дома. И тут он сочинил для памятника нижеследующую эпитафию:

От родов умерла моя Бадбек,
А я считал их столь нетрудным делом!
Лицом она была – резной ребек,
Швейцарка – животом, испанка – телом.
Да будет рай теперь ее уделом,
Раз на земле она чуждалась зла!
Под этот камень трупом охладелым
Легла она, когда к ней смерть пришла*.

Глава IV О детстве Пантагрюэля

У древних историографов и поэтов я вычитал, что многие в этом мире появляются на свет престранным образом, но об этом долго рассказывать. Коли есть у вас досуг, прочтите VII книгу Плиния. Однако ничего похожего на необычайное детство Пантагрюэля вам, уж верно, никогда еще не приходилось слышать, ибо трудно поверить, чтобы в столь краткий срок можно было вырасти и окрепнуть настолько, что даже Геркулес не идет с ним ни в какое сравнение, несмотря на то что он еще в колыбели убил двух змей, да ведь змеи-то эти были маленькие и слабенькие, а вот Пантагрюэль, еще будучи в колыбели, совершил подвиги поистине ужасающие.

Я не стану говорить здесь о том, что за каждой трапезой он высасывал молоко из четырех тысяч шестисот коров и что печку, в которой можно было варить ему кашку, складывали все печники из Сомюра, что в Анжу, из Вильдьё, что в Нормандии, и из Фрамона, что в Лотарингии, кашицу же эту ему подавали в огромной каменной водопойной колоде, до сих пор еще существующей в Бурже, возле дворца, однако зубы у Пантагрюэля были до того острые и крепкие, что он отгрыз от указанной колоды немалый кусок, и это явственно видно.

Однажды утром захотелось ему пососать одну из своих коров (а это были, гласит история, единственные его кормилицы), руки же у него были привязаны к колыбельке, так он одну руку, извольте ли видеть, высвободил, схватил эту самую корову за ноги и отъел у нее половину вымени и полживота вместе с печенью и почками; и он сожрал бы ее всю целиком, да она заревела так, словно на нее волки напали, на каковой ее рев сбежались люди и помянутую корову у Пантагрюэля отняли; однако ж они не весьма ловко это сделали, так что нога коровья осталась в руках у Пантагрюэля, и он отлично с нею справился, как вы бы справились с

²⁷⁹ Дай, (Господи, разрешение) поклясться! (*лат.*)

сосиской; когда же у него попытались отнять кость, он проглотил ее, как баклан рыбешку, да еще начал потом приговаривать: «Кус! Кус! Кус!» – говорить-то он как следует еще не умел, а хотел сказать, что это очень вкусно и что он сыт вполне. После этого происшествия те, кто ему прислуживал, привязали его к колыбели толстыми канатами вроде тех, какие делают в Тене для перевозки соли в Лион²⁸⁰, или же тех, какими привязан в нормандской гавани Грас большущий корабль «Франсуаза».²⁸¹

Со всем тем, когда громадный медведь, которого выкормил отец Пантагрюэля, вырвался на волю и начал лизать ребенку личико, ибо кормилицы не потрудились вытереть ему как следует губенки, мальчик освободился от этих самых канатов так же легко, как Самсон от тетив, коими опутали его филистимляне, схватил его медвежье высокородие и разорвал на части, как цыпленка, а затем, после такой удачной охоты, устроил себе превосходный завтрак.

Гаргантюа, полагая, что так недолго и до беды, велел привязать младенца четырьмя толстыми железными цепями, а над колыбелью устроить надежный свод. Одну из этих цепей и сейчас еще можно видеть в Ла-Рошели, – по вечерам ее поднимают в гавани между двумя большими башнями, – другую в Лионе, третью в Анжере, а четвертую унесли черти, чтобы связать Люцифера, который порвал на себе цепи в то время, когда у него схватило живот, оттого что Люцифер съел за завтраком фрикасе из души какого-то судейского. После этого кажется вполне правдоподобным то, что пишет Николай Лира²⁸² по поводу одного места в Псалтири: *Et Og regem Basan*²⁸³ – де, мол, названный Ог сызмала был таким сильным и крепким, что его в колыбели пришлось сковать железными цепями. С тех пор Пантагрюэль вел себя тихо и смирно, так как одолеть железные цепи ему уж было не под силу, да и колыбель стесняла движения его рук.

Но вот однажды его отец Гаргантюа по случаю какого-то большого праздника задал роскошный пир владетельным князьям, состоявшим при его дворе. Слуги, по-видимому, сбились с ног и совсем позабыли про бедного Пантагрюэля, никто на него и внимания не обращал. Как же он поступил?

Как поступил? А вот послушайте, мои милые.

Он попытался разорвать цепи руками, но так и не сумел, слишком они были крепкие. Тогда он так наподдал ногами, что передняя стенка колыбели обрушилась, – а ведь она была из толстого бревна в семь квадратных ампанов²⁸⁴, – сколько мог, вытянул ноги, спустил их и достал до земли; затем принатужился, выпрямился и так, связанный, и понес на хребте колыбель, точь-в-точь как черепаха, карабкающаяся вверх по стене; глядя на него, можно было подумать, что это целый корабль водоизмещением в пятьсот тонн поднялся на гребень волны. Так он предстал перед пирующими, и вид у него при этом был столь решительный, что гостей взяла оторопь; руки у него, однако ж, были связаны, и оттого он ничего не мог взять себе из еды, – он лишь с великим трудом нагибался и нет-нет да и слизывал что-нибудь языком. Тогда отец догадался, что ребенка позабыли накормить, и велел снять с него цепи, предварительно посоветовавшись с пировавшими князьями и сеньорами, к мнению которых присоединились и придворные лекари, полагавшие, что если ребенка долго держать в колыбели, то у него образуются камни в почках.

²⁸⁰ ...вроде тех, какие делают в Тене для перевозки соли в Лион... – В городе Тене, на реке Рона, находился склад соли, которую перевозили на кораблях в Вьенн и Лион.

²⁸¹ «Франсуаза». – Строительство «Франсуазы» – самого крупного корабля во Франции той эпохи было завершено в 1527 г., а первая – неудачная – попытка спустить его на воду была предпринята лишь в 1533 г.

²⁸² Николай Лира (ум. 1340) – богослов-францисканец, профессор Парижского университета, автор первого полного комментария к Библии.

²⁸³ И Ога, царя Васанского (лат.). – см. Псалтирь, 134:11.

²⁸⁴ Семь квадратных ампанов – более 1, 5 кв. м.

Итак, с ребенка сняли цепи, усадили за стол и вдоволь накормили, а он после этого с досады так трахнул кулаком по самой середине своей колыбельки, что она разлетелась более чем на пятьсот тысяч кусков, да еще потом объявил, что больше ни за что туда не вернется.

Глава V

Подвиги, совершенные доблестным Пантагрюэлем в юном возрасте

Итак, Пантагрюэль рос с каждым днем и заметно входил в тело, чему отец в силу естественных чувств своих к сыну не мог не радоваться, и велел он смастерить для него, когда тот был еще маленький, арбалет, чтобы бить пташек, – теперь этот арбалет известен под названием большого шантельского арбалета; затем он отправил его в школу, дабы тот юные свои годы посвятил учению.

И точно: Пантагрюэль поехал учиться в Пуатье²⁸⁵ и оказал большие успехи; вскоре, однако ж, он заметил, что когда у школяров выпадают свободные часы, то они не знают, чем себя занять, и ему стало их жалко, и вот как-то раз отломил он от громадной скалы, которая называется Паслурден, огромный камень длиною приблизительно в двенадцать квадратных туаз и в четырнадцать ампанов толщиной и без труда установил его среди поля на четырех столбах, дабы школяры, когда им нечего делать, забирались туда с изрядным количеством бутылок, ветчины и пирожков, устраивали себе пир и ножичком вырезали на камне свои имена, а камень так с той поры и зовется Поднятым камнем. И в память этого события вас не внесут теперь в матрикулы Пуатьерского университета, прежде чем вы не напьетесь из Конского источника в Крутелль, не пройдете по Паслурдену и не взберетесь на Поднятый камень.

Немного спустя Пантагрюэль, вычитав в прекрасных сказаниях о своих предках, что Жофруа де Люзиньян²⁸⁶, по прозвищу Жофруа Большой Зуб, дедушка троюродного брата старшей сестры тетки зятя дяди невестки его тещи, был погребен в Майезе, взял отпуск, чтобы, как подобает порядочному человеку, посетить могилу усопшего родича. Он взял с собой кое-кого из своих товарищей, и, пройдя Лигюже и навестив там глубокочтимого аббата Ардийона, затем – Люзиньян, Сансе, Сель, Колонж, Фонтене-ле-Конт, где они приветствовали ученого Тирако²⁸⁷, они прибыли наконец в Майезе²⁸⁸ и посетили гробницу означенного Жофруа Большой Зуб, и тут при взгляде на его изображение Пантагрюэль струхнул, ибо Жофруа был изображен человеком свирепого вида, наполовину вынувшим свой меч из ножен, и сейчас же осведомился о причине этого. Местные каноники ему ответили, что причина тут одна:

Pictoribus atque poetis²⁸⁹ и т. д.,

то есть художники и поэты вольны изображать что хотят и как им вздумается. Однако Пантагрюэль, не удовлетворившись их ответом, сказал:

– Он изображен так не без причины. Я подозреваю, что перед смертью ему нанесли оскорбление и он требует, чтобы родичи за него отомстили. Я этого так не оставлю и поступлю, как велит мне долг.

²⁸⁵ ...Пантагрюэль поехал учиться в Пуатье... – В Пуатье находился один из крупнейших во Франции университетов (как и в Бордо, Тулузе, Орлеане).

²⁸⁶ Жофруа де Люзиньян (Жофруа де Лузиньян) – феодал первой половины XIII в., отличавшийся жестокостью; изо рта у него торчал зуб. Считался сыном феи Мелузины (см. примеч. к с. 563).

²⁸⁷ ...приветствовали ученого Тирако... – Приятель Рабле, юрист Андре Тирако (1488—1558), организовал в Майезе гуманистический кружок.

²⁸⁸ Майезе – аббатство, настоятелем которого был Жофруа д'Эстисак (см. примеч. к с. 92).

²⁸⁹ Художникам и поэтам (лат.). – известная цитата из «Науки поэзии» Горация.

В Пуатье Пантагрюэль не вернулся, а почел за нужное побывать в других французских университетах; того ради, проехав Ла-Рошель, он сел на корабль и, прибыв в Бордо, обнаружил, что там не весьма усердно занимаются физическими упражнениями; одни лишь грузчики на песчаном берегу играли в лунки.

Оттуда он проследовал в Тулузу и там отлично выучился танцевать, выучился фехтовать обеими руками, как то принято у местных студентов, но едва он увидел, что эти самые студенты живьем поджаривают своих профессоров²⁹⁰, точно это копченые сельди, то не стал там долее задерживаться и, отбывая, воскликнул:

– Не дай мне Бог умереть такой смертью! Я от природы человек пылкий, куда мне еще подогреваться на костре!

Затем он отправился в Монпелье, обнаружил там отменные мирвоссские вина и веселую компанию и подумал было, не остаться ли ему изучать медицину, но потом решил, что это занятие крайне беспокойное и безотрадное и что от лекарей пахнет промывательным, как от старых чертей.

Пришло было ему в голову изучать законы, да как увидел он, что законников в том городе всего-навсего трое паршивых да один плешивый, так, нимало не медля, и отбыл и расстояние от Моста стражей до Нимского амфитеатра прошел меньше чем за три часа, а это уже представляется чем-то сверхъестественным. В Авиньоне²⁹¹ он не успел пробыть и трех дней, как уже влюбился, и немудрено: Авиньон – владение папское, а потому женщины охотно играют здесь в подхвостник.

Видя, что дело плохо, наставник Пантагрюэля Эпистемон увез его в Валанс, что в Дофине, но и тут было незаметно, чтобы студенты усиленно упражнялись, притом городские озорники имели обыкновение лупить студентов, на Пантагрюэля же это не произвело приятного впечатления, и в один из воскресных дней, когда все танцевали на улицах и кому-то из студентов тоже захотелось потанцевать, а озорники ему не дали, Пантагрюэль на них напал, погнав их прямо к Роне и чуть было не утопил, но они, как кроты, ушли под землю и укрылись под Роной, в доброй полумиле от берега. Этот подземный ход сохранился донныне.

Затем Пантагрюэль покинул Валанс и, трижды шагнув и единожды прыгнув, очутился в Анжере, и там ему очень понравилось, и он погостил бы там подольше, но его прогнала оттуда чума.

Он проследовал в Бурж, долго учился там на юридическом факультете и оказал большие успехи; потом он не раз говорил, что книги по юриспруденции напоминают ему чудо какой красивый и нарядный плащ, расшитый золотом и драгоценными камнями, а по краям отделанный дерьмом.

– На всем свете не сыщешь такой прекрасной, такой цветистой и такой изящной книги, как тексты *Пандектов*²⁹², — говаривал он, — а вот отделка их, то бишь глоссы Аккурсия, до того грязная, противная и вонючая, точно это отбросы и нечистоты.

Из Буржа Пантагрюэль отправился в Орлеан, и там ватага проказливых студентов угостила его на славу, в короткий срок обучила играть в мяч, ибо местные студенты по этой части молодцы, — так хорошо научила, что он достиг в этом совершенства, — и несколько раз возила на острова, где было принято играть в круглячки. А чтобы ломать себе голову над книгами — от этого Пантагрюэль всячески себя оберегал, так как боялся испортить зрение, тем паче что один из профессоров твердил на лекциях, что нет ничего опаснее для зрения, чем болезнь глаз.

²⁹⁰ ...эти самые студенты живьем поджаривают своих профессоров... — В 1532 г. был сожжен на костре профессор права Тулузского университета Жан де Кагор, заподозренный в ереси.

²⁹¹ . *Авиньон* — этот город в Провансе с 1309 по 1377 г. был папской резиденцией, а затем продолжал оставаться во владении Святого престола вплоть до Великой французской революции.

²⁹² «*Пандекты*» — пользовавшийся большой популярностью в средние века компендиум римского права. Самый знаменитый толкователь «Пандектов» — Аккурсий. Гуманисты воспринимали подобные комментарии весьма критично.

Спустя несколько дней, после того как Пантагрюэль получил степень лиценциата прав, один из его знакомых студентов (в науках он был не силен, зато превосходно танцевал и играл в мяч) сочинил в стихах девиз лиценциатов местного университета:

Сунув в гульфик мячик меткий,
Познакомившись с ракеткой,
Скрыв под шапкой волос редкий,
В хоровод веселый встав,
Будешь тотчас доктор прав*.

Глава VI

О том, как Пантагрюэль встретил лимузинца, коверкавшего французский язык

Как-то раз, не сумею сказать – когда именно, Пантагрюэль после ужина прогуливался со своими приятелями у городских ворот, где берет начало дорога в Париж. Здесь он повстречал весьма миловидного студента, шедшего по этой дороге, и, поздоровавшись с ним, спросил:

– Откуда это ты, братец, в такой час?

Студент же ему на это ответил:

– Из альмаматеринской, достославной и достохвальной академии города, нарицаемого Лютецией.²⁹³

– Что это значит? – обратился к одному из своих спутников Пантагрюэль.

– То есть из Парижа, – отвечал тот.

– Так ты из Парижа? – спросил студента Пантагрюэль. – Ну, как же вы, господа студенты, проводите время в этом самом Париже?

Студент ему на это ответил так:

– Мы трансфретируем Секвану поутру и ввечеру, деамбулируем по урбаническим перекресткусам, упражняемся во многолатиноречии и, как истинные женолюбусы, тщимся снискать благоволение всесудящего, всеобличьяприемлющего и всеродящего женского пола. Чрез некоторые интервалы мы совершаем визитации лупанариев и в венерном экстазе инкулькируем наши веретры в пенитиссимные рецессы пуденд этих амикабилиссимных меретрикулий, а затем располагаемся в тавернах «Еловая шишка», «Замок», «Магдалина» и «Мул», уплетандо отменные баранусовые лопаткусы, поджарентум кум петруцка. В тех же случаях, когда карманари ностри тощают и пребывают экстаустными от звонкой монеты, мы расставляем с нашими либрисами и с лучшими нашими орнаментациями и ожидаем посланца из отеческих ларов и пенатов.

Тут Пантагрюэль воскликнул:

– На каком это чертовом языке ты изъясняешься? Ей-богу, ты еретик!

– Сениор, нет, – возразил студент, – ибо едва лишь возблещет первый луч Авроры, я охотнissime отправляюсь во един из велелепейших храмов, и там, окропившись люстральной аквой, пробурчав какую-нибудь стихиру и отжарив часы, я очищаю и избавляю свою аниму от ночной скверны. Я ублажаю олимпийколов, величаю верховного Светоподателя, сострадаю ближнему моему и воздаю ему любовью за любовь, соблюдаю десять заповедей и по мере сил моих не отступаю от них ни на шаг. Однакорум поеликве мамона не пополнирует ни на

²⁹³ Из альмаматеринской, достославной и достохвальной академии... – Во времена Рабле в университетах говорили по-латыни. Школяры охотно пользовались франко-латинским жаргоном.

йоту моего кошелькабуса, я редко и нерадиво вспомошествоую той голытьбарии, что ходит под окнами, молендо подаяния.

– А, да пошел он в задницу! – воскликнул Пантагрюэль. – Что этот сумасшедший горюдит? Мне сдается, что он нарочно придумал какой-то дьявольский язык и хочет нас обморочить.

На это один из спутников ему сказал:

– Сеньор! Этот молодец пытается обезьянничать с парижан, на самом же деле он обдирает с латыни кожу, хотя ему кажется, что он подражает Пиндару²⁹⁴; он совершенно уверен, что говорит на прекрасном французском языке – именно потому, что говорит не по-людски.

– Это правда? – спросил Пантагрюэль.

Студент же ему на это ответил:

– Сениор миссер! Гению моему несродно обдираре, как выражается этот гнусиссимный сквернословус, эпидермный покров с нашего галликского вернакула, – вицеверсотив, я оперирую в той дирекции, чтобы и такум и сякум его обогатаре, дабы стал он латинокудрым.

– Клянусь Богом, я научу тебя говорить по-человечески! – вскричал Пантагрюэль. – Только прежде скажи мне, откуда ты родом.

На это ему студент ответил так:

– Отцы и праотцы мои генеалогиируют из регионов Лимузинских, идеже упокоется прах святителя Марциала.

– Понимаю, – сказал Пантагрюэль, – ты всего-навсего лимузинец, а туда же суешься перенимать у парижан. Поди-ка сюда, я тебе дам хорошую выволочку!

Тут он схватил его за горло и сказал:

– Ты обдираешь латынь, ну, а я, клянусь Иоанном Крестителем, заставлю тебя драть козла. Я с тебя с живого шкуру сейчас сдеру!

Тут бедный лимузинец завопил:

– Эй, барчук, слышь! Ой, святой Марциал, помоги! Ох, да отступись ты от меня за ради Бога, не трожь!

– Вот сейчас ты заговорил по-настоящему, – заметил Пантагрюэль.

И с этими словами он его отпустил, ибо бедняга лимузинец в это самое мгновение наложил полные штаны, задник же на штанах у него был с прорезами.

– Святой Алипентин, ну и аромат! – воскликнул Пантагрюэль. – Фу, вот навонял репоед проклятый!

Итак, Пантагрюэль отпустил его. Однако ж воспоминание об этом происшествии преследовало лимузинца всю жизнь, и до того он был этим потрясен, что все ему чудилось, будто Пантагрюэль хватает его за горло, а несколько лет спустя он умер Роландовой смертью²⁹⁵, в чем явственно виден гнев Божий, и пример этого лимузинца подтверждает правоту одного философа у Авла Геллия, утверждавшего, что нам надлежит говорить языком общепринятым и, по выражению Октавиана Августа, избегать непонятных слов так же старательно, как корабледовитель избегает подводных скал.

²⁹⁴ Пиндар – греческий поэт (522 или 518—446 до н. э.). Во Франции времен Рабле он еще не переводился, но выражение «пиндаризировать» (говорить на выпренном, помпезном языке) было широко распространено.

²⁹⁵ ...он умер Роландовой смертью... – Считалось, что легендарный паладин Карла Великого Роланд погиб от жажды в Ронсевальском ущелье.

Глава VII

О том, как Пантагрюэль прибыл в Париж, и о прекрасных книгах, находящихся в библиотеке монастыря св. Виктора

Получив в Орлеане отличное образование, Пантагрюэль задумал посетить еще великий университет Парижский. Однако ж перед самым отъездом он получил сведения, что назад тому двести четырнадцать лет с колокольни орлеанской церкви во имя св. Агнииана упал громадный и огромный колокол и никакие приспособления не могли сдвинуть его с места, – такой он был тяжелый, – хотя для этого применялись все средства, какие указывают Витрувий в *De architectura*²⁹⁶, Альберти в *De re aedificatoria*²⁹⁷, Эвклид, Феон, Архимед и Герон в *De ingeniiis*²⁹⁸; все было напрасно. Пантагрюэль милостиво согласился исполнить смиренную просьбу граждан и жителей означенного города и порешил поднять колокол на колокольню.

И точно: он приблизился к лежавшему на земле колоколу и с такою легкостью поднял его мизинцем, с какою вы бы подняли бубенчик. Однако ж, прежде чем поднять его на колокольню, Пантагрюэль вздумал задать утреннюю серенаду и, позванивая в колокол, пронес его по всем улицам, отчего сердца горожан преисполнились бурного веселья; кончилось же это весьма скверно, ибо, пока он нес на руке колокол и звонил, доброе орлеанское вино все как есть испортилось и скисло. Народ понял это только вечером, ибо от прокисшего вина орлеанцам стало дурно и всех их выворотило наизнанку.

– Это все от Пантагрюэля, – говорили они. – У нас во рту соленый вкус.

Вскоре после этого Пантагрюэль со своими спутниками прибыл в Париж, и навстречу ему выбежал весь народ, – вы же знаете, что парижане глупы от природы, глупы во всех ключах и во всех тональностях, и они смотрели на Пантагрюэля в великом смущении и отнюдь не без страха: они опасались, как бы он не уволок здание суда в какое-нибудь захолустье, – утащил же его отец колокола с Собора Богоматери и повесил же он их на шею своей кобыле!

Пробыв здесь некоторое время и оказав изрядные успехи во всех семи свободных науках²⁹⁹, Пантагрюэль утверждал, что в этом городе хорошо жить, а умирать плохо, оттого что бродяги на кладбище Невинноубиенных младенцев³⁰⁰ греют себе зад костями мертвецов. О библиотеке же св. Виктора³⁰¹ он был чрезвычайно высокого мнения, в частности о книгах, список коих мы прилагаем³⁰², и *primo*:

*Bigua salutis,
Bragueta juris,
Pantofla Decretorum,
Malogranatum vitiorum*³⁰³,
Клубок теологии,

²⁹⁶ «Об архитектуре» (лат.).

²⁹⁷ «О строительном искусстве» (лат.).

²⁹⁸ «О механизмах» (лат.). – Книги об архитектуре римского зодчего *Витрувия* (I в. до н. э.) и итальянского гуманиста Леона Батисты *Альберти* (XV в.) были знамениты во времена Рабле. Среди трудов греческого ученого *Герона* Александрийского нет трактата «О механизмах».

²⁹⁹ *Семь свободных наук* – грамматика, логика, риторика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия.

³⁰⁰ ...бродяги на кладбище Невинноубиенных младенцев... – Бродяги имели обыкновение вскрывать могилы и пировать на костях.

³⁰¹ Библиотека св. Виктора – одна из богатейших библиотек в Париже.

³⁰² ...список коих мы прилагаем... – В перечень входят главным образом вымышленные книги, иногда пародирующие названия реальных. Встречаются и подлинные заглавия – например, трактат богослова Жана Жерсона «О возможности смешения папы церковью» (нач. XV в.).

³⁰³ Во-первых: «Жердь спасения», «Гульфик права», «Туфли Декретов», «Гранат пороков» (средневеков. лат.).

Метелка проповедника, сочинение Дармоеда,
Слоновьи яички для отважных,
Отрава для епископов,
Marmotretus, De baboinis et cingis, cum commento Dorbellis,
Decretum universitatis Parisiensis super gorgiasitate muliercularum ad
*placitum*³⁰⁴,
Явление святой Гертруды инокине Пуассийского монастыря, в то время
как та производила на свет,
*Ars honeste pettandi in societate, per M. Ortuinum*³⁰⁵,
Горчичник покаяния,
Гамаша, *alias*³⁰⁶ Башмаки терпения,
Formicarium artium,
De brodiorum usu et honestate chopinandi, per Silvestrem Prieratem,
*Jacospinum*³⁰⁷,
Судейское головомороченье,
Корзинка нотариусов,
Звено, связующее состоящих в браке,
Гнездо созерцания,
Пустозвонство законников,
Побудительная сила вина,
Сила, притягивающая к сыру,
Decrotatorium scholarium,
*Tartaretus, De modo cacandi*³⁰⁸,
Римские парады,
Брико, *De differentiis soupparum*³⁰⁹,
Хлестание по заднику,
Шлепание подошвою по ягодицам смиренных,
Треножник благомыслия,
Чан великодушия,
Крючки на удочках духовников,
Щелкание приходскими священниками друг друга по носу,
Reverendi Patris Fratris Lubini, Provincialis Bavardiae, De croquendis
lardonibus libri ires,
Pasquili, Doctoris marmorei, De capreolis cum chardoneta comedendis,
*tempore Papali ab Ecclesia interdicto*³¹⁰,
Обретение креста Господня, на шесть действующих лиц, разыгранное
продувными bestиями,
Окуляры поримупаломничающих,

³⁰⁴ Мамотре, «О павианах и обезьянах», с комментариями д'Орбо; «Постановление Парижского университета касательно кокетства гулящих бабенок» (средневек. лат.).

³⁰⁵ «Искусство благопристойно пукать в обществе» магистра Ортуина (средневек. лат.).

³⁰⁶ Или (лат.).

³⁰⁷ «Муравейник искусств»; «Об употреблении бульонов и о достоинствах перепоя» Сильвестра Приерийского, иаковита (средневек. лат.).

³⁰⁸ «Школьная сапожная щетка»; Тартаре, «О способе каканья» (средневек. лат.).

³⁰⁹ «О различиях между супами» (средневек. лат.).

³¹⁰ «О разгрызании свиного сала, в трех книгах», сочинение достопочтенного брата Любэна, духовного отца провинции Болтании; «О вкушении козлятины с артишоками в папские месяцы вопреки запрещению церкви», сочинение Пасквина, мраморного доктора (средневек. лат.).

*Majoris, De modo faciendi boudinos*³¹¹,
 Прелатская волынка,
 Беда, *De optimitate triparum*³¹²,
 Жалоба адвокатов на реформы в области подношений,
 Бумагомаранье поверенных,
 Горох в сале, *cum commento*,
 Доходец от индульгенций,
Praeclarissimi juris utriusque Doctoris Maistre Pilloti Raquedenari, De
bobelinandis glosse Accursiane baguenaudis, Repetitio enucidiluculidissima,
*Stratagemata Francarchieri*³¹³ Баньоле,
Francopinus, De re militari, cum figuris Tevoti,
De usu et utilitate escorchandi equos et equas, authore M.
*nostro de Quebecu*³¹⁴,
 Неотесанность попикиков,
M. n. Rostocostojambedaness, De moustarda post prandium servienda, lib.
*quatuordecim, apostilati per M. Vaurillonis*³¹⁵,
 Мзда брачащихся поповским сожителям,
Quaestio subtilissima, utrum Chimera in vacuo bombinans possit comedere
secundas intentiones, et fuit debatuta per decem hebdomadas in concilio
*Constantiensi*³¹⁶,
 Адвокатская алчность,
*Barbouilamenta Scoti*³¹⁷,
 О летучемышеподобных париках у кардиналов,
De calcaribus removendis decades undecim, per M. Albericum de Rosata,
*Ejusdem, De castrametandis crinibus, lib. tres*³¹⁸,
 Вторжение Антонио де Лейвы в земли Бразильские,
Marforii bacalarii cubantis Rome, De pelendis mascarendisque Cardinalium
*mulis*³¹⁹,
 Ответ тем, кто утверждает, что папский мул питается в строго
 определенные часы,
 Предсказание, *que incipit Silvi Triquebille, balata per M. n. Songecruyson,*
Boudarini episcopi, De emulgentiarum profectionibus enneades novem, cum
*privilegio papali ad triennium, et postea non*³²⁰,
 Шашни девиц,

³¹¹ Майорис, «О способе приготовления кровяной колбасы» (средневеков. лат.).

³¹² «О превосходных качествах требухи» (средневеков. лат.).

³¹³ Прославленный доктор обоих прав, мэтр Пилло Грабежи, «О прорехах на вздоре, в Аккурсиевой глоссе собранном, Обзор наисветосозарнейший»; «Хитрости вольного стрелка» (средневеков. лат.).

³¹⁴ Вольный солдат, «О военном искусстве», с рисунками Тево; «О пользе и выгоде свежевания жеребцов и кобыл», сочинение доктора богословия де Кебекю (средневеков. лат.).

³¹⁵ Ростокостоямбеданесса, доктор богословия, «Об употреблении горчицы после еды, в четырнадцати книгах», с апробацией мэтра Вориллона (лат.).

³¹⁶ «Хитроумнейший вопрос о том, может ли Химера, в пустом пространстве жужжащая, поглотить вторичные интенции; обсуждался на Констанцском соборе в течение десяти недель» (средневеков. лат.).

³¹⁷ «Пачкотня» Скота (средневеков. лат.).

³¹⁸ «Об устранении шпор, в одиннадцати десятикнижиях» мэтра Альберика де Розата; «О постое гарнизонов в волосах, в трех книгах» того же автора (средневеков. лат.).

³¹⁹ Марфорио, бакалавр, в Риме покоящийся, «О том, как должно чистить и пачкать кардинальских мулов» (средневеков. лат.).

³²⁰ Начинающееся словами «Сильв Мошонк» и проблемное Сномнаяву, доктором богословия; Бударэн, епископ, «О доходах от эмульгенций, в девяти девятикнижиях, с папской привилегией сроком на три года, не более» (средневеков. лат.).

Облысение зада у вдовиц,
 Монашеский капюшон,
 Особый способ бормотания молитв у братьев целестинцев,
 Перевозная пошлина, вымогаемая, то бишь взимаемая,
 нищенствующими монашескими орденами,
 Зубостучание у голытьбы,
 Богословская мышеловка,
 Узость некоего отверстия у магистров наук,
 Оккамовы повара с малой тонзурой,
Magistri n. Fripesaulcetis, De grabellationibus horarum canonicarum, lib. quadraginta,
*Cullebutatorium confratriarum, incerto authore*³²¹,
 Шляпы братьев прожорливцев,
 Испанский Пропотелио, запоясзаткнутый братом Иньиго,
 Глистогонное средство для кухонных мужиков,
*Poiltronismus rerum Italicarum, authore, magistro*³²² Брюльфера,
R. Lullius, De batisfolagiis Principium,
*Callibistratorium caffardiae, auctore M. Jacobo Hocstratem, hereticometra*³²³,
 Ерник, *De magistro nostrandorum magistro nostratorumque beuветis lib. octo galantissimi*³²⁴,
 Испускание ветров буллистами, копиистами, скрипторами,
 аббревиаторами, референдариями и датариями в описании Региса,
 Постоянный альманах для подагриков и венериков,
*Maneries ramonandi fournello, per M. Eccium.*³²⁵
 Плутни купцов,
 Удобства монашеской жизни,
 Рагу из святош,
 История злых духов,
 Побирущничанье отставных служивых,
 Неуклюжие увертки официалов,
 Золотые россыпи казначеев,
Badinatorium sophistarum,
*Antipericatametanaparbeugedamphicibrationes merdicantium*³²⁶,
 Улитка рифмачей,
 Опыты алхимериков,
 Прodelки сборщиков лепты на монастыри, покрохамсобранные братом
 Серратисом,
 Оковы религии,
 Раскачивание звонарями собственных бил,
 Подлокотник старости,

³²¹ Доктор теологии Оближи, «О вылавливании канонических часов, в сорока книгах»; «Кувыркальня для братии» неизвестного автора (средневеков. лат.).

³²² «Итальянская лень», сочинение магистра (средневеков. лат.).

³²³ Р. Луллий, «О дурачествах князей»; «Влагалище лицемерия», сочинение мэтра Якоба Гохштратена, еретикомера (средневеков. лат.).

³²⁴ «О винных запасах у кандидатов в доктора теологии и у тех, кто уже получил означенную степень, в восьми книгах, до крайности пикантных» (средневеков. лат.).

³²⁵ «Способы очистки кухонных дымоходов» мэтра Экка (средневеков. лат.).

³²⁶ «Софистические забавы», «Извознизразбезчрезвокругдаоколосуждения испражняющихся» (средневеков. лат.).

Намордник для дворянства,
 Бормотание молитв себе под нос,
 Цепи набожности,
 Котелок для всех четырех времен года,
 Ступка политической жизни,
 Опахало затворников,
 Капюшон исповедников,
 Триктрак братьев распутников,
Lourdaudus, De vita et honestate braguardorum,
*Lyripii Sorbonici moralisationes, per M. Lupoldum*³²⁷,
 Обьедки – пища странников,
 Винные пластыри для жаждущих архипастырей,
*Tarraballationes Doctorum Coloniensium adversus Reuchlin*³²⁸,
 Погремушечки для дам,
 Мартингал для страдающих поносом,
*Virevoustatorum nacquetorum, per F. Pedebilletis*³²⁹,
 Подошвы чистосердечия,
 Маскарад чертенят и бесенят,
 Жерсон, *De auferibilitate papae ab Ecclesia*³³⁰,
 Санки для получивших ученую степень,
Jo. Dytebrodii, De terribilitate excommunicationum, libellus acephalos,
*Ingeniositas invocandi diabolos et diabolos, per M. Guingolfum*³³¹,
 Месиво для особо усердных молитвенников,
 Мавританский танец для еретиков,
 Кайетановы костыли,
 Свинорыл, *Doctoris cherubici, De origine patepelutarum et torticollorum*
*ritibus lib. septem*³³²,
 Шестьдесят девять расперепросаленных служебников,
 Толстопузие пяти нищенствующих орденов,
 Сдирание кожи с еретиков, извлеченное из «Рыжего сапога», втиснутого
 в *Summa angelica*³³³,
 Гадания о трудных случаях вопросов совести,
 Толстобрюшество председателей судов,
 Ослоумие аббатов,
Sutoris, Adversus quemdam, qui vocaverat eum fripponatore et quod
fripponatores nonsunt damnati ab Ecclesia,
*Cacatorium medicorum*³³⁴,
 Астрологическое слабительное,

³²⁷ Увалениус, «О жизни и достоинствах щеголей»; «Душеполезные наставления сорбоннской докторской шапочки», сочинение мэтра Лупольда (средневек. лат.).

³²⁸ «Поджигательские речи кельнских докторов против Рейхлина» (средневек. лат.).

³²⁹ «Круговращения слуг при игре в лапту» брата Шароступа (средневек. лат.).

³³⁰ «О возможности смещения папы церковью» (средневек. лат.).

³³¹ Иоанн Дитебродий, «Об ужасах отлучения от церкви, книжечка без головы»; «Способность вызывать дьяволов и дьяволиц» мэтра Гингольфа (средневек. лат.).

³³² Доктор херувический, «О происхождении ханжей и обычных лицемеров, в семи книгах» (средневек. лат.).

³³³ «Итог ангелический» (лат.) – сочинение Фомы Аквинского.

³³⁴ Портнягиус, «Против некоего лица, назвавшего автора плутом, а также о том, что плуты не осуждены церковью»; «Испражняльня медицинская» (средневек. лат.).

*Campi clysteriorum, per S. C.*³³⁵,
Ветроизгнание по способу фармацевтов,
Взадукопание по способу хирургов,
Justinianus, De cagotis tollendis,
Antidotarium animae,
Merlinus Coccaius, De patria diabolorum.³³⁶

Некоторые из этих книг уже отпечатаны, а некоторые еще печатаются в славном городе Тюбингене.

Глава VIII

О том, как Пантагрюэль, будучи в Париже, получил от своего отца Гаргантюа письмо, копия коего ниже приводится

Пантагрюэль занимался, как вы знаете, весьма прилежно и отлично успевал, ибо ум его был как бы с двойным дном, вместимость же его памяти равнялась двенадцати бочкам из-под оливкового масла. И вот, находясь в Париже, получил он однажды нижеследующее письмо от своего отца:

«Возлюбленный сын мой!

Среди тех даров, щедрот и преимуществ, коими зиждитель мира, всемогущий Господь изначала наделил и украсил природу человеческую, высшим и самым редкостным свойством представляется мне то, благодаря которому природа наша в смертном своем состоянии может достигнуть своего рода бессмертия³³⁷ и в преходящей жизни увековечить имя свое и семя, и совершается это через потомство, рождаемое нами в законном браке. Правда, то, чего лишил нас грех прародителей наших, утрачено безвозвратно, ибо им было сказано, что за неповиновение заповедям Господа Творца они умрут и что смерть уничтожит ту прекрасную форму, которую человек получил при своем появлении на свет. Однако ж вследствие того, что семя распространяется, в детях оживает то, что утрачено родителями, а во внуках то, что погибло в детях, и так будет продолжаться до самого Страшного суда, когда Иисус Христос возвратит свое царство Отцу, – царство, уже вкушающее мир, избавленное от каких бы то ни было опасностей и греховных соблазнов, ибо тогда уже прекратится деторождение³³⁸, прекратится повреждение нравов, прекратится непрерывное превращение элементов, настанет долгожданный и нерушимый мир, все придет к своему концу и пределу.

Следственно, благодарность моя Господу, промыслителю моему, имеет под собою достаточно твердое основание, ибо Он дал мне возможность увидеть, как моя убеленная сединами старость расцветает в твоей младости, и когда по Его произволению, которое всем в мире управляет и все умеряет, душа моя покинет человеческий свой сосуд, я умру не всецело³³⁹, – я лишь перейду из одного обиталища в другое, коль скоро в тебе и благодаря тебе видимый образ мой пребудет в сем мире, продолжая жить, продолжая все видеть, продолжая оставаться

³³⁵ «Клистерные поля», сочинение С. Ш. (лат.).

³³⁶ Юстиниан, «Об искоренении святош»; «Антидотарий для души»; Мерлин Коккай, «Об отечестве дьяволов» (средневеков. лат.).

³³⁷ ...достигнуть своего рода бессмертия... – Здесь, как и в других местах письма, Рабле следует трактату Эразма Роттердамского «Воспитание христианского государя».

³³⁸ ...тогда уже прекратится деторождение... – Фома Аквинский полагал, что в конце мира наступит состояние вселенской гармонии и стабильности, когда люди достигнут совершенства и Всевышнему уже не будет необходимости продолжать род человеческий.

³³⁹ ...я умру не всецело... – аллюзия на строки Горация, известные русскому читателю в переложении А.С. Пушкина («Нет, весь я не умру...», стихотворение «Памятник»). Рабле, не в пример Горацию, усматривает бессмертие не в славе поэта, а в продолжении рода, следуя тому же Эразму Роттердамскому.

в привычном кругу моих друзей, людей добропорядочных; теперь же я веду жизнь, пусть, должен сознаться, и не безгрешную, ибо все мы грешники и все мы неустанно молим Бога простить нам наши грехи, но, с помощью Божией и по милости Божией, безукоризненную.

Со всем тем, хотя в тебе и пребудет телесный мой образ, но если твои собственные душевные качества не проявятся во всем своем блеске, то тебя не станут почитать стражем и хранителем бессмертия нашего рода, и радость моя тогда омрачится, ибо худшая моя часть, а именно плоть, в тебе останется, лучшая же, а именно душа, благодаря которой люди могли бы благословлять наш род, измельчает и упадет в ничтожество. Все это я говорю не потому, чтобы я не верил в твою добродетель, – я в ней уже убедился воочию, – я хочу лишь тебя вдохновить на то, чтобы ты совершенствовался беспрестанно. И эти строки мои имеют целью не столько наставить тебя на путь добродетели, сколько вызвать в тебе удовлетворение при мысли, что ты жил и живешь как должно, и придать тебе бодрости на будущее время.

К сказанному я могу лишь прибавить и напомнить тебе, что я ничего для тебя не жалел, – я растил тебя так, словно у меня одна-единственная радость – еще при жизни убедиться, что ты достиг наивысшего совершенства не только в добродетели, благонравии и мудрости, но и во всех областях вольного и благородного знания, и быть спокойным, что ты и после моей смерти останешься как бы зеркалом, в коем отражается лик твоего отца, – отражается если и не так безупречно и не так полно, как бы мне хотелось, то, во всяком случае, насколько это от тебя зависит.

Но хотя блаженной памяти мой покойный отец Грангузье приложил все старания, чтобы я усовершенствовался во всех государственных науках, и хотя мое прилежание и успехи не только не обманули, а, пожалуй, даже и превзошли его ожидания, все же, как ты сам отлично понимаешь, время тогда было не такое благоприятное для процветания наук, как ныне, и не мог я похвастать таким обилием мудрых наставников, как ты. То было темное время, тогда еще чувствовалось пагубное и зловерное влияние готов, истреблявших всю изящную словесность.

Однако, по милости Божией, с наук на моих глазах сняли запрет, они окружены почетом, и произошли столь благодетельные перемены, что теперь я едва ли годился бы в младший класс, тогда как в зрелом возрасте я не без основания считался ученым из людей своего времени. Говорю я это не из пустого тщеславия, хотя в письме к тебе я имею полное право себя хвалить, примером чему служат нам Марк Туллий в своей книге *О старости* и Плутарх в книге под заглавием *Как можно себя хвалить, не вызывая зависти*, а единственно для того, чтобы выразить всю мою нежную к тебе любовь.

Ныне науки восстановлены, возрождены языки: греческий, не зная которого человек не имеет права считать себя ученым, еврейский, халдейский, латинский. Ныне в ходу изящное и исправное тиснение, изобретенное в мое время по внушению Бога, тогда как пушки были выдуманы по наущению дьявола. Всюду мы видим ученых людей, образованнейших наставников, обширнейшие книгохранилища, так что, на мой взгляд, даже во времена Платона, Цицерона и Папиниана было труднее учиться, нежели теперь, и скоро для тех, кто не понаторел в Минервиной школе мудрости, все дороги будут закрыты. Ныне разбойники, палачи, проходимцы и конюхи более образованны, нежели в мое время доктора наук и проповедники. Да что говорить! Женщины и девушки – и те стремятся к знанию, этому источнику славы, этой манне небесной. Даже я на старости лет принужден заниматься греческим языком, – в отличие от Катона я и прежде отнюдь не презирал его, но в юные годы я не располагал временем для его изучения, и вот теперь, ожидая того часа, когда Господу будет угодно, чтобы я покинул землю и предстал перед Ним, я с наслаждением читаю *Moralia*³⁴⁰ Плутарха, прекрасные *Диалоги* Платона, Павсаниевы *Описания* и Афинеевы *Древности*.

³⁴⁰ «Этические сочинения» (лат.).

Вот почему, сын мой, я заклинаю тебя употребить свою молодость на усовершенствование в науках и добродетелях. Ты – в Париже, с тобою наставник твой Эпистемон; Эпистемон просветит тебя при помощи устных и живых поучений. Париж послужит тебе достойным примером.

Моя цель и желание, чтобы ты превосходно знал языки: во-первых, греческий, как то заповедал Квинтилиан, во-вторых, латинский, затем еврейский, ради Священного писания, и, наконец, халдейский и арабский, и чтобы в греческих своих сочинениях ты подражал слогу Платона, а в латинских – слогу Цицерона. Ни одно историческое событие да не изгладится из твоей памяти, – тут тебе пригодится любая космография.

К свободным наукам, как-то: геометрии, арифметике и музыке, я привил тебе некоторую склонность, когда ты был еще маленький, когда тебе было лет пять-шесть, – развивай ее в себе, а также изучи все законы астрономии; астрологические же гадания и искусство Луллия пусть тебя не занимают, ибо все это вздор и обман.

Затверди на память прекрасные тексты гражданского права и изложи мне их с толкованиями.

Что касается явлений природы, то я хочу, чтобы ты выказал к ним должную любознательность; чтобы ты мог перечислить, в каких морях, реках и источниках какие водятся рыбы; чтобы все птицы небесные, чтобы все деревья, кусты и кустики, какие можно встретить в лесах, все травы, растущие на земле, все металлы, сокрытые в ее недрах, и все драгоценные камни Востока и Юга были тебе известны.

Затем внимательно перечти книги греческих, арабских и латинских медиков, не пренебрегай и талмудистами и каббалистами и с помощью постоянно производимых вскрытий приобрети совершенное познание мира, именуемого микрокосмом, то есть человека. Несколько часов в день отводи для чтения Священного писания: сперва прочти на греческом языке *Новый завет* и *Послания апостолов*, потом, на еврейском, *Ветхий*.

Словом, тебя ожидает бездна премудрости. Впоследствии же, когда ты станешь зрелым мужем, тебе придется прервать свои спокойные и мирные занятия и научиться ездить верхом и владеть оружием, дабы защищать мой дом и оказывать всемерную помощь нашим друзьям, в случае если на них нападут злодеи.

Я хочу, чтобы ты в ближайшее время испытал себя, насколько ты преуспел в науках, а для этого лучший способ – публичные диспуты со всеми и по всем вопросам, а также беседы с учеными людьми, которых в Париже больше, чем где бы то ни было.

Но, как сказал премудрый Соломон, мудрость в порочную душу не входит, знание, если не иметь совести, способно лишь погубить душу, а потому ты должен почитать, любить и бояться Бога, устремлять к Нему все свои помыслы и надежды и, памятуя о том, что вера без добрых дел мертва, прилепиться к Нему и жить так, чтобы грех никогда не разъединял тебя с Ним. Беги от соблазнов мира сего. Не дай проникнуть в сердце свое суете, ибо земная наша жизнь преходяща, а слово Божие пребывает вовек. Помогай ближним своим и возлюби их, как самого себя. Почитай наставников своих. Избегай общества людей, на которых ты не желал бы походить, и не зарывай в землю талантов, коими одарил тебя Господь. Когда же ты убедишься, что извлек все, что только можно было извлечь из пребывания в тех краях, то возвращайся сюда, дабы мне увидеть тебя перед смертью и благословить. Аминь.

Твой отец *Гаргантюа*.

Утопия, марта семнадцатого дня».

Получив и прочитав это письмо, Пантагрюэль взыграл духом и загорелся желанием учиться еще лучше, и, видя, как он занимается и успевает, вы бы сказали, что ум его пожирает книги, как огонь пожирает сухой вереск, – до того Пантагрюэль был въедлив и неутомим.

Глава IX

О том, как Пантагрюэль встретил Панурга³⁴¹ и полюбил его на всю жизнь

Однажды Пантагрюэль, прогуливаясь за городом близ аббатства св. Антония, рассуждая и философствуя со своими друзьями и несколькими студентами, встретил человека, бросавшегося в глаза хорошим ростом и изящным телосложением, избитого до синяков и такого ободранного, что можно было подумать, будто его собаки рвали или же что он собирал яблоки в Першском округе.

Пантагрюэль, завидев его издалека, обратился к своим приятелям:

– Видите, по Шарантонскому мосту шагает человек? Клянусь честью, он обойден лишь Фортуной. Если судить по его физиономии, то, уверяю вас, Натура ведет его происхождение от рода знатного и богатого, впал же он в нищету и дошел до крайности из-за приключений, к коим влечет людей любознательных.

Как скоро путник с ним поравнялся, Пантагрюэль его окликнул:

– Друг мой! Можно вас попросить остановиться на минутку и ответить мне на один вопрос? Вы об этом не пожалеете, ибо я горю желанием приложить все усилия и выручить вас из беды, – мне вас искренне жаль. Итак, скажите, друг мой, кто вы такой, откуда и куда идете, куда путь держите и как вас зовут?

Путник ответил ему по-немецки:

– *Юнкер! Готт геб эйх глюк унд хейль. Цуффор, либер юнкер, их ласс эйх виссен, дас да ир мих фон фрагт, ист эйн арм унд эрбармлих динг, унд вер филь дарфон цу заген, вильхес эйх фердруслих цу херен, унд мир цу эрцелен вер, виволь ди поэтен унд ораторс форцейтен хабен гезагт ин ирен шпрюхен унд зентенцен, дас ди гедехтнис дес элендс унд армутс форлангст эрлшиттен ист эйн гроссер луст.*³⁴²

Пантагрюэль же ему на это сказал:

– Друг мой! Я этой тарабарщины не понимаю. Если вы хотите, чтобы вас поняли, говорите на другом языке.

Тогда путник заговорил так:

– *Аль барильдим готфано деш мин брин алабо бордин фальброт рингуам альбарас. Нин порт задикин альмукатин милько прин алъ эльмин энтод даль хебен энзум; кутхим аль дум алькатим ним брот декот порт мин микайс им эндот, прух даль майзулюм холь мот дансрильрим лупальдас им вольдемот. Нин хур дьявост мнарботим даль гуи пальфрапин дух им скот прух галет даль Шинон мин фильхрих аль конин бутатен дот даль прим.*³⁴³

– Вы хоть что-нибудь понимаете? – обратился к своим спутникам Пантагрюэль.

Эпистемон на это заметил:

– По-моему, это язык антиподов. В нем сам черт ногу сломит.

Пантагрюэль же сказал:

– Приятель! Может быть, вот эти стены вас и поймут, мы же все, сколько нас ни есть, ровно ничего не понимаем.

Тут снова заговорил встречный:

³⁴¹ Панург — хитрец, ловкач (гр.).

³⁴² Молодой господин! Да ниспошлет вам Бог счастья и удачи! Узнайте же прежде всего, милый молодой господин, что то, о чем вы меня спрашиваете, печально и достойно жалости; я мог бы поведать об этом много такого, что вам было бы тяжело слушать, а мне рассказывать, хотя поэты и ораторы прошлого и утверждали в изречениях своих и афоризмах, будто воспоминания о былых бедах и нищете доставляют большую отраду (нем.).

³⁴³ Аль барильдим готфано... – Эту тарабарщину попытался расшифровать французский исследователь Э. Понс. По его мнению, Панург просит Пантагрюэля накормить его мясом, в противном же случае угрожает содомизировать его.

– Синьор мио! Вой видете пер эсемпьо ке ла корнамуза нон суона май, с'эла нон аильвен-трепъено; кози ио парименте нон ви сапрей контаре ле мие фортуне, се прима иль трибулато ventre нон а ла солита рефекционе, аль куале э адвизо, ке ле мани э ли денти аббиано персо иль лоро ордине натурале э дель тутто анникилланти.³⁴⁴

Эпистемон на это заметил:

– Одно другого стоит.

Тогда Панург заговорил так:

– Лард! Гест толб би суа верчусс би интеллидженс эсс йи боди шал бис би начурэл реливд, толб шуд оф ми пети хэв, фор нэчур хэсс эс эквали мэд; бат форчун сам эксалтит хэсс, эн ойс депревт. Нон ю лесс व्यос му верчусс депревт энд верчусс мен дискривис, фор, энен ю лед энд, исс нон гуд.³⁴⁵

– Еще того чище, – заметил Пантагрюэль.

Тогда Панург заговорил так:

– Йона андие, гуауса гусветан бегар да эрремедио, бегарде, верзела иссер лан да. Анба-тес, отойес наузу, эйн эссасу гурр ай пропозиан ордине ден. Нон иссвна байта фашиерия эгабе, генгерасси бадиа садассу, нура ассия. Аран гондован гуальде эйдассу най дассуна. Эсту уссик эгуинан сури гин, эр дарстура эгуи гарм, Геникоа плазар ваду.³⁴⁶

– Смилуйся над нами, Геникоа! – воскликнул Эвдемон.

Карпалим же сказал:

– Святой Треньян! Бьюсь об заклад, вы, уж верно, шотландец!

Тут Панург заговорил так:

– Пруг фрест стринст соргдманд строхдт дрдс пагг брледанд Граво Шавиньи Помар-дьер руст пкальдраг Девиньер близ Нэ, Бкуй кальмух монах друпп дельмейпплистринг дльрнд додельб уп брент лох минк стзринквальд де винс дерс корделис хур джокстстзампенардс.

Эпистемон же ему сказал:

– Друг мой! Вы говорите на языке человеческого или же на языке Патлена? Впрочем, нет, это язык фонарный.

Тогда Панург заговорил так:

– Герре, ий эн спреке андерс геен тэле дан керстен тэле; ми донкт нохтан, аль эн сег ий в нийт эен вордт, мицэн ноот в клэрт генох ват ий беглере; геест ми онит бермхертлихейт йет вэр он ий гефут мах цунах.³⁴⁷

Пантагрюэль же ему сказал:

– Яснее не стало.

Тогда Панург заговорил так:

– Сеньор! Де танто аблар йо сой кансадо. Пор ке суплико а вуэса реверенсия ке мире а лос пресептос эванхеликос, пара ке эльос муэван вуэса реверенсия а ло ке эс де консьенсия,

³⁴⁴ Синьор мой! Ведомо вам, к примеру, что волынка никогда не поет с пустым брюхом; так же точно и я не сумею рассказать вам о своих странствиях, прежде чем не получит обычного подкрепления бедное мое брюхо, по мнению коего, мои руки и зубы перестали выполнять свое обычное дело и вовсе исчезли (*ит.*).

³⁴⁵ Милорд, если вы столь же сильны разумом, как от природы велики ростом, вы должны почувствовать ко мне сострадание, ибо природа создала всех нас равными, но судьба одних вознесла, других же унизила. Однако добродетель всегда в загоне, а люди добродетельные в пренебрежении: ведь только испустив последний вздох, человек делается хорош (*искаж. шотландск.*).

³⁴⁶ Великий господин, на всякую напасть – свое лекарство; соблюдать приличия – вот что трудно! Умоляю вас, прикажите распорядиться насчет меня; мне нужно только одно: велите накормить меня досыта. А уж потом расспрашивайте сколько влезет, хоть за двоих: останетесь довольны, если Богу будет угодно (*баск.*).

³⁴⁷ Господин, все языки, на которых я говорю, – христианские. Но мне кажется, что, не произнеси я даже ни единого слова, все же лохмотья мои достаточно красноречиво поведали бы вам о моих нуждах. Будьте же милосердны и дайте мне что-нибудь для подкрепления сил (*голл.*).

*и, си эльос но бастаран пара мовер вуэса реверенсиа а пьедад, суплико ке мире а ла пьедад натураль, ла куаль йо крео ке ле мовра, комо эс де расон, и кон эсто но диго мас.*³⁴⁸

Пантагрюэль же на это заметил:

– Полно, друг мой! Я не сомневаюсь, что вы свободно изъясняетесь на разных языках. Скажите, однако ж, нам, что вам угодно, на таком языке, который мы в состоянии были бы понять.

Тогда путник заговорил так:

– *Мин герре, эндог йег мед инхен тунге таледе, люгесом буэн, ок ускулиг креатуер, мине клеебон, ок мине легомс магерхед удвисер аллиге кладиг хувад тюнг мег меест бехоф гиререб, сам эр сандерлих мад ок брюкке: хварфор форбарме тег омсудер овермег, ок беф эль ат гюффуик мег ногет, аф хвилькет йег кан стюре мине грёндес махе, люгерус сон манд Церберо ен сонно форсеттр, Соо шаль тус лёве ленг ок люксалихт.*³⁴⁹

– Я полагаю, – вмешался Эвсфен, – что так говорили готы, и, буде на то Господня воля, научимся говорить и мы, но только задом.

Тогда путник заговорил так:

– *Адони, шолом леха. Им ишар хароб халь хабдеха, бемехера титен ли кикар лехем, кака-туб: «Лаах аль Адонай хоненраль».*³⁵⁰

Эпистемон же на это заметил:

– Вот сейчас я понял, – это язык еврейский, и когда он на нем говорит, он произносит слова, как ритор.

Тогда путник заговорил так:

– *Деспота тинин панагате, диати си ми ук артодотис? Горас гар лимо анализкоменон эме атлиос, ке эн то метакси ме ук элейс удамос; дзетис де пар эму га у хре. Ке гомос филологи пантес гомологуси тоте логус те ке ремата перрита гипархин, гопоте прагма афто паси делон эсти. Энта гар ананкей монон логи исин, гина прагмата, гон пери амфисбетумен, ме просфорос эпифенете.*³⁵¹

– А, понимаю! – воскликнул лакей Пантагрюэля Карпалим. – Это по-гречески! Как, разве ты жил в Греции?

Путник же заговорил так:

– *Агону донт уссис ву денагез альгару, ну день фару замист вус маристон ульбри, фускез ву броль, там бредагез мунретон ден гуль густ, дагездагез ну круписфост бардуннофлист ну гру. Агу пастон толь нальприссис гурту лос экбатанус пру букви броль панигу ден баскру нудус кагуонс гуль уст тропассу.*³⁵²

³⁴⁸ Сеньор, я устал от этих бесконечных разговоров. Поэтому я умоляю ваше превосходительство принять в рассуждение наставления евангельские, ибо они побуждают ваше превосходительство поступать в соответствии с велениями совести. А если помянутых наставлений недостаточно, чтобы подвигнуть ваше превосходительство к милосердию, я умоляю вас принять в рассуждение милосердие естественное, на голос коего вы откликнетесь, я уверен, не менее живо, чем на голос разума. И тут я умолкаю (*исп.*).

³⁴⁹ Господин, даже в том случае, если бы я, словно малые дети и тварь бессловесная, не говорил ни на одном языке, все же моя одежда и моя худоба ясно показали бы вам, в чем я нуждаюсь – в еде и питье. Сжальтесь же надо мною и прикажите дать мне какое-нибудь средство для укрощения ярости моего неистово лающего желудка, подобно тому как ставят перед Цербером миску с супом. А вы да проживете долго и счастливо (*датск.*).

³⁵⁰ Мир тебе, господин мой! Если хочешь сделать добро слуге твоему, дай мне сейчас же хлеба, ибо сказано: «Ссужает Господу в долг тот, кто милосерд к бедняку» (*еврейск.*).

³⁵¹ Владыко мой, лучший из владык, почему ты меня не накормишь? Ты же видишь, что я, несчастный, умираю с голоду, между тем нисколько мне не сострадаешь и задаешь вопросы, к делу совсем не относящиеся. А ведь толкователи и комментаторы единодушно утверждают, что в тех случаях, когда все само по себе ясно, слова и рассуждения излишни. Слова необходимы лишь для того, чтобы осветить дело, о котором идет речь, если оно недостаточно очевидно (*гр.*).

³⁵² *Агону донт уссис...* – Здесь, по Э. Понсу, «на языке Утопии» Панург упрекает Пантагрюэля за то, что тот не отвечает на его просьбы, а продолжает есть.

– Я как будто бы понял, – сказал Пантагрюэль. – Должно полагать, это язык моей родной страны Утопии, – во всяком случае, он напоминает его своим звучанием.

Он хотел было еще что-то сказать, но путник его прервал:

– *Ям тотиес вос пер сакра перкве деос деаскве омнис обтестатус сум ут, си ква вос пие-тас пермовет, эгестатем меам соларемини, нек гилум профицио кламанс эт эйюланс. Сините, квезо, сините, вири импи,*

Кво ме фата вокант

*абире, некультра ванис вестрис интерпеллационибус обтундатис, меморес велтерис иллиус адагии, кво вентер фамеликус аурикулис карере дицитур.*³⁵³

– Полно, дружище! – сказал Пантагрюэль. – А вы по-французски-то говорить умеете?

– Еще как, сеньор, умею! – отвечал путник. – Слава Богу, это мой родной язык, я родился и вырос в зеленом саду Франции, то есть в Турени.

– Ну так скажите же нам, как вас зовут и откуда вы сюда прибыли! – молвил Пантагрюэль. – Честное слово, вы мне так полюбились, что, если вы ничего не имеете против, я не отпущу вас от себя ни на шаг, и отныне мы с вами составим такую же неразлучную пару, как Эней и Ахат.³⁵⁴

– Сеньор! – сказал путник. – Мое подлинное и настоящее имя, данное мне при крещении, Панург, а прибыл я из Турции, где находился в плену со времени злополучного похода на Митилену³⁵⁵. Я охотно поведал бы вам свои приключения, ибо они еще необычайнее приключений Одиссеевых, но коль скоро вам благоугодно взять меня к себе – а я охотно принимаю ваше предложение и обещаю не покинуть вас даже в том случае, если вы отправитесь ко всем чертям, – у нас еще будет время потолковать об этом на досуге, в настоящую же минуту я испытываю острую потребность в пище: зубы у меня щелкают, в животе пусто, в горле пересохло, аппетит зверский, – одним словом, все наготове. Если вы желаете привести меня в годное состояние, благоволите отдать надлежащие распоряжения. Вы потешите свой взор, глядя, как я стану уписывать за обе щеки.

Тут Пантагрюэль отвел Панурга к себе и велел принести как можно больше съестного, что и было исполнено; Панург славно в тот вечер поужинал, лег спать с петухами, а на другой день проснулся перед самым обедом, и не успели другие оглянуться, как он уже сидел за столом.

Глава X

О том, как Пантагрюэль правильно разрешил один удивительно неясный и трудный вопрос – разрешил столь мудро, что его решение было признано поистине чудесным

Крепко запомнив наставления, заключавшиеся в письме отца, Пантагрюэль порешил в один из ближайших дней проверить свои познания.

И точно: он велел вывесить на всех перекрестках девять тысяч семьсот шестьдесят четыре тезиса, касавшиеся всех отраслей знания и затрагивавшие наиболее спорные вопросы в любой из наук.

³⁵³ Уже столько раз, заклиная вас всем святым, всеми богами и богинями, я взывал к вам, умолая, если сохранилась в вас хоть капля благочестия, прийти на помощь моей нужде, но ничего не добился своими воплями и сетованиями. Пусть же, пусть, о мужи нечестивые, уйду я вашим попустительством туда, куда Судьбы зовут меня злые, и не докучайте мне больше вашими пустыми расспросами, памятуя о той древней поговорке, которая утверждает: у голодного брюха не ищи уха (*лат.*).

³⁵⁴ Ахат — один из персонажей «Энеиды» Вергилия, близкий друг Энея.

³⁵⁵ ...со времени злополучного похода на Митилену. – В 1502 г. французы безуспешно осаждали город Митилену на острове Лесбос, в то время принадлежавшем Турции.

Прежде всего он выступил на улице Фуарр против всех магистров наук, студентов и ораторов – и всех посадил в лужу. Затем он выступил в Сорбонне против всех богословов, – это продолжалось полтора месяца, с четырех часов утра до шести вечера, с двухчасовым перерывом, чтобы закусить и подкрепиться, каковой диспут не мешал сорбоннским богословам, по обыкновению, клюкать и пропускать для бодрости.

При сем присутствовали многочисленные судейские сановники, докладчики, председатели судов, советники, члены счетной палаты, секретари, адвокаты и прочие, а также городские старшины и лекторы медицинского и юридического факультетов. И вот что любопытно: большинство тотчас же закусило удила, однако, несмотря на их выверты и петли, он всех их постранил и доказал на деле, что они перед ним не более как телята в мантиях.

Тут все зашумели и заговорили в один голос о его изумительных познаниях, – все, даже простолюдинки: прачки, сводни, кухарки, торговки и прочие, и уж потом, когда ему случалось проходить по улицам, они всякий раз говорили: «Это он!» Пантагрюэлю это было приятно, так же точно, как лучшему греческому оратору Демосфену³⁵⁶, когда одна сгорбленная старушонка, указав на него пальцем, изрекла: «Это он самый».

В ту пору, надобно вам знать, в суде шла тяжба между двумя вельможами, одного из которых, а именно истца, звали господином Лижизад, а другого, то есть ответчика, господином Пейвино, и дело это было до того темное и с юридической точки зрения трудное, что парламентский суд так же свободно в нем разбирался, как в древневерхненемецком языке. Наконец по повелению короля были созваны на совещание четыре самых ученых и самых жирных члена разных французских парламентов, созван Высший совет, а равно и все наиболее видные профессора не только французских, но и английских и итальянских университетов, как, например, Ясон³⁵⁷, Филипп Деций, Петрус де Петронибус, и целая шатия старых раввинистов. Все это заседало сорок шесть недель, но так и не раскусило орешка и не могло подвести дело ни под какую статью, и это обстоятельство так обозлило заседавших, что они от стыда самым позорным образом обкакались.

Впрочем, один из них, по имени Дю Дуэ³⁵⁸, более образованный, искушенный и благоразумный, нежели прочие, как-то раз, когда у всех у них мозги уже набекренились, объявил:

– Господа! Мы здесь давно и только зря расходует деньги, а в деле нашем все еще не видим ни дна, ни берега, и чем больше мы его изучаем, тем меньше понимаем, – от этого нам становится весьма стыдно и совестно, и, на мой взгляд, нам с честью из этого положения не выйти, ибо все наши речи – это несусветная дичь. Вот, однако ж, что я надумал. Вы, конечно, слышали об одном великом человеке, о магистре Пантагрюэле, которого после великих публичных диспутов, в коих он принимал участие, признали сверхученейшим человеком нашего времени? Я предлагаю пригласить его сюда и побеседовать с ним об этом деле. Если уж Пантагрюэль его не решит, значит, его решить нельзя.

Все советники и доктора охотно на это пошли.

И точно: за Пантагрюэлем немедленно послали и обратились к нему с просьбой распутать и раскумекать это дело и по всей форме вывести заключение, какое ему покажется правильным, для чего Пантагрюэлю тут же были вручены все бумаги и акты, составившие такой воз, который могла бы сдвинуть с места разве лишь четверка здоровенных ослов. Пантагрюэль же спросил:

– А что, господа, тяжущиеся сеньоры еще живы?

Ему ответили утвердительно.

³⁵⁶ ...так же точно, как лучшему греческому оратору Демосфену... – Слава Демосфена (384—322 г. до н. э.) как мастера политического красноречия вплоть до XVII в. была непрекращаемой.

³⁵⁷ Ясон – падуанский юрист Джазоне Майно (1485—1519).

³⁵⁸ Дю Дуэ – Бrien Вале, сеньор дю Дуэ (ум. 1544), советник парламента в Бордо.

– Какого же черта вы мне суετε весь этот ворох бумаг и копий? – спросил он. – Не лучше ли послушать, как спорят между собой живые человеческие голоса, нежели читать все это дуракавалянье, представляющее собой сплошные каверзы, цеполловы дьявольские каутелы, прямые нарушения права? Я убежден, что и вы и все, кто к этому делу руку приложил, навывдумывали невесть сколько всяких там *pro* и *contra*, что дело само по себе ясное и легкое, а вы нарочно напустили туману: привели всякие нелепые и безрассудные доводы да разные благоглупости Аккурсия, Бальда, Бартола, Кастро, Имолы, Ипполита, Панормы, Бертакино, Александра, Курция и прочих старых пентюхов, которые так и не удосужились прочесть ни одного закона из *Пандектов*, — ведь по части знания законов это же были настоящие бревна, сущие неучи. Доподлинно известно, что они не знали ни греческого языка, ни латинского, а только готский и варварский. А между тем законы были первоначально заимствованы у греков, о чем у нас есть свидетельство Ульпиана в *De origine juris*³⁵⁹ (книга последняя), – вот почему все законы полны греческих слов и выражений. Потом законы были составлены на самой изыщной и изысканной латыни, с которой не выдерживает сравнения даже язык Саллюстия, Варрона, Цицерона, Сенеки, Тита Ливия и Квинтилиана. Как же могли понять тексты законов эти старые сумасброды, которые никогда в глаза не видели хорошей книги на латинском языке, непременное чему доказательство представляет собой их собственный слог, слог печников, поваров и кухонных мужиков, а не законоведов? Да и потом, коль скоро законы пересажены с почвы нравственной и натуральной философии, то как бы эти олухи могли их понять, раз они сами, ей-богу, меньше смыслят в философии, нежели мой мул? Что же касается знания гуманитарных наук, древностей и истории, то они могут им похвастать так же, как жаба – перьями, и прибегают они к нему так же часто, как пьяницы к крестному знаменю, а ведь любое право этим полно и без такого рода познаний понято быть не может, что я когда-нибудь более обстоятельно и докажу в особом сочинении. Итак, если вы намерены ознакомить меня с этой тяжбой, то, во-первых, сожгите все эти бумаги, а во-вторых, вызовите ко мне сюда обоих тяжущихся дворян, и вот когда я их выслушаю, я вам изложу свое мнение без околичностей и уверток.

Некоторые начали было ему возражать, – вы же знаете, что во всяком обществе больше глупых людей, нежели умных, и большая часть всегда берет верх над лучшей, как сказал по поводу карфагенян Тит Ливий. Однако вышеупомянутый Дю Дуэ мужественно стоял на своем и доказывал, что Пантагрюэль прав, что все эти реестры, опросные листы, первичные и вторичные объяснения сторон, заявления об отводе свидетелей, возражения против отвода свидетелей и прочая тому подобная чертовщина суть не что иное, как прямое нарушение права и умышленное затягивание процесса, и что пусть их всех черт возьмет, если они не поведут дело иначе, соответственно истине евангельской и философской.

Коротко говоря, все бумаги были сожжены, и оба дворянина были вызваны в суд. Пантагрюэль тотчас же обратился к ним:

– Это между вами идет великий спор?

– Да, милостивый государь, – отвечали они.

– Кто же из вас истец?

– Я, – отвечал сеньор Лижизад.

– В таком случае, друг мой, изложите мне по пунктам ваше дело в полном согласии с истиной, ибо, клянусь телом Господним, если вы хотя в едином слове солжете, я сниму вам голову с плеч и тем самым докажу вам, что на суде и перед лицом правосудия должно говорить только правду, Итак, воздержитесь от недомолвок и прикрас. Прошу вас!

³⁵⁹ «О происхождении права» (лат.).

Глава XI

О том, как сеньоры Лижизад и Пейвино в присутствии Пантагрюэля тягались без адвокатов

И вот Лижизад начал следующим образом:

– Милостивый государь! Что одна из моих служанок отправилась на рынок продавать яйца – это сущая правда...

– Наденьте шляпу, Лижизад, – сказал Пантагрюэль.

– Покорно благодарю, милостивый государь, – сказал сеньор Лижизад. – Так вот, она должна была пройти расстояние между тропиками до зенита в шесть серебряных монет и несколько медяков, поелику Рифейские горы обнаружили в текущем году полнейшее бесплодие и не дали ни одного фальшивого камня по причине возмущения балагуров из-за распри между ахинеянами и мукомолами по поводу бунта швейцарцев, тьма-тьмущая которых собралась встречать Новый год, с тем чтобы после встречи, днем, накормить быков супом, ключи же от кладовых отдать девкам-судомойкам, – пусть, мол, те засыпят собакам овса.

Всю ночь, не отнимая руки от ночного сосуда, они только и делали, что рассылали пешие и конные эстафеты, дабы задержать корабли, ибо портные намеревались из краденых кусочков соорудить трубу и покрыть ею Океаническое море, коего пучина в ту пору, по мнению сеноуборщиков, была как раз вспучена, ибо в ней находился горшок шей, однако ж медики уверяли, что по морской моче с такою же определенностью можно судить о том, что море наелось топоров с горчицей, с какою распознают дрофу по ее шагу, если только господа судьи бемольным указом не воспретят дурной болезни обирать шелковичных червей и разгуливать во время церковных служб, оттого что оборванцы уже начали откалывать веселый танец, как говаривал добрый Раго:

Ноги – ходуном,
А в голове – содом*.

Ах, милостивые государи, пути Господни неисповедимы, а обух расщелкивается кнутом погонщика! Это было в день возвращения из-под Бикокки, и тогда же еще на магистра Анти-туса³⁶⁰ де Кресоньера был возложен наигрузнейший груз степени лиценциата, – как говорят знатоки церковного права: *Beati lourdes, quoniam ipsi trebuchaverunt.*³⁶¹

Однако ж, клянусь святым Фиахрием Брийским, Великий пост оттого у нас так строго соблюдают, что

Никто не скроет,
Что Троица деньжонок стоит;
Дождь невелик,
Да прекращает ветер вмиг*.

Если же мы условимся, что судебный пристав не будет так высоко ставить мишень на стрельбище, а секретарь перестанет кругообразно обгрызать себе ногти на пальцах, равно как и гусиные перья, то мы ясно увидим, что каждый виновный берет себя за нос, дабы разглядеть в перспективе при помощи органов зрения то место у камина, где вешают питейный флаг с сорока кушаками, потребными для двадцати оснований к отсрочке. Как бы то ни было, сперва

³⁶⁰ *Антитус* – в средние века нарицательное имя ученого педанта.

³⁶¹ Блаженны обремененные, ибо они споткнулись (*средневеков. лат.*).

надо снять голову, а потом уж поплакать по волосам, ибо кто штаны задом наперед надевает, у того память отшибает. А посему избави, Господи, от всякого зла Тибо Митена!

Тут Пантагрюэль сказал:

– Полно, друг мой, полно, говорите медленно и не волнуйтесь. Мне все ясно. Продолжайте!

– Так вот, милостивый государь, – снова заговорил Лижизад, – упомянутая мною служанка, исправно читающая *Gaude* и *Audi nos*³⁶², не может укрыться ловким фехтовальным приемом с помощью матери честной университетскими привилегиями, разве только по-ангельски погрузившись в воду, накрывшись семеркою бубен и сделав стремительный выпад рапирой возле самого того места, где продаются старые знамена, коими пользуются фламандской школы живописцы, когда им нужно из пустого перелить в порожнее, и я просто диву даюсь, как это род людской не несет яиц, раз он так славно их высиживает.

³⁶² «Радуйся» и «Внемли нам» (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.